

Зарубежная

фантастика

**Миры
Уильяма
Моррисона**

Миры Уильяма Моррисона

Издательство «М.И.Ф.»

Зарубежная

фантастика

МИРЫ
УИЛЬЯМА
МОРРИСОНА

Сборник
научно-фантастических
произведений

Москва «М.И.Ф.»

Второй выпуск

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Во второй том Собрания сочинений Уильяма Моррисона вошел роман «Механизмы времени» и ряд рассказов. Во всех этих произведениях Моррисон остался верен себе. В своем творчестве он всегда тяготел к двум направлениям фантастики – приключенческой и юмористической, – и нередко у него они переплетались между собой. Вообще Моррисон довольно типичный представитель третьего, самого блистательного и плодотворного, поколения американских фантастов.

Первое поколение сложилось в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков и лидером его можно с полными основаниями назвать Эдгара Берроуза. Именно его творчество оказало громадное влияние на всю последующую американскую фантастику. И, хотя писал он вплоть до своей смерти в 1950 году, но все его произведения написаны в духе «первого поколения», для которого приключенческая составляющая произведений была куда важнее фантастической.

Вторым поколением американских фантастов могут считаться, наверное, писатели, творчество которых пришлось на 20–40-е годы двадцатого века. Именно тогда в США сложился термин «научная фантастика» (Science Fiction), и произведения именно этого поколения стали считаться отдельным жанром. Лидером этого поколения без сомнений был Эдмонд Гамильтон. Для этого поколения фантастическая составляющая произведений крепнет и встает вровень с приключенческой. Именно это поколение начало успешно трудиться в поджанре «космическая опера», с головокружительными

приключениями, но с обязательными сильными фантастическими идеями.

Третье же поколение фантастов возникло перед войной, а расцвет его пришелся на 50-70-е годы двадцатого века. И это действительно было блистательное поколение. В нем уже невозможно выделить одного лидера, а только плеяду писателей, практически все из которых получили впоследствии титул Великий Мастер. Азимов, Хайнлайн, Каттнер, Саймак, Шекли – всех их не так уж легко перечислить.

Но были в этом поколении «суперзвезды», а были писатели менее заметные, но создавшие немало великолепных вещей. К таким и относится Уильям Моррисон. Творческий путь его в фантастике оказался недолог – с сороковых по конец пятидесятых годов, – главным образом потому, что он был ученый и не захотел бросить науку, а работать в двух ипостасях не получалось, и в конце пятидесятых годов он распрощался с литературой, хотя еще почти тридцать лет занимался научной деятельностью.

Однако, то, что он успел написать за столь короткий промежуток, превосходно читается и в наше время, идеи не устарели, а приключения столь же привлекательны, как и семьдесят с гаком лет назад. И я очень рад, что отечественные читатели наконец-то смогут познакомиться с его творчеством в полном объеме.

Андрей Бурцев

МЕХАНИЗМЫ
ВРЕМЕНИ

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

МЕХАНИЗМЫ ВРЕМЕНИ

I

Вероятно, вы думаете, будет естественно, если Земля покажется марсианину странной и непостижимой. Но это не так. Марсиане принадлежали к той же расе, что и земляне, имели, по существу, те же обычаи и тот же образ жизни. Земляне колонизировали Марс, и до сих пор не замечалось никакого различия во внешности между обитателями этих двух планет. Но имелась громадная разница в психологии. Он не понимал, какая именно, но уже столкнулся со скрытыми деформациями и почувствовал, что земная сила тяжести может причинять неудобства.

Например, девушка на космодроме с ее невероятно медлительным изяществом...

Он поморщился. Не затем прилетел он на Землю, чтобы думать о девушках. Он обычный гражданин Марса, но сейчас на него возложены более значительные обязанности, чем на большинство граждан. На них и следовало сконцентрировать мысли.

Наконец, он остался один в предоставленной ему комнате, усталый, измученный всяческими случайностями и задержками космического перелета. Первым побуждением было упасть в одно из мягких кресел и расслабиться. Но он смог увидеть город лишь мельком из вертолета и хотел составить о нем более точное представление.

В коммуникационных устройствах имелись те же кнопки, микрофоны, динамики и экраны, что и на Марсе. Он нажал нужную кнопку, попросил соединить его с Департаментом Торговли и секунду спустя уже говорил с девушкой, сообщившей ему, что она является секретарем Хжелмара.

– Да, мистер Коррелл, мы вас ожидаем. Вы разрешите нам увидеть вас?

Он нажал нужную кнопку и зажегся глазок камеры.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, мистер Коррелл. Ваша внешность сверена с физиообразцом, который мы получили. Мистер Хжелмар сейчас занят, но я уполномочена договориться о встрече на семь тридцать вечера. Мистер Хжелмар попросил, чтобы я пригласила вас на обед, таким образом, вы сможете все обсудить с ним на досуге. Вы удовлетворены?

– Да, конечно.

Он увидел, как на панельке календаря появилась запись о назначенной встрече. Дата читалась «понедельник, 15». Он должен был прибыть еще неделю назад. Но мне повезло, что я вообще прибыл сюда в 2731-м году, подумал он. Если бы нам не повезло, и нас достаточно быстро не спасли...

– За вами заедет наш водитель. Большое спасибо, мистер Коррелл.

Он хотел было сказать, что не стоит за ним заезжать, что он доберется сам, но раздался щелчок, и изображение девушки по-

гласо. Не имеет значения, подумал он. Все равно я сделаю так, как мне хочется.

Он уступил первому импульсу и сел, наконец, в кресло. Откинувшись на спинку, смог увидеть большую часть города. Нашлись и другие здания, столь же высокие, как отель, но их было мало, и они располагались так, что не бросались в глаза. Город протянулся на много миль во всех направлениях, но это не был переполненный человеческий муравейник, как в старину. Даже вертолетные площадки на крышах окружали полоски трав и цветов.

Справа высилось массивное здание, которое сперва его озадачило. Оно показалось ему знакомым, хотя одновременно он был уверен, что никогда раньше его не видел. А потом, внезапно, понял. Это универмаг точно такого же дизайна, как и на Марсе, только гораздо больше и гораздо внушительней.

Ему вдруг стало интересно, а какой на Земле образ жизни? Он всю жизнь работал, чтобы сэкономить время для путешествия, и теперь пребывал в уверенности, что вокруг полно вещей, которые окажутся для него в новинку. Ведь, фактически, со дня смерти отца он даже не думал об отпуске.

Вероятно, это стало его ошибкой. Возможно, ему следовало оставить мать на родственников или, в случае их отказа, обратиться в Отдел социального обеспечения. Но он был марсианином, он гордился своими способностями, и у него было чувство долга, которое не позволяло ему перекладывать свое бремя на других. Он работал и одновременно продолжал учебу в области промышленной науки.

Это давалось нелегко. При шестнадцатичасовом рабочем дне остается мало времени на развлечения, но он и не имел к ним склонности. Затем он получил степень бакалавра, и был нанят марсианским Департаментом Торговли. Тогда впервые ему показалось, что бремя станет легче, и он сможет начать жить по-настоящему.

Но этого не случилось. Главным приоритетом стала работа в Департаменте Торговли, и чувство долга заставило Коррелла трудиться сверхурочно. Шестнадцатичасовой рабочий день периодически становился восемнадцатичасовым.

С чувством досады получил он задание отправиться на Землю. Сколько времени пропадет впустую! Сам полет в оба конца, да и на Земле наверняка окажутся дни, в которые нечем будет заняться, кроме ожидания. Конечно, он понимал, что новые места и люди расширят его кругозор. Марс все еще являлся лишь бледной копией материнской планеты, и марсиане оставались всего лишь провинциалами, пока хотя бы разок не посещали Землю. Но он так привык упорно трудиться, что вынужденное бездействие казалось ему преступлением.

Но так или иначе, ему предстоял полет на Землю.

Он закрыл за собой дверь комнаты и направился к лифту. Рядом проходила самодвижущаяся дорожка, и он мог воспользоваться ею, но не захотел. После стольких дней заключения на корабле ему захотелось пройтись своими ногами.

Сама мысль о том, что он дышит земным воздухом, волновала. Здешний воздух не был отфильтрован, как на корабле, и оказался значительно богаче, чем марсианский. Синтетическому марсианскому воздуху исполнилось лишь несколько сотен лет. Оригинальная атмосфера была слишком разреженной для людей. И лишь когда получили широкое распространение заводы терраформирования, которые использовали красную ржавчину марсианской почвы в качестве источника кислорода, атмосфера стала улучшаться, и канули в прошлое скафандры и герметичные купола. Но давление на Марсе все еще оставалось ниже земного, и в воздухе недоставало азота и инертных газов.

Так что марсианам, как и Корреллу, атмосфера Земли каза-

лась возбуждающей. Он в полной мере наслаждался своей короткой прогулкой. К своему удивлению выяснилось, что в универсаме, куда он вошел, также нашлось несколько неожиданностей. Женские одежды, насколько он мог судить, выглядели почти так же, что и на Марсе. Они были из более легкой ткани, и подола немного короче, что и следовало ожидать в более теплом климате Земли, но и только. Мужская одежда тоже слегка отличалась. Например, модель для тропических спортивных состязаний была для него в новинку, но по большому счету, жизнь на двух планетах шла почти одинаково, с той лишь разницей, что более теплая Земля с богатой атмосферой давала больше возможностей для развития жизни. Казалось, Земля, вообще, более разнообразна.

Магазин переполняли покупатели так же, как и на Марсе, за исключением того, что здесь он почувствовал некоторую напряженность, какой не ожидал. Может, это следствие походки окружающих или жестикуляции, он не знал, но чтобы избавиться от этой напряженности, следовало понять ее истоки. Он размышлял над этим и понял, что есть что-то еще, кроме обычных признаков.

Внезапно произошло нечто, что не имело смысла, и все вокруг, земные мужчины и женщины, оказались поражены и возмущены этим так же, как и он.

Просто какой-то человек внезапно ринулся бежать. Пока он не сделал этого, Коррелл и не обратил на него внимания в толчее. Но его поразило, что человек, который только что вел себя прилично, не привлекая внимания, внезапно превратился в какого-то маньяка. Словно в приступе безумия он распахивал людей на своем пути и мчался сквозь самую гущу, расталкивая своих жертв, как неодушевленных кукол. Двигался он настолько быстро, что его невозможно было остановить. Через несколько секунд он миновал эскалаторы и выпрыгнул из окна. Толпа задохнулась от ужаса.

Коррелл заметил, как человек в прыжке ухватился за пластиковую веревку. Когда же он добрался до ближайшего окна и выглянул из него, то увидел прыгуна благополучно приземлившимся далеко внизу. Тот скатился к крыше соседнего здания, прыгнул на выступ пятнадцатого этажа, а затем на выступ десятого. Очевидно, скачок на пять этажей был для него плевым делом. А потом злоумышленник скрылся за углом.

Коррелл отвернулся от окна.

– Что произошло? – спрашивал кто-то. – Он что, сумасшедший? Он что-нибудь украл?

– С полок ничего не исчезло.

– Может, он выбрал чей-то карман, – предположил кто-то еще.

– Никто не жалуется. Вообще какая-то бессмыслица.

– Моя сестра говорила, что на прошлой неделе что-то подобное произошло в ее офисе. – Говорившую тут же окружили женщины. – Иногда я думаю, что цивилизация нас погубит. В итоге мы все сойдем с ума.

Коррелл с удивлением покачал головой. Несмотря на нелогичность поведения незнакомца, его лицо, которое Коррелл увидел мельком, не выглядело лицом сумасшедшего. Он больше походил на человека, отчаянно пытавшегося убежать. Но от кого?

Нет ни малейших предположений. Но если этот человек и безумен, то Коррелл не мог не оценить умения, с которым тот выпрыгнул из окна и невредимым спустился на землю. Никто из его знакомых даже и пробовать бы не стал выполнить такой трюк.

И чем дольше он размышлял об этом, тем большую зависть пробуждало в нем проворство незнакомца. Коррелл вообще ценил быструю реакцию. Он знал, что самого его считали медлительным. Хороший парень этот Коррелл, думали его сокурсники, отлично мыслит, если у него есть время сделать заключения, но только слегка тормознутый. Он являлся прекрасным примером неторопливого аналитика.

Это было глупо и несправедливо, и он всегда негодовал, услышав такое. Никто не понимал, насколько его ум притуплен бесконечной работой по шестнадцать часов в день, когда выспаться можно лишь в выходной. Он жил не в тех условиях, чтобы мыслить быстро или мгновенно находить остроумные ответы. Он был типичным примером трудоголика, не видящего ничего, кроме своей работы.

Привычки, которые он приобрел в те времена, сохранились и через шесть лет работы в Департаменте Торговли. Департамент стал местом, где ценили результат. Им понравился человек с таким чувством долга, как у Коррелла, поэтому его продвигали по службе. Но одновременно его также и слегка презирали. Как и студенты, коллеги считали его нудным аналитиком, полезным, но не блестящим. Ему исполнилось двадцать восемь лет, но некоторые считали его стариком.

И бывали времена, когда он был почти готов согласиться с мнением окружающих. Почти, но не совсем. Если ему дать шанс...

Он находился возле эскалатора, когда кто-то прервал его размышления.

– Мистер Коррелл?

Обратившийся к нему был в униформе Департамента Торговли.

– Вас что, послали за мной? – спросил Коррелл.

– Да, сэр, совершенно верно. Мистер Хжелмар рано закончил конференцию и очень рассердился, обнаружив, что встреча с вами отложена на несколько часов. Он распорядился, чтобы вас пригласили пропустить с ним пару рюмочек до обеда.

– Но я не такая уж важная птица...

– Боюсь, что вы ошибаетесь, сэр. Мистер Хжелмар настаивал, чтобы мы не упустили вас. Поэтому, обнаружив, что вы покинули отель, мы стали разыскивать вас поблизости. Впервые прибыв-

шие на Землю частенько ходят по магазинам, чтобы увидеть, как здесь живут.

– Ладно, я в вашем распоряжении. Ваш вертолет на крыше?

– Совершенно верно, мистер Коррелл.

Коррелл пошел за ним, и пару минут спустя они уже поднялись в воздух. Небо уже потемнело, а внизу сияли городские огни, красивые, хотя кажущиеся ему бесполезными.

Вертолет приземлился, и он выбрался наружу. Оглядевшись, Коррелл увидел вокруг высокие стены, а сверху прозрачный потолок. Они вообще сели не на крышу, а в закрытый ангар.

– Но это не здание Департамента Торговли, – со вспыхнувшим подозрением сказал Коррелл.

– Да, мистер Коррелл. Однако, вам не следует бояться. Скоро вы будете освобождены. Просто кое-кто хочет побеседовать с вами.

Он почувствовал, как лицо загорелось от стыда. Какой же он дурак, что так глупо угодил в ловушку! Правильно говорили, его ум слишком медлителен.

– Мне не о чем говорить с кем бы то ни было, – сказал он. – И мне не нравятся ваши методы организации встреч.

– Естественно, – кивнул сопровождающий. – Но вы должны высказать это не мне. Пройдите вперед, пожалуйста.

Он провел Коррелла в какую-то комнату и сказал:

– Располагайтесь поудобнее, мистер Коррелл. Сейчас к вам придут.

Он вышел. Коррелл был охвачен негодованием и одновременно замешательством. Я прилетел сюда с обычной миссией, напомнил он себе, и не должно произойти ничего подобного. Очевидно, что-то не так в Департаменте Торговли. Может, это имеет какое-нибудь отношение к напряжению, которым прямо-таки пропитался воздух в универмаге?

Открылась дверь, и в комнату вошел человек.

– Мистер Коррелл... – начал было он.

– Не знаю, о чем вы хотите говорить, – перебил его Коррелл, – но смею вас уверить, что не собираюсь вести никакой беседы в подобных условиях.

– Надеюсь, вы передумаете, мистер Коррелл. Однако, вам предстоит побеседовать не со мной. Я всего лишь мелкий служащий. Я здесь только для того, чтобы подготовить вас к разговору.

– Почему беседа нуждается в такой подготовке?

– Потому что у моего начальника слишком мало свободного времени. Мне следует ввести вас в суть беседы, которую он проведет с вами. Он очень занятой человек...

– Я тоже. Меня ждут в Департаменте Торговли.

– Но какое-то время у вас все же имеется, мистер Коррелл.

– У вас что, там шпионы?

– Это неважно, мистер Коррелл. Для начала, я хотел бы указать, что мой начальник хочет сделать вам некоторые предложения. Довольно серьезные предложения, и я хочу, чтобы вы приняли их. Времени это отнимет немного, потому что, как я уже сказал, мой начальник чрезвычайно занят.

– Полагаю, у меня нет другого выбора, кроме как выслушать его? – нахмурился Коррелл.

– Совершенно верно. – Дверь снова открылась. – Господин Арвон.

Человек, возникший в дверном проеме, походил на молодого пророка, несмотря на странноватую нескладность фигуры. Ему вряд ли больше тридцати лет, предположил Коррелл. Среднего роста, коренастый, с каштановой бородой, скрывающей нижнюю половину лица. Над бородатыми скулами странным огнем пылали глаза Арвона.

Он говорил со странной медлительностью, словно спешил, но что-то удерживало его на месте.

– Мистер Коррелл, пожалуйста, выслушайте меня. Вы прилетели, чтобы наладить обмен марсианского сырья на определенную земную технику. Я хочу... – Он сделал паузу и облизнул губы. – Я хочу сделать вам встречное предложение. Вы получите техники больше, чем рассчитывали. И продадите избыток мне. Я заплачу вам также за сэкономленное сырье, что позволит вам выполнить свои обязательства по отношению к Марсу, получить прибыль и, кроме того...

– Это нелепо, Арвон, – прервал его Коррелл. – Вы ожидаете, что я стану заключать какие-то сделки за спиной правительства? Интересно, что за люди живут на Земле, если это считается в порядке вещей? У нас на Марсе это недопустимо.

– Пожалуйста, не нужно никаких моральных сентенций. У меня есть список того, в чем мы нуждаемся...

– Почему бы вам не обратиться напрямую к земному правительству? Раз Марс может получить в этом деле прибыль, значит, есть выгода и для Земли. Они будут рады пойти на обмен.

– Есть причины...

– Нечестные, я в этом не сомневаюсь. Нет, сэр, я не могу пойти на это.

– Я боялся, что вы так ответите. Однако, может быть, вы не совсем поняли мое предложение. Марс мог бы получить громадную прибыль.

– У вас есть богатые источники сырья?

– Мы можем получить все, в чем нуждаемся.

Коррелл посмотрел на него, застывшего со сверкающими глазами. На мгновение создалось впечатление, что собеседник находится под действием наркотиков. Под наркотиками и в лихорадке. Да, это объяснило бы все. Но такое впечатление продержалось лишь

мгновение. Его собеседник опирался на спинку стула, и Коррелл как бы случайно коснулся его руки. К его удивлению, рука Арво-на была холодной. Не ледяной, но прохладной.

– Мне не очень интересно, – сказал Коррелл, – но я все же хотел бы взглянуть на этот список.

– Разумеется. И вы увидите его – в тот же момент, как только согласитесь на наше предложение.

Коррелл покачал головой.

– Я уже сообщил вам, что никогда не соглашусь на это.

Внезапно его бородатый собеседник пошатнулся и стал падать. Но прежде, чем он коснулся пола, тело подхватил человек, появившийся в комнате первым.

– Беседа закончена, мистер Коррелл, – поспешно сказал он. – Вас сопровождают туда, откуда вы сможете отправиться в Департамент Торговли, где, как вы сказали, вас ожидают.

Какого черта? Почему он упал – сердито подумал Коррелл. Это не могло быть шоком от отказа. Фактически, он стал падать еще до того. И сверкающие глаза, что могло быть признаком употребления наркотиков или, возможно, безумия. Безумия, которое, казалось, повсюду рассеяно на Земле...

Появился пилот вертолета и вывел Коррелла из комнаты. Они прошли мимо двери, которая в прошлый раз была закрыта. Она как раз открылась, и из нее вышел робот. А за дверью Коррелл мельком увидел сидящую за столом женщину, а на заднем плане других мужчин и женщин. Лицо женщины Коррелл видел лишь секунду, пока робот закрывал дверь, но узнал его. Это было безмятежное лицо, невероятно красивое, хотя его умиротворение несколько нарушала живость карих глаз. Это оказался та самая женщина, которую он заметил в космопорте, и которая, как он теперь понял, поджидала его там. Но зачем?

Коррелл все еще ломал над этим голову, когда его вывели из

здания и оставили в совершенно незнакомой части города. По его жесту с неба спустился вертолет-такси, и некоторое время спустя Коррелл уже прибыл в Департамент Торговли. Имя Хжелмара открыло ему все двери. Очевидно, его ожидали.

Встретил его невысокий оживленный чиновник с умными глазами и небольшими усиками.

– Мистер Хжелмар? – спросил Коррелл.

– Нет. Вы сообщили, что вы – мистер Коррелл?

– Да, это я. Простите, я опоздал...

– Всего нет. Мистер Коррелл, вы арестованы, – бодро сказал чиновник.

II

Трудно что-либо произнести, если вы ошеломлены и разгневаны. Коррелл почувствовал, что вот-вот взорвется. Безумие, которое он встретил на Земле, распространилось и среди чиновников. Первые слова, которые смогли выговорить его непослушные губы, должно быть, остались не поняты охранниками, которые обыскали его и повели к двери.

Он попытался вырваться из их рук и обернулся, крича:

– Послушайте, это произвол! Я – аккредитованный представитель правительства Марса!

– В самом деле?

– Да, и у меня назначена встреча с мистером Хжелмаром.

– Не тратьте слова попусту. У мистера Коррелла была назначена встреча с мистером Хжелмаром в семь тридцать. И он явился на встречу вовремя. Сейчас же десять тридцать. И вы появились, утверждая, что вы Коррелл, и стали настаивать на том, чтобы увидеть мистера Хжелмара. Мне кажется, мы имеем все права задержать вас – будем называть это так, – пока с вами не пообщается компетентный психиатр.

Из всего, что сказал чиновник, Коррелла поразили два слова. И он повторил их в изумлении:

– Десять тридцать?

Его собеседник указал рукой на стену. Висевшие там часы показывали 10:30.

Коррелл ошеломленно уставился на них. Куда пропали целых три часа? Это невозможно...

Охранники вывели его. И через несколько секунд после того, как за ним захлопнулась дверь камеры, Корреллу в голову пришла другая странная мысль. Всего лишь совсем недавно он с трудом передвигался. А сейчас вообще не чувствовал усталости.

Конечно, ему могли ввести какое-то лекарство. Но тогда где-то должен быть след от укола. И он не мог найти никаких провалов в памяти. Коррелл вспомнил все, что делал днем, и все выходило логично, без всяких разрывов и пропусков. Где же он потерял эти драгоценные три часа? И как он мог потерять их незаметно?

На мгновение показалось, что он улавливает смысл в последовательности пагубных событий, казалось, никак не связанных друг с другом. Например, авария на корабле, когда инженер, отвечавший за работу двигателей, во время маневра уклонения от метеоритного роя внезапно упал в обморок, и двигатели истратили впустую почти все топливо. Из-за этого несколько метеоритов все же попали в корабль. Убив двоих и ранив еще несколько пассажиров.

Корабль отклонился от курса, но им повезло связаться со спасательным судном. И в итоге они прилетели на Землю, голодные и страдающие от жажды, но с радостью ощутившие после всех испытаний твердую почву под ногами.

Причины обморока инженера остались неизвестными. Он же прошел медицинскую экспертизу прежде, чем покинуть Марс, и был совершенно здоров к тому времени, когда они прибыли на Землю. Корабельный врач был сбит с толку.

Коррелл задался вопросом, нет ли здесь связи с таинственными случаями комы, которые происходили на Марсе в течение последнего десятилетия. Считалось, что это происходит от быстрого изменения силы тяжести. Но это оказалось всего лишь предположение. Люди испытывали изменения тяготения с тех пор, как первый корабль оторвался от Земли. А кома стала чем-то относительно недавним. К тому же его мать родилась на Марсе, никогда не покидала его, но тоже стала жертвой заболевания. Последние восемь лет она содержится в специальном санатории безо всякой надежды на выздоровление. Нет, подумал Коррелл, тут нечто другое. Возможно, что-то содержится в искусственной атмосфере Марса или в марсианской почве...

Он покачал головой. Пора вернуться к насущным проблемам. Какого черта его запихнули в эту тюрьму, и как отсюда выбраться? Черт побери, как все же он медленно думает. Его обманули, попросту обманули. Коррелл подбежал к двери и стал звать охранника.

Наконец, тот появился.

— Чего нужно?

— Я хочу встретиться с мистером Хжелмаром!

— Вот как? А может, лучше с мировым президентом, — издевательски спросил охранник.

— С кем угодно! С любым клерком из Департамента Торговли. Вызовите его быстрее. Это очень важно!

— В Департаменте Торговли сейчас никого нет. И не будет до утра.

— Тем больше причин поспешить. Я, предположительно, обсуждал список товаров, которые нам нужны...

— Это потерпит до утра, — отрезал охранник и ушел.

Дурак, с горечью подумал Коррелл. Времени нет вообще. Его похитители послали своего человека занять его место. Подменщик предоставил готовый список. Он так стремился побыстрее

заполучить товары, что, вероятно, согласился на очень щедрые условия. Если эти товары нашлись на Земле в избытке – а так оно наверняка и было, – то погрузку бы начали, не дожидаясь формальной ратификации торговым комитетом. И уже на следующее утро грузовой корабль будет готов вылететь на Марс. Что и произойдет, если только он не помешает.

А затем Коррелл сказал себе, что дурак-то он сам. Он находился в тюрьме, из которой нельзя убежать. Металлические стены камеры гладкие и прочные. Входная дверь плотно входит в пазы. И в ней не видно замка, который можно было бы открыть или взломать. А в наружных коридорах дежурят охранники-люди, а также следящие сканеры, регистрирующие любой движущийся объект. И здание тюрьмы наверняка окружает хорошо просматриваемая охранная полоса, где любой человек, пытающийся сбежать, сразу же окажется под прицелом автоматических винтовок с парализующими зарядами.

Он шепотом выругался. Его обманули и сделали беспомощным. Но Департамент Торговли обманули еще хлеще. И когда правда выплывет наружу, они заплатят за все.

Это стало той утешающей мыслью, с которой он, в конце концов, заснул.

Коррелл проснулся несколько часов спустя. Тюремный корпус оглашали сигналы тревоги, дверь камеры была открыта. Когда он выбежал в коридор, никто не попытался его остановить. Другие заключенные тоже вышли из камер и присоединились к Корреллу, выглядя такими же ошеломленными, как, наверное, и он сам. Они казались более напуганными, чем стремящимися убежать. Потребовалась почти минута, чтобы осознать, что поблизости нет никаких охранников.

Но если они хотели сбежать, то эта минута все изменила. Пока они толклись в коридоре, с потолка упала решетка, преграждая им путь.

– НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ ПО КАМЕРАМ, – проревел громкоговоритель. – БЕЖАТЬ НИКОМУ НЕ УДАСТСЯ. КТО НЕ ВЕРНЕТСЯ В КАМЕРУ, БУДЕТ ЗАСТРЕЛЕН НА МЕСТЕ.

Все заключенные немедленно повиновались.

– Я вернусь, – громко сказал Коррелл, – если мне удастся поговорить с начальством. Я знаю кое-что о том, как хочет сбежать один ваш заключенный.

Конечно, ничего он не знал. Он даже не был уверен, что кто-то совершил побег. Он понятия не имел, как можно сбежать из этой хорошо управляемой системы.

Но громкоговоритель, казалось, запнулся. Наконец, целые полминуты спустя, он произнес:

– ХОРОШО. ШАГ ВПЕРЕД И ОСТАНОВИТЬСЯ У РЕШЕТКИ. ОСТАЛЬНЫМ РАЗОЙТИСЬ ПО КАМЕРАМ!

Коррелл услышал взволнованный шепот остальных заключенных, когда поднялась решетка. Появились двое охранников с оружием наготове. Они жестом велели ему пройти вперед, а сзади лязгнула решетка.

В кабинете находилось двое. Один был начальником тюрьмы, пожилой, полный и весьма взволнованный. Другой оказался чиновником, арестовавшим Коррелла, но теперь он выглядел напряженным и весьма расстроенным. Коррелл определил это по его лицу и по тому, как он нервно барабанил пальцами по крышке стола, возле которого стоял.

– Как вас зовут? – спросил начальник тюрьмы. – Ваше настоящее имя?

– Коррелл. Альво Коррелл.

– Вы продолжаете настаивать на этом? – спросил чиновник.

– Конечно, – и Коррелл рассказал им все, что видел в универмаге.

Они слушали его внимательно, прерывая только тогда, когда

им казалось, что он что-то упустил. Чиновник явно не верил, что Коррелл мог ошибиться со временем. Начальнику тюрьмы было более любопытно то, что делал в универмаге выпрыгнувший из окна человек.

Коррелл закончил рассказ, и оба мужчины уставились друг на друга.

– Надеюсь, я оказался вам полезен, – сказал Коррелл.

– Не знаю, – пожал плечами начальник тюрьмы. – В конечном итоге, то, что вы рассказали нам, может пригодиться. Но я не уверен, что тут есть связь с тем, что произошло здесь.

– Сбежавший заключенный, – напомнил Коррелл. – Что с ним?

– Но это вы собирались сказать нам.

– Это либо тот же человек, который выпрыгнул из окна универмага, либо некто, обладающий такими же способностями.

– Что заставляет вас так думать?

– А иначе он не сумел бы убежать отсюда. Это тот, кого вы случайно поймали и не смогли удержать.

– Неверная догадка. И нам не нужны домыслы.

– Или его спасли люди с такими же навыками, – настойчиво продолжал Коррелл. – Именно поэтому сегодня вечером все случилось так стремительно. Побег практически удался, прежде чем вы осознали, что происходит.

– Мы обошлись бы и без ваших рассуждений, – натянуто сказал начальник тюрьмы.

– Ну, так я расскажу вам кое-что еще. Человек, занявший мое место, самозванец. Не знаю точно, как он это сделал, но очевидно, что девушка, назначившая мне встречу в семь тридцать, так или иначе замешана в этом. Она видела меня на экране. Хжелмар же нет.

– Но он мог видеть вашу фотографию в досье. Слишком уж этот гипотетический самозванец рисковал.

– Ну, тогда, скажем, этот человек походил на меня. Но в случае каких-либо сомнений у него могли взять отпечатки пальцев и сверить физиообразец. Значит, из досье удалили мои настоящие отпечатки и образец и заменили на данные самозванца.

– Весьма вероятно, – признал чиновник.

– Выходит, кто-то в Департаменте сотрудничал с моими похитителями.

– При условии, если вы действительно Коррелл. Мы должны все проверить.

– Я не возражаю против того, чтобы некоторое время побыть в камере, – мрачно сказал Коррелл. – Но пока я сижу здесь, мои похитители присвоили себе грузы, которые считают жизненно важными для себя. Конечно, я не смею и мечтать о том, что вы попытаете их задержать. Никакой хороший бюрократ не сделает этого. Но вы могли бы, по крайней мере, попытаться узнать, какой именно груз столь важен для них.

– Мог бы.

Чиновник сел за стол и о что-то произнес в микрофон. Потом он несколько секунд неподвижно сидел, посматривая на Коррелла. На его лице читалось замешательство, словно все происходило слишком быстро.

– Станки, – сказал он, наконец. – И электронные клапаны нового типа.

– А теперь, если бы вы смогли задержать отлет корабля хотя бы на несколько часов...

– В этом нет необходимости. Отлет уже задержан на неопределенное время для расследования.

Тон чиновника поразил Коррелла.

– Вы имеете в виду, – спросил он, – что Департамент Торговли уже заподозрил, что что-то идет не так?

– И по серьезным основаниям, – мрачно ответил чиновник.

AFC

SPACE STORIES

FEATURING
THE GEARS OF TIME
a novel
by **WILLIAM MORRISON**

APRIL 25c

A THRILLING
PUBLICATION

– Полчаса назад группа вооруженных людей напала на грузовой корабль и похитила весь груз. Это случилось в то же самое время, пока здесь происходил побег заключенного. И, кстати, схожим способом. Я полагаю, что вы – тот, кем себя называете, и приношу вам извинения. Если вы и ваше правительство потребуете возмещения ущерба, я лично прослежу, чтобы это требование было выполнено.

Мягко прозвучал звонок. Начальник тюрьмы стал разговаривать по телефону, в то время, как Коррелл нетерпеливо ждал.

– Строго говоря, нет, – сказал начальник тюрьмы. – У нас тюрьма, а не склад. Но мы берем... э-э... посетителей под охрану для их защиты. Да, думаю, это можно сделать. Пришлите его.

– Кого «его»? – спросил Коррелл.

– Это становится все более странным, – медленно сказал начальник тюрьмы. – Вы говорили, что в том месте, где вас держали похитители, вы видели робота?

– Я разглядел его достаточно хорошо.

– А меня попросили позаботиться об арестованном роботе. На деле, конечно, тут нет никаких проблем. Мы просто отключим у него управляющий центр, а затем исследуем память, чтобы узнать, что он делал в последнее время и где находился.

– Не слишком усердствуйте, – предупредил его чиновник. – Если вы сделаете что-то не так, то можете необратимо стереть память.

– Естественно. Однако, мы можем получить интересные сведения.

– Где нашли этого робота? – спросил Коррелл.

– Неподалеку от корабля, подвергшегося нападению, – ответил начальник тюрьмы.

– Но в грабеже не участвовали никакие роботы, – сказал чиновник. – Робот мог принадлежать группе, которая хотела в свою очередь обокрасть грабителей.

– А грабители скрылись?

– Все, вместе с большей частью товаров. Нам удалось подобрать лишь пару контейнеров с электронными клапанами. – Чинювник поднялся. – Это может оказаться нашим шансом наконец-то хоть что-то узнать. Я думаю, мы сможем получить интересную информацию о ваших похитителях, мистер Коррелл.

– Необходимо сразу же приступить к делу, – согласился начальник тюрьмы. – Я отдам распоряжение своим техникам.

И в этот момент откуда-то снизу донесся приглушенный взрыв. Все трое уставились друг на друга.

– Что это? – спросил Коррелл. – Еще один побег?

Начальник тюрьмы пожал плечами и схватился за телефон. Затем на его лице появилась судорожная гримаса.

– Робот только что совершил самоубийство, – сказал он, обращаясь к Корреллу. – Его мозг уничтожен.

III

В десять часов утра мистер Хжелмар, встретившийся, наконец, с Корреллом, выглядел уставшим и унылым.

– Приношу вам огромные извинения, мистер Коррелл, на сей раз от меня лично. Не очень-то гостеприимными мы оказались здесь, на Земле.

– Во всяком случае, у вас здесь не скучно, – вежливо ответил Коррелл, разглядывая лицо своего собеседника.

Давно миновали времена, когда по имени человека можно было судить о его национальности. Коррелл отметил, что Хжелмар оказался гигантом почти семи футов ростом и едва не столько же в ширину. Если судить по тонким морщинкам на его лице, возраста он был весьма среднего, по крайней мере лет семидесяти, но в губах, черных, как уголь, волосах не было и намека на седину.

Коррелл отметил, что глаза у Хжелмара темные, как и следовало ожидать от человека с таким именем, но темный цвет кожи говорил об ином. В наше время окончательно перемешались все национальности, подумал Коррелл. Нет больше норвежцев, европейцев или азиатов, а есть просто земляне. Или, скорее, просто люди, потому что марсиан вряд ли можно считать отдельной расой.

Хжелмар откровенно изучал его в ответ.

– Вы интересный гость, – сказал он. – Вы очень походите на свое предыдущее воплощение, мистер Коррелл. Так что я не стану извиняться за то, что перепутал вас. Учитывая совпадение отпечатков пальцев и физиообразцов, такая ошибка вышла самой естественной вещью на свете.

– Но должны же существовать какие-то различия, – сказал Коррелл.

– Конечно. Теперь, когда я вижу вас, то понимаю, что у того не было вашей марсианской особенности вдыхать медленно, глубоко. И походка у него немного другая, словно он привычней к нашей силе тяжести. Он или землянин по рождению, или успел приспособиться к Земле. Мы должны были заметить это, но слишком медленно соображали...

Приятно услышать, что кто-то еще признается в подобном.

– Вы узнали, как взломали мое досье? – спросил Коррелл.

– Нет. Мы все проверили, и я не думаю, что виноват кто-то из Департамента. Не найдено никаких доказательств чьей-то вины, никто не ударился в бег. Я полагаю, что это проделал кто-то посторонний.

– Но как именно?

– Я не знаю, как, – вздохнул гигант. – У нас здесь работают узкие специалисты. Все на виду. Было бы нелегко проникнуть сюда, подменить досье и затем исчезнуть, не вызвав никаких подозрений.

– Но, может, это сделал кто-то из своих?

— Конечно, это возможно. Однако, позвольте нам самим разобратся в этом, мистер Коррелл. — Хжелмар заколебался. — Все, что я сейчас вам скажу, носит конфиденциальный характер. Не то, чтобы это было полезно тем, кого следует называть «нашими врагами». Они, вероятно, знают о происшедшем больше нас. Но это не та информация, которую следует обнародовать. На данной стадии это может вызвать ненужные волнения и даже, возможно, панику.

— Тогда зачем говорить об этом мне?

— Потому что это должны узнать на Марсе. И ввиду того, что нет никакого правительственного органа, способного справиться с нынешними проблемами, я полагаю, что ваш Департамент Торговли обязан сам бороться с ними так, как боремся мы. Я не знаю, имеются ли подобные проблемы на Марсе, но если еще нет, то появятся в ближайшем будущем. И вам следует к ним подготовиться.

— Не думаю, что я подхожу для этого, — сказал Коррелл. — Я не годюсь для интриг. Я, скажу откровенно, слишком наивен. И, как я считаю, слишком тупой.

— Вы просто чересчур скромны. Никто из нас не подготовлен для этой работы. Но, к счастью, от вас, вероятно, и не потребуются никаких специальных навыков. Мы просим вас, мистер Коррелл, чтобы вы сделали две вещи. Во-первых, чтобы вы действовали, как посредник между нами и Марсом, и сообщили вашему Департаменту те сведения, какими располагаем мы. Конечно, не стоит делать никаких заметок. Вы должны запомнить то, что я вам скажу.

— А во-вторых?

— Защищайте себя. Не вмешивайтесь ни во что опасное, пока не вернетесь на Марс. Это может оказаться значительно труднее, чем кажется...

– Ну, не знаю. До сих пор никто не пытался навредить мне.

– Все зависит от того, что вы называете вредом.

– Изрядную часть времени вы пробыли у нас заключенным.

– Странно слышать это от вас, мистер Хжелмар.

– Строго говоря, ваш арест не входил в наши планы. – Хжелмар встал, сбив при этом со стола панель клавиатуры. Он машинально поднял ее, словно неуклюжесть давно стала его привычкой. – Это вышел неизбежный результат действий наших врагов. Они рассчитывали, что вас задержат, и мы сделали точно то, что они ожидали. Однако, в будущем они сами могут попытаться захватить вас в плен. И это в значительной степени может нарушить наши планы.

– Вы могли бы опять поместить меня в тюрьму под охрану, – задумчиво сказал Коррелл. – После волнений прошлой ночи я вернулся в свою камеру, чтобы выспаться. Это оказалось не самое плохое место, как только я узнал, что могу выйти, когда захочу.

– Это невозможно по причине коммерческих переговоров, которые все еще вам предстоят. Я думаю, гораздо лучше, если вас постоянно будут сопровождать наши люди. Если, конечно, вы не возражаете.

– А если возражаю?

– Вас все равно будут сопровождать. Ради вас самого. А теперь, когда мы договорились об этом, – с тяжелой улыбкой сказал Хжелмар, – позвольте перейти к той информации, которую я хочу вам сообщить. Как вы знаете, такие вещи, как война и национальная борьба, ушли на Земле в прошлое, начиная с конца двадцатого века. На Марсе они вообще неизвестны. Обычный человек, услышав о них, будет смущен просто потому, что не сумеет понять, как любой нормальный человек может поддерживать такие идеи.

– До сих пор вы не сказали ничего нового, мистер Хжелмар.

– Тогда я продолжу. Это звучит абсурдно, но, похоже, у нас на

Земле появился новый род, племя, порода – называйте, как хотите, – людей, которые называют себя «Суперменами». Они существенно отличаются от обычных людей. И они полагают свои отличия достаточными, чтобы сформировать собственную организацию. Мы знаем о ней очень мало...

Я назвал этих людей «Супермены», но у них могут быть и «Суперженщины». Но мы не знаем об этом ничего, кроме того, что они обладают силами, которых нет у нас. Они сильнее, двигаются быстрее и, заметьте, быстрее мыслят. Они могут действовать с такой скоростью, что мы все становимся беспомощными.

Как я сказал, у них есть организация. А у нас нет никого, способного противостоять им. Большинство наших заключенных, как вы, наверно, заметили, просто психически больные люди, нуждающиеся в лечении. Мы держим их в тюрьме, чтобы не позволить навредить другим, и иногда, как вы испытали на себе, задерживаем по ошибке невинных людей. Но заключенных у нас вообще мало. В тюрьме, которую вы видели, может содержаться тысяча человек, и это на целых двадцать миллионов населения.

Поскольку преступления редки, у нас почти нет полиции. Полицейские способны совершить арест, когда преступление уже раскрыто или близко к тому, но у нас нет организации для розыска умных преступников. Такие преступники не существовали уже многие столетия, и методы борьбы с ними оказались попросту утрачены. Именно поэтому, как я указал, единственной широко разветвленной организацией, способной заняться этими проблемами, является Департамент Торговли, распространенный по всей Земле так же, как ваш Департамент охватывает весь Марс.

Но вернемся к этим «Суперменам». Случаи, подобные описанному вами в универмаге, но зачастую более серьезные, происходят уже какое-то время. Информация и слухи о них способствовали росту волнений и беспокойства среди населения. Но самое

важное в этом то, что мы почти ничего не знаем, ибо наши друзья-«Супермены» слишком умны, чтобы не разглашать никакой информации о себе.

И всякий раз, когда они совершают прокол, то уничтожают или похищают людей, которым что-то стало известно. В случаях, если информация попадает в газеты, то эти газеты исчезают, не успевая добраться до населения, а подчас и вместе с авторами статей.

Запомните это, мистер Коррелл. До вчерашнего дня мы не могли поймать никого из этих суперлюдей. А вчерашний преступник был арестован в результате несчастного случая. Я думаю, это тот, кого вы видели в универсаме. Мы обнаружили его через несколько кварталов, попавшим под выхлоп подземного двигателя внутреннего сгорания, который почему-то оставили работающим без присмотра.

Хжелмар сделал паузу, чтобы оценить, какой эффект произвела его речь на Коррелла.

— И отметьте, что мы не сумели удержать его настолько, чтобы хоть что-то о нем разузнать. Его друзья спланировали побег и вызволили его из тюрьмы с быстротой, которую я считаю невероятной. Одновременно они забрали с собой охранников и тюремного врача, побывавших в контакте с этим заключенным.

Что-то подобное произошло во время ограбления грузового космического корабля. Мы потеряли не только весь груз, но также и несколько охранников, которые, вероятно, что-то заметили.

— И какие у них могут быть тайны? — спросил Коррелл.

— Мы можем лишь строить предположения, — ответил Хжелмар. — Мы надеемся лишь на то, что организация у них небольшая. Поэтому, если мы будем действовать быстро, они не успеют устранил всех, кто будет что-то знать. Когда общественность ока-

жется подготовлена должным образом, чтобы избежать паники, мы сможем заручиться ее поддержкой. А пока что придется создавать собственную организацию для борьбы с преступниками, и когда узнаем, что происходит, распространим полученную информацию так широко, что они не сумеют ее заблокировать.

– А что, если они просто спрячутся? – спросил Коррелл. – У вас же нет никаких ключей для того, чтобы найти их.

– Это не совсем так. Все наши предположения базируются на том, что они – некая разновидность обычных людей, а не полностью нечеловеческих существ. То немногое, что мы знаем, указывает на это. Значит, сперва они росли, как обычные люди, но даже в раннем детстве должны были проявлять необычные способности. Поэтому сейчас мы проводим систематическую проверку всех школьных отчетов, чтобы отыскать детей, которые отличались от окружающих. Затем мы намереваемся проследить их дальнейшую жизнь и карьеру, чтобы узнать, где они пересеклись в будущем, и так далее.

И еще одно. По-видимому, они пошли на прямой грабеж космического грузовика, потому что нуждались в его грузе, чтобы создавать оружие. Поскольку уже столетия не было никаких войн, в мире почти не осталось оружия, и они вынуждены изготавливать его сами. И мы даже не догадываемся, что они способны придумать в этом плане.

– Выходит, они супермены, вооруженные супероружием, – сказал Коррелл.

– Боюсь, что может быть что-то вроде этого.

– Надеюсь, вы окажетесь неправы, – сказал Коррелл. – Во всяком случае, я доложу об этом своему начальству на Марсе.

– Если сумеете. Не хочу преувеличивать грозящую вам опасность, но, судя по прошлому опыту, предполагаю, что вас попытаются похитить.

- Я приложу все усилия, чтобы не допустить этого.
- Хорошо, но помните – они действуют очень быстро. А теперь перейдем к вашей изначальной миссии.

Они стали обсуждать детали обмена товарами между Землей и Марсом, но Коррелл не мог полностью переключиться на это. Он продолжал размышлять о фантастической идее «Суперменов».

Он смутно вспоминал, что идеи о подобных мутациях среди людей были широко распространены в двадцатом веке. Ученые подвергали гены облучению интенсивной радиацией и в результате могли ожидать чего угодно. Например, что такие мутанты будут иметь по две головы и четыре руки, или руки и ноги иной формы, или мозги с иными способностями. При этом как-то забывалось, что все живое на Земле постоянно повергалось воздействию космических лучей с тех пор, как возникла сама жизнь, и что дикие и странные мутанты, как правило, не выживали. Об этом вспомнили позже, когда при помощи радиации так и не удалось вырастить жизнеспособных мутантов.

И в то, что теперь, через столько времени, возник новый человеческий вид, верилось с трудом. Или, подумал Коррелл, на это повлиял какой-то совершенно новый фактор. И если это так, то статистические исследования Хжелмаром школьных отчетов могли это выявить. Тем временем, Корреллу было жаль, что он слишком мало узнал о так называемых «Суперменах», организация которых способна наносить такие эффективные удары. Он лишь понял, что опасность, если она вообще появится, возникнет без предупреждения и с невероятной быстротой.

Расставшись с Хжелмаром, Коррелл вышел из здания Департамента Торговли на улицу и почти сразу заметил двух человек, следующих за ним. Один шел примерно футах в пятидесяти позади, другой вдвое дальше. Конечно, это были люди Хжелмара. Интересно, насколько эффективной будет их защита? – подумал Коррелл.

Еще он задавался вопросом, какую часть правды открыл ему Хжелмар. Насколько понимал Коррелл, гигант Хжелмар все равно невольно должен испытывать к нему определенное недоверие. И возможно, эти люди следили за ним, чтобы удостовериться, что он не сделает попытки связаться с врагами, а не собирались охранять его.

Осматрившись, Коррелл подумал, что улица, по которой он шел, спокойная, но довольно-таки скучная. Небольшие парки и места для отдыха несколько нарушали монотонность правительственных учреждений и жилых зданий, но этого было явно недостаточно. Людей на улице совсем немного. Коррелл взглянул на часы. Одиннадцать утра. По крайней мере, нынче утром с его чувством времени все в порядке.

Когда он проходил через очередной небольшой парк, то снова увидел ее.

Она сидела на скамейке, разглядывая какое-то здание. Коррелл мельком увидел профиль, прежде чем девушка отвернулась, но этого оказалось вполне достаточно. Она выглядела такой же умиротворяюще красивой, как и тогда, когда он увидел ее впервые. Это девушка, которую он заметил в космопорте, и увидел снова потом, когда его похитили. Он сразу понял, что не стоит заострять на ней внимание людей Хжелмара. И тут же он почувствовал потребность рационализировать эти свои мысли. Нет никаких доказательств, сказал он себе, что она на стороне их «врагов». Может быть две фракции «Суперменов», и она могла быть на стороне «хороших парней». Разве не Хжелмар сказал, что они не обнаружили никаких признаков существования «Суперженщин». Возможно, она оказалась там тоже не по своей воле. Во всяком случае, ему не хотелось привлекать к ней внимание своих сопровождающих.

Если вдруг я буду говорить с ней, решил Коррелл, то Хжелмару вовсе не обязательно знать об этом. Еще он подумал, что в

земных женщинах есть какое-то неуловимое очарование, которого еще не приобрели марсианские женщины. И он решил, что должен переговорить с ней наедине.

Коррелл остановился неподалеку от ее скамьи, разглядывая ближайшее здание. Краем глаза он отметил, что сопровождающие его мужчины тоже остановились. Тогда он быстро вошел в ближайшее здание, понимая, что сопровождение окажется в затруднительном положении. Вертолетные платформы имелись в каждом здании как на крыше, так и где-то на уровне средних этажей. Сопровождающим придется держать в поле зрения обе платформы и выход из здания, чтобы не упустить его. А их всего двое.

Через пять минут Коррелл взлетел с платформы, находящейся на среднем этаже, в крошечном вертолете. А еще через несколько секунд приземлился на улице перед скамейкой, где еще сидела девушка.

На сей раз, сказал себе Коррелл, я все понял правильно. Девушка ждала его. Она улыбнулась и сказала:

– Я вас ждала.

– Вы заметили меня?

– Я за вами следила. Мне нужно с вами поговорить.

– Вас прислал Арвон?

Она кивнула, и Коррелл почувствовал разочарование. С ее стороны не было ничего личного. Она получила инструкции найти его, вот и нашла. Почему бы и нет, спросил себя Коррелл. Он никогда не льстил себе. Обычный марсианин, выполняющий рутинную работу, и в нем нет ничего, способного вызвать ее интерес.

Она поднялась со скамейки и села в вертолет.

– Не возражаете, если я сама буду управлять? – спросила она.
– Я знаю место, где мы можем спокойно поговорить.

– Боюсь, я тоже знаю его, – сказал Коррелл.

– Нет, не там, где были вы прежде. Я думаю, мое место вам понравится.

– А как насчет моего сопровождения? Разве вы не заметили, что за мной следуют два человека?

– Я видела, как вы привели их в здание напротив. Там они потеряли вас. Но они в любом случае не помешали бы нам.

Итак, она здесь не одна! Ее помощники, должно быть, более квалифицированы, чем сотрудники Хжелмара, поскольку Коррелл даже не заподозрил об их присутствии.

– Хорошо, – сказал он. – Ведите аппарат сами.

– Спасибо.

На ее лице мерцала улыбка, когда она подняла вертолет в воздух. Коррелл раздумывал, о чем она собирается с ним говорить. Его вполне устраивало просто сидеть рядом и смотреть на девушку.

Где-то на окраине она опустила вертолет на крышу гостиницы и провела его в офис на верхнем этаже. Знал ее администратор или нет, но он заулыбался, приветствуя их, как и подобает портье.

Коррелл стоял в сторонке, пока она разговаривала с мужчиной. До него донеслись ее слова: «мой муж и я», и он ощутил болезненный толчок разочарования. Этого следовало ожидать. Она воспользовалась своим очарованием, как оружием, чтобы уговорить Коррелла сделать то, что хотела. А теперь они встретятся с ее мужем. Механический посыльный на трех колесиках привел их к номеру. Девушка повернулась к Корреллу и улыбкой проговорила: «Входи, дорогой».

«Дорогой»? Для него стало настоящим шоком понять, что предполагаемым мужем является он сам.

Коррелл в изумлении последовал за нею. Посыльный чуть наклонился, маленький чемоданчик скользнул на пол. Коррелл понял, что это их багаж, очевидно, посланный заранее. Значит, она

сделала необходимые приготовления задолго до того, как он покинул офис Хжелмара.

За посылным закрылась дверь, и Коррелл внезапно почувствовал себя не таким уж медлительным или скучным.

– Это наш медовый месяц? – с улыбкой спросил он.

Манеры девушки, казалось, изменились. Она весело рассмеялась, может, чуть нервно, но Коррелл еще сильнее ощутил ее очарование.

– Не совсем, – сказала она. – Нам предстоит серьезный разговор. Вы не возражаете?

– Конечно. Между прочим, под каким именем мы зарегистрировались?

– Мистер и миссис Коррелл... Я надеюсь, нет никакой другой миссис Коррелл, способной это неправильно истолковать?

– Нет, но есть мистер Коррелл, который весьма озадачен происходящим. Рад, но озадачен.

– Я думаю, через некоторое время все разъяснится. Кстати, для информации. Меня зовут Медлана. Полагаю, мой муж должен знать мое имя.

– Красивое имя. Теперь все в порядке. И, поскольку мы не собираемся получать удовольствие, давайте займемся делом!

– Это само по себе станет удовольствием, – серьезно сказала она. – Однако, сперва я должна принести извинения. Боюсь, что у вас сложилось не слишком высокое мнение о нас.

– Не говорите так. Что значит между друзьями небольшое похищение и грабеж?

– Думаю, не сильно исправит положение и то, что вас освободили в целости и сохранности?

– А тем временем кто-то притворялся мною. Вы же не ждете, что мне это понравится?

– Не могу вас винить. Однако, это было необходимо. Наши враги способны на многое.

– Вы имеете в виду Департамент Торговли?

– Нет, не Департамент Торговли. Я имею в виду людей, которых вы называете «Суперменами».

– А разве вы не из их числа?

Девушка покачала головой.

– Они – наши враги так же, как и ваши. Мы вам не враги, хотя мистер Хжелмар думает иначе. Мы – конкуренты «Суперменов», или, скорее, они – наши конкуренты. Во всяком случае, мы совершенно разные группировки.

– Мне кажется, вы многое знаете о Хжелмаре. Как называется ваша организация?

– Ну, я пока не могу рассказать вам все. Хочу лишь сообщить, что мы организовались на много лет раньше, чем возникла другая группа. Мы предвидели их появление и, хотя не смогли его предотвратить, но постарались принять меры против той опасности, которую они несут.

– Как вы выразились, – рассмеялся Коррелл, – ситуация действительно простая. Вы – хорошие, а они – плохие.

– Боюсь, что именно так.

– Но что хорошего в вас, и что плохого в них?

– Они хотят власти. Мы же стремимся лишь защитить себя.

– Защитить от кого?

– От результатов нашей слабости.

– Я вообще ничего не понимаю. Что это за слабость?

– Вы все узнаете позже, как только согласитесь помочь нам. Вы можете быть полезны нам. Мы можем быть очень полезны вам и Марсу.

– Все, что я пока понял, – сказал Коррелл, – это то, что вы хотите, чтобы я вслепую соглашался неизвестно на что. Мы не продвинулись ни на дюйм от того, что сказал мне Арвон. И мой ответ будет тем же самым.

Медлана молча посмотрела на него.

– Я понимаю, что вы чувствуете, – сказала она, наконец. – Но учитывая то, что вы уже увидели и что, должно быть, узнали от Хжелмара, я предполагала, вы поймете, с какими врагами столкнулись, и сделаете все возможное, чтобы бороться с ними.

– Я понимаю, что у меня есть враги, – сказал Коррелл. – Но вы пока что не убедили меня, что вы и ваша группировка – мои друзья. Докажите это, и я буду с вами.

– Но разве вы не видите, общаясь с нами, что мы совершенно искренни. Вы разговаривали с Арвоном.

– Он явно больной человек.

– Вы говорите со мной.

– Вы очаровательная женщина, – он удивился собственной смелости и неожиданной быстроте ума. – Если бы это касалось лично меня, я не стал бы возражать, чтобы этот брак превратился в реальный. Я вообще не стал бы ни против чего возражать. Но я не очень хорошо разбираюсь в людях, Медлана. Я не могу разглядеть, что скрывается под вашим очарованием. У моих врагов могут оказаться чертовски привлекательные агенты. Основным вопросом остается, чего вы все добиваетесь?

– Я хотела бы вам рассказать, но не могу. Пока не могу. Сперва мы должны убедиться, что вам можно доверять.

– Тогда мы в безвыходном положении, потому что я не буду на вашей стороне, пока не буду убежден, что за это стоит бороться. Я думаю, что нужен вам затем, чтобы продать еще больше товаров, аналогичных украденным.

Она кивнула.

– Но я не стану этого делать.

– Я боялась этого, – Медлана встала. – И, боюсь, поскольку я не могу передумать, все дальнейшие аргументы бесполезны.

– Вы имеете в виду, – недоверчиво произнес Коррелл, – что это – все, о чем вы хотели поговорить?

– Была и другая цель – защитить вас от нашего общего врага.
– Если враги следили за нами, то вряд ли их сбил со следа краткий перелет на вертолете.

– Возможно, они не ожидали этого, – возразила она. – А теперь позвольте мне попросить вас об одной услуге. Разрешите мне уйти первой. Просто подождите несколько минут в номере, прежде чем уйти.

Коррелл согласился, криво усмехаясь.

– Спасибо.

Она протянула ему руку, и долгие секунды он держал ее в ладонях, раздумывая, что глупо вот так расставаться, и что, если бы он стал вести себя естественно, то должен был бы поцеловать ее, хочет она этого или нет. Но пока он пытался разрешить этот вопрос, она отняла руку и сказала:

– До свидания.

Я, как всегда, слишком медленно соображаю, с горечью подумал он, пока она шла к двери.

– До свидания, – ответил он, кляня себя за нерешительность.

Медлана подняла чемоданчик, дверь за ней закрылась. Когда стих звук ее шагов, он посмотрел на часы. К его раздражению, часы почему-то остановились. Он прождал приблизительно полчаса, прежде чем вышел из номера. У стола клерка он столкнулся с портье, который вежливо спросил, хорошо ли они отдохнули ночью.

– Отлично, – машинально ответил он.

Потом его словно что-то ударило. Менеджер здесь что, сумасшедший? Они прибыли еще до двенадцати и провели в номере не больше часа, ну, пусть два. Какой ночной отдых? Не было никакой ночи.

Он заметил на стене электрические часы с календарем и резко остановился. На Землю он прилетел пятнадцатого, с Желмаром встретился на следующий день. Но если календарь не лгал, сейчас семнадцатое.

Он потерял почти сутки. Все опять повторилось, только на этот раз еще хуже. И этому не нашлось никакого объяснения. Если объяснением не был сам разговор с Медланой. А в первый раз это произошло сразу после встречи с Арвоном.

Он должен рассказать об этом Хжелмару. Не было никакой ошибки памяти. Он мог вспомнить все, что делал на Земле, хоть каждую минуту, но каким-то образом из его жизни украли целые часы.

Коррелл все еще думал об этом, сидя в вертолете, когда перед его глазами мелькнула какая-то тень. С изумлением он наблюдал, как с ним поравнялся другой вертолет, и какой-то человек внезапно выпрыгнул из него и очутился рядом с Корреллом. Все произошло так быстро, что Коррелл не успел сообразить, в чем дело.

Коррелл попытался шевельнуться, хотя понимал, что слишком поздно. Движения незнакомца были настолько быстры, что буквально расплывались. Взмах руки, что-то взорвалось в голове Коррелла, и он с чувством облегчения понял, что это какой-то способ создания прохода во времени...

IV

Он очнулся на диване в удобной позе, словно ненадолго задремал. Не было никакой головной боли, вообще ничего не болело. Но осматриваясь, Коррелл подумал, что с глазами что-то не так.

Потом он сообразил, что глаза в порядке, просто это такая дверь. Почему-то она круглая и блестящая. Но рассмотреть ее внимательнее он не успел, потому что рядом кто-то спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Где я?

Какой-то лысый толстяк с высоким лбом рассмеялся и сказал:

– Почему-то все начинают с этого вопроса.

– Потому что все хотят знать, где находятся, – ответил его напарник, более худой, но тоже лысый.

Повертев головой, Коррелл увидел, что в помещении находятся еще пять человек, занятых, похоже, игрой в карты.

– Мы заключенные, Коррелл, – продолжал художавый. – Да, мы знаем ваше имя. Нам его сообщили. Они также сказали, что с вами все будет в порядке, когда очнетесь. Меня зовут Твисден, а моего толстого друга – Клейтон. Вероятно, это все, что вы сумеете пока что запомнить, но для информации: эти три господина – Дэнном, Нерн и Кломер. Позже, когда вы придете в себя, они представятся вам еще раз.

– Вы все еще не рассказали ему, где он находится, – хихикнул Клейтон.

– Это называется комнатой отдыха, – сказал Твисден. – Видите ту дверь? Где бы вы ни увидели такую, не подходите к ней, иначе лишитесь головы. А так можете ходить, где хотите.

– Почему я здесь?

– Вероятно, по той же самой причине, что и все мы. Потому что мы слишком много знаем. Или, скорее, потому что мы могли бы узнать слишком много. Некоторые из нас даже не знают, что именно мы знаем. Но нас считают опасными и не хотят, чтобы известная нам информация попала во внешний мир.

– А что вы здесь делаете?

– Спим и пытаемся хоть как-то убить время. Это настоящий ад! – сказал Твисден.

– Вообще-то неплохая жизнь, – пробормотал Коррелл.

– Если вы можете спать двадцать два часа в сутки.

– Есть альтернатива, – сказал Клейтон.

– К дьяволу эту альтернативу, – отрезал Твисден, возвращаясь к игре.

Некоторое время они играли молча, и Коррелл собрался с мыслями. Здесь были собраны люди, которые, по-видимому, обладали важной информацией.

— Но раз все мы знаем слишком много, — сказал он, — почему бы нам не попробовать поделится этим друг с другом?

Дэннон, низенький и мрачный, испустил короткий смешок.

— Мы уже пробовали, друг мой. Это бесполезно. Они специально расселили нас так, что все мы обладаем одинаковыми знаниями. Возьмите пять наших голов, прибавьте к ним свою, шестую, и даже еще дюжину из соседних комнат, и вы не узнаете ничего, что уже не знали бы сами. Вот если бы мы могли связаться с кем-то из других частей здания...

— Но мы не можем, — сказал Твисден. — Все эти проклятые двери.

Коррелл повернулся, внимательно рассмотрел дверь, и теперь понял, почему она блестит. Она состояла из лезвия яркого металла, вращающегося, как самолетный пропеллер. Странно, подумал он, зачем вообще создавать такую дверь? Да, она, без сомнения, эффективна, но не менее эффективна будет и обычная крепкая дверь. А у этой, вроде бы, есть очевидная слабость. Что произойдет, если сунуть в нее что-нибудь металлическое?

Коррелл огляделся. Вокруг не было ничего металлического. Вся мебель — стулья, стол и диван, — из пластмассы. Удобные, но не очень-то прочные.

Но все равно, он должен провести эксперимент. Коррелл взял стул и подошел к двери. Все оторвались от карт.

— Не создавайте себе лишних проблем, — сказал Твисден. — Мы уже прошли через это.

— Я люблю все испытать лично, — огрызнулся Коррелл и пихнул ножки стула под вращающееся лезвие.

Лезвие продолжало вращаться. Оно резало пластик так, словно это было масло. Один из кусков ножки пролетел совсем рядом с лицом Клейтона.

– Поосторожней, Коррелл, – печально сказал тот, – а то у меня хороший расклад.

И продолжил игру.

– Немедленно отойти от двери, Коррелл! – голос раздался откуда-то сверху.

Коррелл повертел головой. Высоко в стене открылся ярко светящийся проем. В нем появился довольно обычный человек чуть выше среднего роста.

– Я не псих, – сказал Коррелл. – Просто у меня научный склад ума.

– У нас тоже. Но мы в лучшем положении для экспериментов. Попытайтесь еще раз, и убедитесь в этом сами!

– Не волнуйтесь, я заплачу за стул.

– Вот как? Может, вы и меня собираетесь разобрать? Вам следует хорошенько подумать прежде, чем что-либо сделать. Возвращайтесь на свое место, играйте в карты, занимайтесь чем-нибудь, только не надоедайте нам.

– Кэри просто переутомился, – сказал Твисден, не поднимая глаз. – С тех пор, как он присоединился к ним, он перегружен работой. Но это гораздо лучше, чем торчать тут без дела.

Проем закрылся, Коррелл пожал плечами. Казалось, через дверь никак не сбежать. Коррелл решил воспользоваться советом и осмотреть их узилище.

Не считая дверей, находящихся в различных, самых неожиданных местах, тюрьма ничем не отличалась от обычных зданий. В секции насчитывалось двадцать комнат из огнеупорного пластика, которые были отштампованы на гигантском прессе и походили друг на друга до мелочей. Все здание меньше походило

на тюрьму, в какой он побывал после путаницы в Департаменте Торговли.

В каждой из пяти комнат, к которым у него был доступ, находились люди. Кто-то читал, другие играли в карты, но все, казалось, скучали, и новичок никого не заинтересовал. Здесь оказались только мужчины, и Коррелл решил, что если среди заключенных вообще есть женщины, то они, должно быть, помещены в отдельные помещения, находящиеся где-то за дверью из вращающегося лезвия.

Один из открытых дверных проемов неожиданно вывел Коррелла на большую открытую площадку. Правда, не совсем открытую. Выйдя на нее, Коррелл заметил над головой прозрачный пластиковый купол. Сквозь него было видно небо, а также, к удивлению Коррелла, деревья и кусты, и он понял, что сверху купол сливается с окружающей местностью.

На расстоянии нескольких футов от входа в площадку начинался огород.

Здесь росли помидоры, лук и картофель, а также другие растения, названий которых Коррелл не знал. Он подошел к помидорам и с удивлением осмотрел их. Помидоры были маленькие, зеленые и не очень красивые. Они были размером с детские мраморные шарики, и он прикинул, что они не поспеют еще в течение многих недель. Он шел вперед, пока не уткнулся в гладкую пластиковую стену, преграждающую путь во внешний мир. Тогда он не спеша вернулся к началу и с изумлением увидел, что за те полчаса, что он бродил здесь, помидоры заметно выросли. Они явно стали больше, а некоторые даже начали слегка краснеть. Это просто невероятно!

Другие растения тоже существенно подросли. Луковые побеги, когда он увидел их впервые, поднимались лишь на шесть дюймов от земли, а теперь стали раза в полтора выше.

Он два часа пробыл в огороде, наблюдая, как растет лук, зре-

ют помидоры, расцветают остальные растения. Время созревания, казалось, было тщательно рассчитано. В нужный момент звенел звонок, из труб, проложенных по земле, брызгала какая-то жидкость, и созревшие растения прекращали свой рост.

Два часа спустя Кэри, тот самый, которого так рассердило, когда Коррелл сломал стул, вышел в сад и собрал небольшой урожай. У него не было при себе никакого оружия, и он игнорировал присутствие Коррелла, словно знал, что опасаться нечего.

Коррелл вернулся в дом. У одной опасной двери заметил маленькую табличку: Электронные Лаборатории. Возле другой висела табличка: Лаборатории Растений. Интересно, что за исследования тут проводят? – подумал он.

В комнате отдыха выяснилось, что картежникам надоело играть. Все пятеро мрачно сидели без дела, не зная, чем бы заняться. Сломанный стул заменили.

– Сколько времени вас здесь держат? – спросил Коррелл.

– Меня год, – ответил Клейтон. – Примерно.

– Меня полгода, – сказал Твисден. – Разве вы не заметили, что я полон бодрости духа. Остальные здесь почти два года. Поэтому они не станут вам отвечать.

– Ну, и как вы думаете, почему мы здесь?

– Мы знаем, вернее, однажды случайно узнали что-то, что наши друзья-супермены считают опасным для себя. И также мы, кажется, потенциально им полезны. Они хотят, чтобы люди делали за них всю грязную работу. Заключение здесь – их способ заставить нас сотрудничать.

– Мне это не кажется очень убедительным.

– Потому что вы здесь недолго, – мрачно сказал Клейтон. – Вы знаете, какой пыткой может стать скука? Вам нельзя ничего делать, нельзя даже пальцем пошевелить. Конечно, нас здесь кормят, но могут и перестать.

– Заключенные сталкивались с такими проблемами и раньше, – сказал Коррелл. – И они умели справляться с ними. Они организовывали группы по интересам, составляли и обсуждали планы побега.

– Здесь это бесполезно, – коротко сказал Твисден. – Во-первых, мы сгруппированы таким образом, что наши интересы несовместимы. Не характеры, отметьте, иначе бы мы перегрызли друг друга глотки, а интересы. Они совершенно не совпадают. У нас нет ни бумаги, ни карандашей, ни досок.

– У вас есть книги.

– И все они чисто развлекательные. Нет ни научных книг, ни хорошей поэзии. Нам даже позволяют смотреть телевизор, но только пустые, никчемные программы – плохие комедии или детские развлекаловки. Все это лишь подчеркивает монотонность нашего существования, не нарушая ее.

– Ничего не понимаю, – сказал Коррелл. – Если они действительно хотят свести нас с ума, тогда проще было бы запереть нас по одиночкам.

– Они не желают этого. Время от времени они действительно запирают кого-нибудь в одиночке, но только ради дисциплины, когда кто-нибудь начинает слишком резвиться.

– Все равно можно что-нибудь предпринять, – настаивал Коррелл. – Составлять планы побега.

Клейтон и Твисден невесело рассмеялись.

– Кому интересно говорить о бесполезных вещах? – спросил Твисден. – Отсюда нет никакой возможности бежать. Тюремщики слишком хороши для нас. В определенных случаях, когда им нужно поддержать у кого-нибудь из нас дух, они позволяют мечтать о спасении. Так они сделали с Клонером еще до того, как сюда попали мы. Как-то раз они оставили на полу металлический

прут. Клонер решил, что его просто забыли, и несколько недель прятал его. Это была единственная металлическая вещь в этом месте.

Все это время он следил за дверьми и как-то ему показалось, что у одних лезвия вращаются немного медленнее. Ну, и однажды он с друзьями воспользовался тем, что было, как им казалось, шансом. Им удалось сломать дверные лезвие. Они уже считали, что обыграли наших суперменов. Им даже позволили выбраться наружу, прежде чем поймали и вернули обратно. Вот тогда Клонер и его друзья поняли, что происходит, и потеряли всякую надежду. Остальные сдались и согласились работать на похитителей. Сам Клонер не сдался, но оставил все попытки сбежать. Теперь дайте ему шанс уйти отсюда, и он им не воспользуется. Он будет считать, что это опять обман.

— Что они хотят? Какую работу мы должны выполнять? — спросил Коррелл.

— Почти все, что мы можем. На первое место они ставят исследования в области ботаники и электроники. Откровенно говоря, Коррелл, мы слишком мало узнали о них с тех пор, как попали сюда. Они не кажутся жестокими. Очевидно, они не убивают, исключая, возможно, случаи самообороны, так что во многих отношениях они выглядят похожими на нас. Но мы не можем сравниться с ними в физической силе и скорости мышления. Именно поэтому я не понимаю, зачем мы вообще им нужны. Они сами способны заниматься исследованиями в десять раз эффективнее, чем мы. Почему они требуют, чтобы мы им помогали?

— Возможно их численность крайне мала, — предположил Коррелл.

— Или они хотят сделать из нас слуг.

Они услышали, что в соседней комнате что-то происходит. Коррелл подошел к открытому дверному проему и заглянул внутрь.

Там на большом столе лежали три человека, которых Кэри небрежно переворачивал, словно трупы.

Пока Коррелл смотрел, Кэри снял их со стола, положил на диван и резко произнес:

– Через пятнадцать минут они очнутся.

Затем он ушел.

– Новенькие, – прокомментировал Коррелл.

– Наши супердрузья снова в деле, – вяло отозвался Твисден.

– Интересно, что сделали эти парни?

В его голосе чувствовалось равнодушие, и Коррелл подумал, что неужели у него самого так же, как и у них, притупятся все чувства, когда он посидит здесь подольше. По сравнению с напряженной жизнью, к которой он был приучен, парализующее бездействие этого места могла стать для него своего рода каникулами, в которых Коррелл давно нуждался, если только они не протянутся слишком долго. Конечно, он будет просто отдыхать, а не торопиться начинать работать на своих похитителей.

Через несколько минут новички зашевелились, сели, осмотрелись и затем задали тот же вопрос, что и сам Коррелл:

– Где я?

– В аду, – рассмеялся Твисден. – Не думали, что ад существует, верно?

– Вы заключенные, – спокойно сказал Коррелл. – Мы все здесь заключенные.

– Они не имеют на это права, – воинственно сказал один из мужчин. – Мы только хотели отправить письмо правительству. – Он был высокий, с властными манерами, и явно находился в плохом настроении. – Дома меня ждет жена, я обещал сегодня вернуться пораньше. Никто не смеет удерживать меня здесь.

В этот момент ожил динамик.

– Настал ваш ежедневный шанс, – раздалось из него. – Кто-нибудь хочет выбраться отсюда?

– Я хочу! – громко сказал властный новичок.

Голос не прервался, словно говоривший не услышал его. Свообразный голос, подумал Коррелл, он говорит нормальным тоном с нормальной скоростью, но в совершенно неправильной манере. Отрывисто, и не только на каждом слоге, но и на каждом звуке, как гласном, так и согласном.

– Если вам надоело, если вы устали ничего не делать, то вас ждут интересные исследования или любая другая работа по вашему выбору, а также высокая зарплата и хорошие шансы для карьерного роста.

– Не стану я делать никакой работы, – крикнул новичок. – Но, так или иначе, я отсюда выйду.

– Все, кто готов принять мое предложение, пожалуйста, подойдите к двери, ведущей в электронную лабораторию.

Два человека, стыдливо опустив глаза, направились к нужной двери. Остальные провожали их, скорее, с жалостью, нежели со злостью.

– Полагаю, они больше не в силах оставаться здесь дальше, – заметил Клейтон.

Властный новичок обменялся взглядом со своими товарищами.

– Идемте, парни, – негромко произнес он.

Что-то здесь затевалось. Коррелл встал так, чтобы все видеть.

Вращающееся блестящее лезвие двери сливалось в единый круг, за которым внезапно появилась смутная фигура человека. И вдруг человек удивительным образом прошел через дверь так же легко, словно через обычный турникет. Ого, подумал Коррелл, он движется с быстротой молнии.

Это оказался тот самый человек, которого Коррелл видел в

универмаге. Он стоял не дольше половины секунды, но за это время Коррелл узнал его. Он был стройный, с тонким лицом и глазами, сверкающими так же, как и у бородатого пророка.

– Паппас, – пробормотал Твисден. – Вчера его не было, а сегодня вернулся.

Конечно, он тот, кого пытались удержать в тюрьме, – подумал Коррелл. Он смотрел, как Паппас жестами что-то показывает двум мужчинам, согласившимся работать.

Властный новичок отметил свое присутствие сердитым ворчанием.

– Ладно, приятель, – сказал он. – Ты здесь главный? Что за дурацкая идея схватить нас? Как вы смеее удерживать нас здесь?

Паппас не соизволил ему ответить. Он произнес настолько быстро, что Коррелл с трудом разобрал слова:

– Есть еще добровольцы?

Это был тот же самый голос, что звучал из динамика, но теперь он не отрывисто, а напротив, очень слитно.

Властный новичок стиснул челюсти, пробормотал: «Ну, ты сам напросился», и бросился на Паппаса, в то время, как его компаньоны напали с другой стороны. Фигура Паппаса расплылась смутным пятном. Он двигался столь быстро, что фактически стал невидим. Коррелл смотрел, как трое мужчин разлетелись в разные стороны. Один ударился о стену и съехал по ней. Остальные разлеглись на полу и остались лежать неподвижно.

Вращающееся лезвие двери внезапно остановилось. Паппас вывел двоих, которые согласились работать. Когда они прошли, лезвие вновь завертелось.

– Мы живем и учимся, – философски сказал Твисден трем бесчувственным телам. – Все мы живем и учимся.

Внезапно снаружи раздался крик, и все напряженно замолчали. Потом раздался выстрел, за ним грохот бегущих ног.

– Похоже, у наших друзей там какие-то проблемы, – сказал Коррелл и повернулся к остальным. – Если для нас и представится момент что-либо сделать, то вот он. Подвиньтесь-ка.

– Как вы справитесь с дверью? – спросил Твисден.

Опять эта дверь. Коррелл схватил стул и сунул его в центр, туда, где лезвие вращалось медленнее. Стул тут же отбросило назад, одной ножки, отсеченной лезвием, у него не хватало.

– Бесплезно, друг мой, – сказал Клейтон. – Это все бесполезно. Разве вы еще не поняли, что выйти отсюда нельзя?

И тут дверь разрушилась, острые обломки лезвия просвистели мимо их голов.

V

В дверном проеме стоял робот. Войдя через дверь, он оставался, а за ним появился еще один. В комнате роботы разделились и стали искать двери с вращающимися лезвиями. Разрушали они эти двери, просто проходя в них. Затем скрылись в других помещениях.

– Роботы превзошли наших супердрузей, – сказал Коррелл. – Давайте-ка пошевеливайтесь.

– Это может быть очередной уловкой, – скептически сказал Клейтон.

– Вы оупели от бездействия, – нетерпеливо ответил Коррелл. – Даже если это уловка, мы ничего не теряем. Но это может стать нашим шансом!

Он вышел через разрушенную дверь и очутился в коридоре, из которого вели с полдюжины дверей. Пройдя по коридору, в конце он уперся в одну. Обычная дверь, причем даже не запертая. Коррелл открыл ее и устался на то, что было снаружи.

Первое, что он услышал, это голос Паппаса, говорящий на-

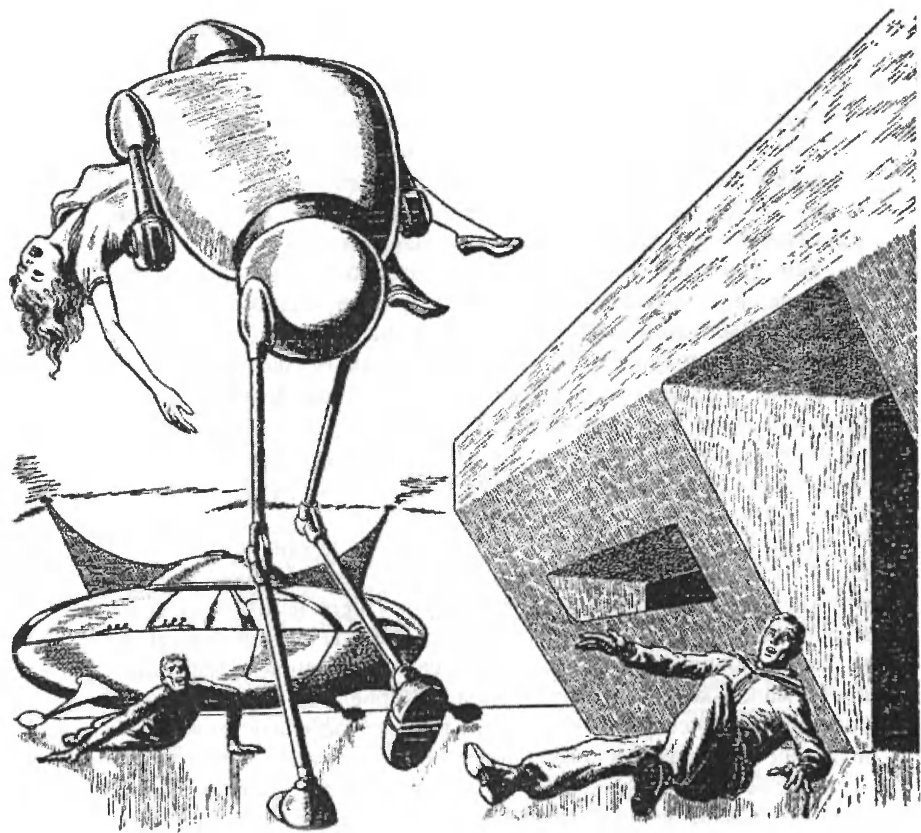
столько быстро, что Коррелл не различал слова, но, несомненно, это были ругательства. А то, что увидел он, выглядело абсурдно и дико. Паппас проделывал какие-то невероятные акробатические трюки и прыжки. А в ста футах от него двигался большой транспортный вертолет, мягко скользящий взад-вперед по земле, как судно по волнам.

Все это бессмысленно. Это было бессмысленным даже тогда, когда Паппас перестал прыгать и уселся на землю в позе полного отчаяния. Коррелл вышел из здания, и тут же с глухим стуком шлепнулся на землю, больно ударившись копчиком.

Земля выглядела обычной, но была невероятно скользкой. Корреллу не раз приходилось ходить на Марсе по ледяному покрову, и тот лед был такой скользкий, что малейшее отклонение от вертикали тут же приводило к потере равновесия. Но здесь оказалось куда хуже. Удержаться на ногах совершенно невозможно. Иллюстрацией этому было движение вертолета, который, несмотря на свою тяжесть, скользил по земле при малейшем порыве ветра. Паппас был беспомощен, но такими же беспомощными были и заключенные, которые не могли покинуть здание.

Пока Коррелл обдумывал все это, вновь появились роботы. Один из них нес Медлану. Она находилась без сознания. Значит, ее тоже похитили, подумал Коррелл. Но у него не имелось возможности узнать, что с ней произошло. Роботы спокойно вышли из дома, словно земля была для них самой обычной, и направились к маленькому вертолету, которого Коррелл до этого не заметил. Несколько секунд – и вертолет взлетел, оставляя заключенных и их тюремщика в совершенно беспомощном состоянии.

Паппас опять разразился ругательствами, и тут у Коррелла появилась идея. Я не такой «супермен», как Паппас, подумал Коррелл, но все же соображаю быстрее него. Конечно, Паппас вскоре и сам нашел бы выход из создавшегося положения, но Коррелл оказался быстрее.

Коррелл снял ботинок и с силой бросил его в дом.

Ружье с сильной отдачей пригодилось бы лучше, подумал он, но ружья под рукой не нашлось, приходилось использовать то, что есть. Насколько он помнил еще со школы, действие равно противодействию. Это универсальный принцип, который использовали реактивные двигатели и суда на воздушной подушке. Когда обувь полетела в одном направлении, тело Коррелла двинулось в другом. Он скользил не быстро, но в устойчивом темпе, поскольку сейчас отсутствовало трение, способное его остановить. Но движение стал замедлять встречный ветерок, и тогда пришлось бросить второй ботинок. В случае необходимости, Коррелл был готов раздеться хотя до гола, лишь бы это помогло.

На этот раз ветер оказался попутным, и Коррелл скользил, пока его не остановила сама земля. Он осторожно ощупал поверхность руками, дабы убедиться, что достиг края скользкой области, затем осторожно поднялся на ноги.

Оглянувшись назад, он увидел, что Паппаса уже нет. Тот сразу ухватил идею и действовал быстрее, чем Коррелл. И он был не единственным. Всю лужайку возле тюрьмы заполнили заключенные, старавшиеся убежать тем же способом, который осуществил Коррелл.

Но Коррелл не стал их дожидаться. Он заметил, что воздух вокруг дома становится туманным, и заподозрил, что включился какой-то защитный механизм. Тогда он бросился бежать.

Вскоре впереди появился какой-то дом. Мужчина и женщина с удивлением уставились на его ноги в одних носках, но у Коррелла не было времени на объяснения.

– Мне нужен ваш телефон, – задыхаясь, пробормотал он.

Не слушая их возражений, он бросился в дом, набрал нужный номер, а затем стал ждать людей из Департамента Торговли.

Первым прибыл сам Хжелмар. Вылезая из кабины вертолета, слишком тесной для такого гиганта, он сказал:

– Здесь все в тумане, ничего не видно. Придется ждать инфракрасного оборудования.

– Пока вы будете ждать, они скроются, – возразил Коррелл.

– Спокойнее, Коррелл. Мы работаем так быстро, как можем.

Но прошло еще четверть часа, прежде чем прибыли инфракрасные прожекторы и специальные очки, так что, когда группа Хжелмара, наконец, вошла в дом, там оказалось пусто, не считая властного человека, который оставался лежать без сознания после нападения на Паппаса. По крайней мере, он вернется к своей жене, подумал Коррелл.

Они обследовали комнату за комнатой. Везде оказалось пусто. Даже лаборатории были очищены. Коррелл прошел в сад, но все растения там уже погибли или умирали, возможно потому, что оказались без защиты в условиях глубокой осени.

Коррелл уныло повернулся к Хжелмару.

– Вы упустили свой шанс, – сказал он. – Если бы вы действовали быстрее, то захватили бы часть оборудования, не считая заключенных.

– Мы действовали с максимальной скоростью, – ответил Хжелмар. – И все не так ужасно, как вы думаете. Мы следили за ними по радару. Через некоторое время они поставили антирадарный щит, но, я прикидываю, мы узнали о них достаточно, чтобы понять, где расположен их штаб. Мы делаем успехи, Коррелл, реальные успехи.

– Интересно.

– Конечно, – тихо продолжал гигант, – успехи могли быть больше, если бы вы сотрудничали с нами вместо того, чтобы избавиться от людей, которых я направил защищать вас.

– Я сомневаюсь относительно этого, – усмехнулся Коррелл. – Им действительно поручили защищать меня, или только за мной следить?

– Предположим, и то, и то.

– Тогда предположим, что я предпочел, чтобы за мной не следили. Я хотел встретиться кое с кем, кому тоже не нравилась слежка. Это девушка, которую я встретил в космопорте, и которую впоследствии увидел там, куда меня привезли на встречу с Арвоном.

– Она из этой супергруппы?

– Утверждает, что нет. Она пыталась убедить, что они совершенно другие. – И он передал Хжелмару все, что узнал от Медланы.

Хжелмар покачал головой.

– Мы знаем об этом группе еще меньше, чем о другой. Очевидно, они лучше конспирируются.

– А как вы думаете, что это за уязвимость, о которой она упоминала?

– Понятия не имею, – медленно проговорил Хжелмар. – Может, это то, от чего бородатый Арвон упал без сознания, пока вы с ним говорили? А эта девушка...

– Она выглядит совершенно обычной.

– В самом деле? – поднял брови Хжелмар. – Из того, что вы рассказали, у меня сложилось противоположное впечатление. Кажется, она заставила вас потерять весьма продолжительное время?

– Да, и я все еще не понимаю этого.

– Очевидно, наркотики, – сказал Хжелмар. – Скорее всего, это не существенно. Однако, вскоре мы сможем узнать об этом побольше. Ну, а теперь предлагаю вам вернуться в мой офис и ознакомиться с кое-какими отчетами.

На обратном пути в Департамент Торговли Коррелл сидел молча. Конечно, Хжелмар прав, все дело в наркотиках. Очевидно, их выпустили в воздух и после разговора с Арвоном, и когда он встретился с Медланой. Но вот зачем?

Этот вопрос казался ему неразрешимым. Больше всего Корреллу хотелось как следует отдохнуть.

Хжелмар согласился с ним. Когда вертолет приземлился, Коррелл заметил, что это была крыша тюрьмы. Для него приготовили специальную камеру, где он хорошо выспался.

Когда он встретился с Хжелмаром на следующий день, гигант был весел и энергичен.

– Мы определили местонахождение их штаба, – сказал он, едва Коррелл вошел.

– И когда начнется захват? – спросил Коррелл.

– К сожалению, не все так просто. Оказывается, они выбрали достаточно безопасное место для себя. Это атолл в Тихом океане, который недавно использовался для экспериментов с ядерной энергией. Точнее, убежище их внизу, под атоллом. Сверху проникнуть нельзя. Радиация там зашкаливает, не поможет никакая защита.

– Но раз они выбрали для себя такое убежище, значит, они действительно суперсущества.

– Нет, – сказал Хжелмар. – И это самое забавное. Они, разумеется, отличаются от нас, но не настолько. Фактически, в некоторых отношениях у них есть кое-какие проблемы.

– Проблемы? Вы бы видели, как Паппас разделался с тремя напавшими на него мужчинами.

– Паппас не обладает большой физической силой. Он лишь создает иллюзию.

– Иллюзию? Тогда он лучший фокусник в мире. Разумеется, он одурачил меня и тех парней, что очутились на полу!

– Вы все еще не понимаете, – сказал Хжелмар и достал пачку бумаг. – Я сказал вам, что буду проверять отчеты. Могли бы и поинтересоваться результатами. Они доказывают, что действительно появился новый вид человека. Он отличается от нормального не цветом кожи или формой головы, или любыми другими внеш-

ними признаками, а химическими процессами. Их метаболизм приблизительно в десять раз быстрее нашего! Вот посмотрите школьные и медицинские карты. Обратите внимание на ученика Джорджа Паппаса. Он родился немногим более трех лет назад.

– Сын того человека, который меня похитил?

– Не сын, а он сам! Вы не улавливаете идею, Коррелл. Когда я говорю, что у них ускорен метаболизм, я подразумеваю, что у них ускорено ВСЕ! Эти люди живут раз в десять быстрее, чем мы. Отчеты, конечно, не полные, но из них можно сделать выводы. Из того немногого, что у нас есть, вырисовывается удивительная картина. В возрасте нескольких месяцев Паппас уже был готов пойти в школу. Его родители, разумеется, понимали его необычность, и записали в первый класс, сфальсифицировав возраст. Но и в школе он развивался настолько быстро, что учителя не могли этого не заметить. Его считали необычно одаренным ребенком, гением. И он опережал остальных детей не только умственно, но и физически. Через некоторое время его пришлось удалить из школы, поскольку он совершенно не вписывался в программу. Когда мальчик бросил школу, разумеется, прекратились и школьные отчеты, так что его последующую карьеру проследить было уже не так просто. Но связав вместе то, что мы узнали о нем и некоторых других, можно сложить общую картину. Первый быстродействующий человек появился примерно пятьдесят пять лет назад. В свидетельстве о смерти есть примечание, что в дату рождения закралась ошибка. Но теперь мы знаем, что никакой ошибки там не было. Этот человек умер в возрасте двенадцати лет, прожив, очевидно, лет сто по собственному исчислению. Это дает общее представление о том, что такое их нормальная продолжительность жизни. Все это подтверждается другими случаями, я насчитываю их около двадцати. Не считая смертей от несчастных случаев, получается число одиннадцать с половиной лет. А срок жизни обычных людей составляет сто шесть целых семь десятых года.

– Выходит чуть больше, чем одна десятая от нормы, – глубокомысленно заметил Коррелл. – Теперь я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что у них имеются свои проблемы.

– Я был уверен, что вы поймете. И еще одно, что вы должны учитывать, состоит в том, что пропорция десять к одному распространяется не на все их физические функции. Некоторые движения они могут делать в двадцать или тридцать раз быстрее, чем мы. Но бежать они могут лишь в пять раз, а мыслить всего в четыре раза быстрее нас. Их слуховой аппарат очень походит на наш. Они слышат и говорят в той же самой тональности, что и мы. Температура тела у них, приблизительно, на четыре градуса выше человеческой.

– Я вижу еще одну слабость, – сказал Коррелл. – Еда. Им необходимо есть в десять раз больше. Именно поэтому они и проводят опыты с быстрорастущими растениями.

– Верно. Они едят быстрее, дышат быстрее, быстрее устают и быстрее выздоравливают после болезней. Они могут выдержать десятикратную дозу радиации, смертельную для обычных людей, потому что их тела быстрее выводят продукты распада. По той же причине они должны быть неуязвимыми для ряда заболеваний и, напротив, особенно уязвимыми для болезней, нарушающих метаболизм.

Желмар передал Корреллу документы.

– Теперь, если вы изучите все, касающееся высокого метаболизма, – а я могу вас заверить, что у нас этим занимаются и другие эксперты, – то получите полную картину достоинств и недостатков наших противников. Физически они во многом превосходят нас, это правда. Однако, известны и другие животные, конечно, с более медленным обменом веществ, но все же живущие быстрее человека. Например, собаки, кошки и некоторые другие млеко-

питающие. Собака в девять-десять месяцев примерно такого же уровня зрелости, как юноша или девушка в шестнадцать. А ее продолжительность жизни – лишь шестая или седьмая часть от продолжительности жизни человека. Но собаке удалось приспособиться, как и другим животным, и как удалось бы приспособиться и нашим новым людям, если бы дело было в физическом регулировании.

Но физическое регулирование – лишь меньшая из проблем. Реальным камнем преткновения является то, что наши новые люди должны влиться в социальное общество. Представьте себе быстрых людей, пытающихся жить, как все остальные, думать и действовать в замедленном для них темпе. У них ничего не выйдет. Вы когда-нибудь пытались общаться с людьми, которые замолкают после каждого слова, чтобы подумать? Они говорят, и в то же время не могут понять, что говорите вы. Такова ситуация, в которой находятся наши быстрые люди, или, по крайней мере, ее бледная тень.

Представьте Паппаса школьником. В промежутке между утренним подъемом и полднем для него проходит несколько дней. Он устает, он хочет спать, он больше не может бодрствовать. И на глазах удивленного класса он дремлет несколько минут – и снова бодр и внимателен, словно отдыхал целую ночь. Учителя не знают, что с ним делать. Они думают, что это такая странная болезнь, и начинают писать записки родителям.

Выходит, нашим быстрым людям было бы лучше, если бы они жили в окружении себе подобных. И, в конечном итоге, они находят друг друга и создают организацию, просто для самозащиты, а не для какой другой цели. Но они все равно в меньшинстве, и большая часть их деятельности должна проходить среди обычных людей. Таким образом, они учатся маскироваться. Они учатся медленно двигаться, медленно разговаривать, чтобы не выделяться из

массы. Но ограничения, которые они ставят себе, слишком серьезны, так что возрастает их внутреннее напряжение. И, рано или поздно, они делают то, что сделал Паппас в универмаге – срываются и пытаются убежать. Именно по таким инцидентам мы изучаем их.

– Я считаю, – кивнул Коррелл, – что одна из главных проблем кроется в их речи. Это стало мне ясно по записи голоса Паппаса, звучавшего странно отрывисто. Возможно, он воспроизводил запись в замедленном темпе. Потому что при личном общении, понять его трудно даже при том, что он пытался говорить медленно.

Желмар поднялся и зашагал взад вперед, его грубо вылепленное лицо казалось взволнованным.

– Это – неожиданные выводы, и мы сделали глупость, не подумав об этом раньше, – сказал он, наконец. – Но теперь кое-что проясняется. Что вызывает появление этих новых людей после многотысячелетней истории Человечества? Об этом мы можем только гадать. Возможно, такие люди, как Паппас, рождались и в прошлом, и их убивали, как уродов, или они умирали, не в силах раздобыть себе пропитание, или по многим другим причинам. А вот теперь они не погибают. Число их растет.

И это приводит нас к наиболее важному моменту. Какова же цель их организации? Я могу понять, что они нуждаются друг в друге, чтобы сделать свою жизнь более терпимой, чтобы было с кем завести приятельские отношения. Но некоторые их действия направлены вовсе не на это. Их таинственность, кража оборудования, похищение обычных людей и попытки заставить их работать на себя – все это указывает на существование некоторой другой цели.

И теперь мне кажется, что такой целью может быть только одно. Мировое господство в старом, дурацком смысле этого слова. Мы думали, что род человеческий навсегда оставил это в про-

плом. Но они делают это не потому, что глупы, а потому, что не видят для себя иного выхода. Они живут лишь небольшую часть от продолжительности нашей жизни. Это значит, что в каждом нашем поколении у них проходит поколений гораздо больше. И если они размножаются в том же темпе, что и мы, то им не понадобится столетий, чтобы сравняться по численности с обычным человеческим родом.

Давайте, я вам поясню. Несколько столетий назад мы основали на Марсе колонию из ста обычных людей. К концу первого поколения колонистов стало двести, просто из-за массы несчастных случаев. Теперь предположим, что оригинальная колония состояла из быстрых людей. Тогда, если бы у них хватило достаточно продовольствия, численность колонии удваивалась бы каждые два года, которые и являются их поколением. Так что через двадцать лет в колонии жило бы уже сто тысяч человек. А через сорок – сто миллионов.

Теперь вы понимаете, какое они имеют преимущество для выживания, по сравнению с обычными людьми. Мы могли бы попробовать заставить их ограничивать свою численность, но на какой территории? И почему они должны добровольно согласиться на ограничение рождаемости? Ведь им кажется, что они гораздо лучше нас. Вы уже видели, какое преимущество дает им быстрота движений. Я думаю, что Паппас проявлял не больше физической силы, чем любой из мужчин, напавших на него. Но он двигался в десять-двадцать раз быстрее их, что означает, что вместо одного удара он наносил двадцать, и это имело эффект взорвавшейся бомбы. Они же при этом даже пальцем не успели шевельнуть.

Коррелл кивнул.

– Таким образом, – спросил он, – вы считаете, будет нелегко прийти с ними к соглашению?

– Да, я думаю, это будет трудно, а может, и невозможно. Имен-

но поэтому мы должны как можно быстрее создать организацию, способную нас защитить. Мы желаем смертоносной войны не больше, чем они. Но вы же видите, что с любой стороны трудно сказать, где заканчивается защита и начинается нападение.

Коррелл немного помолчал.

– Фактически, – медленно проговорил он, – мы даже не попытались прийти к какому-либо соглашению.

– В первую очередь, потому что не знали, с чем там стоит соглашаться, – ответил Хжелмар. – Я думаю, в будущем мы все же попробуем. Но одновременно необходимо готовиться к худшему.

– А можно ли добиться успеха, ведя подобные приготовления?

– Черт побери, но у нас нет другого выбора, – нетерпеливо сказал Хжелмар.

– Не знаю, – сказал Коррелл. – Мне плохо знакома ситуация. Однако, есть один фактор, который вы упустили. Наши «супермены» не единственные. Существует и другая группа.

– Они не имеют такого значения, – категорически заявил Хжелмар. – Они явно нормальны. А с нормальными людьми мы можем иметь дело. На этом этапе нет никакой нужды усложнять проблемы, думая о них.

– Но упрощая рассуждения, вы не делаете проще саму проблему, – возразил Коррелл. – Эта другая группа не более нормальна, чем первая. Должен сказать, что они состоят из людей, являющихся супермедленными.

– Тогда они вообще не представляют никакой проблемы. Однако, с чего вы решили, что они – медленные?

– С того, что произошло, и с того, что было сказано, – пояснил Коррелл. – Медлана упомянула «слабость ее группы». Я думаю, в этом она и заключается. Медлана рассказала, что они существовали уже очень давно и ожидали появления «суперменов». При-

чина этого, очевидно, состоит в том, что их внимание уже было привлечено к проблемам изменения метаболизма, потому что это произошло с ними самими. Человек, у которого не хватает пальца, первым поймет, что могут существовать люди с шестью пальцами. Медлана также поведала, что они приняли определенные меры предосторожности. Значит, она знает то, чего не знаем мы, и ее группа могла бы стать полезным союзником в борьбе с «суперменами».

Хжелмар покачал тяжелой головой.

— Если они медленные, им также неудобно жить среди нас. Мы в них не нуждаемся. Действительно, у нас есть информация, указывающая на то, что некоторые люди развивались гораздо медленнее по сравнению с обычными. Но медленные не могут действовать эффективно. Мы добьемся гораздо больших успехов, Коррелл, положившись на собственные силы, а не на сомнительных союзников, даже если они и существуют.

Коррелл ничего не ответил. Он не был согласен с Хжелмаром, но и не был уверен в прочности основы для таких разногласий.

— Через несколько дней вы полетите на Марс, — продолжал Хжелмар. — Как я уже говорил, вы доложите обо всем своему начальству. Так что в случае, если наши резвые приятели попытаются добраться до Марса, мы с вами окажемся готовы к этому.

Коррелл понял, что беседа окончена. Он встал. Хжелмар обменялся с ним рукопожатием и проводил до двери. На улице Коррелл еще раз испытал неприятное чувство, что теперь у него не будет никакой личной жизни, потому что люди Хжелмара снова следовали за ним по пятам.

При виде их он невесело рассмеялся. Это только обуза. И у Коррелла уже имелась возможность убедиться, что в случае нападения Паппаса или кого-то другого из суперлюдей, согладатаи не смогут стать ему никакой защитой.

Теперь Коррелл начал улавливать некоторый смысл происшедшего с ним. Потеря времени, сбивавшая его с толку, могла быть объяснена только каким-то препаратом. Человечеству давно известны наркотики, дающие пользователю расширенный эффект, чтобы ему показалось, что за полчаса он прожил целую жизнь. Но, предположим, существует препарат, действующий не только на мозг, но и полностью на обмен веществ, без галлюцинаций, кошмаров, а служащий лишь замедлителем всех жизненных процессов. И, предположим, Медлана использовала такой препарат, но не после беседы с ним, а до.

Тогда все происходило бы в замедленном темпе, а он ничего бы не заподозрил. И, возможно, сказал он себе, до этого она ускорила свой жизненный темп другим препаратом.

Коррелл понимал, что это чистое предположение, но все казалось весьма вероятным. А теперь пойдём дальше, сказал он себе. Возможно, не все люди способны легко переносить действие этого препарата. Предположим, Арвон во время первой беседы попытался ускорить свои жизненные процессы, чтобы пообщаться с Корреллом на равных, и пал жертвой какого-то побочного эффекта этого препарата. Это объяснило бы, почему он вдруг потерял сознание. И предположим...

Коррелл почувствовал волнение, когда понял, куда привели его догадки. Предположим, что есть люди из группы Арвона, которые использовали препарат и вышли в нормальный мир, но аналогично упали в обморок, а рядом не оказалось никого из товарищей. Что бы тогда с ними произошло? Их привезли бы в коме в ближайшую больницу, где доктора принялись бы лечить их от шока или истощения.

Вот место, где следует их искать – больницы. Рано или поздно они попадут туда.

Не обращая внимания на тянущийся за ним хвост из людей

Хжелмара, Коррелл поймал такси-вертолет и попросил доставить себя к ближайшему медицинскому Архиву. Он заметил, что позади него стартовали еще три вертолета. Вероятно, Хжелмар больше не желал рисковать потерять его.

В медицинском Архиве Коррелл легко получил доступ к спискам лиц, направленных на госпитализацию. Также было не сложно отыскать нужные случаи, поскольку они были описаны по симптомам. Из тысяч больных за прошлый год нашлась всего лишь дюжина человек, оказавшихся в коме без всяких видимых причин. Он просмотрел описания этих пациентов и выделил семь человек. Все семеро были мужчинами, и все носили бороды. А бороды были нынче не в моде.

– Проводите какие-то исследования, мистер Коррелл? – спросил его клерк.

– Да, для Департамента Торговли. А как часто обновляются эти отчеты?

– Ежеминутно. Мы получаем сведения напрямую из больниц, как только пациенты классифицированы и оформлены. Этим занимается электронный мозг.

– В классификацию входит, носят ли пациенты бороды?

– Разумеется, нет!

– Жаль. Это могло бы сообщить нам некоторую интересную информацию.

– Но ведь бородатые пациенты весьма необычны. Странно, но теперь, когда вы упомянули об этом, мистер Коррелл, я вспомнил, что сегодня утром упомянули о таком случае. Чистое везение, обычно подобного пришлось бы ждать много недель.

– И где сегодняшний пациент?

– В Третьем Терапевтическом Стационаре. Вот отчет. Этого человека подобрали в коме.

– Температура?

– Двадцать девять и пять десятых.

– Очень интересно, – сказал Коррелл. – Думаю, стоит поехать посмотреть на него.

Он с трудом сдержался, чтобы не броситься бегом из Архива. В больнице он сразу же подошел к клерку за столом у входа.

– Я ищу своего дядю, – сказал Коррелл. – Он бородатый, и иногда у него случаются судороги.

– Вашего дядю? Странно...

– Странно, что у меня есть дядя?

– Нет, странно. Что вы уже не первый его родственник. Здесь уже находятся брат пациента и его племянница. Подождите минутку...

Медсестра привела Коррелла в палату, где лежал без сознания пациент. У кровати сидела девушка, рядом стоял пожилой человек с морщинистым лицом. Девушка повернулась и очаровательно улыбнулась.

– Приятный сюрприз встретится с вами опять, мистер Коррелл. Вы же поможете мне отвезти дядю домой?

Как Коррелл и ожидал, это была Медлана. Но он не ожидал, что рука человека, сомкнувшаяся на его запястье, будет обладать такой силой. Силой робота.

А потом его тело, показалось, сковал мороз, комната закружилась перед глазами. И, когда его вели под руки, он походил на мертвеца.

VI

Коррелл не мог справиться с мыслями. Он мчался по коридорам больницы и вверх по лестницам. Был ужасный момент, когда он увидел, как на него понеслась стена, и только каким-то чудом удерживавший его робот избежал рокового столкновения. Люди

и лестницы, свет и темнота – все проносилось мимо с калейдоскопической быстротой. В заключительный миг, когда его бросили в вертолет на крыше здания, сердце замерло, а через секунду они уже оказались высоко в воздухе. Больница осталась далеко позади.

Медленно, очень медленно он попытался собраться с мыслями. Они не неслись вихрем по больнице, и вертолет передвигался с обычной скоростью. Замедлилось только его тело. Когда они делали это прежде, то помещали его в такое место, где он не мог ничего заподозрить. Теперь же, двигаясь и мысля раз в десять медленнее обычного, Коррелл смог ощутить чувства Медланы и ее сообщников, вынужденных бороться за право жить в мире, который ревел и мельтешил вокруг них.

Но обдумать это как следует у него не было времени. Словно по мановению волшебной палочки, они очутились на космическом корабле, и люк, с лязгом скользя позади них, закрылся. Коррелл ощутил столкнувшуюся с ним Медлану, затем что-то промелькнуло у него перед глазами, и раздались оглушительные очереди какого-то треска, смутно напоминающего человеческую речь, от которого у него чуть не лопнули барабанные перепонки.

И внезапно звуки замедлились, стали различимыми. Он увидел, что находится наедине с Медланой.

– Вы должны сесть. Вот сюда, – сказала девушка нормальным тоном.

Коррелл присел. И тут же его желудок рухнул куда-то вниз, и он ощутил ужасную тошноту от внезапного ускорения. В глазах потемнело, тяжесть заставила веки сомкнуться. Но, к огромному облегчению, все длилось не дольше секунды.

Коррелл открыл глаза. Они продолжали лететь с ускорением, но уже в более щадящем режиме, нежели прежде. Медлана поглядывала на него со слабой задумчивой улыбкой на прекрасном лице.

– Теперь вы можете понять, как мы живем, – сказала она.

– Это ужасно! – Коррелл чувствовал, что лицо у него все еще бледно.

– Это потому, что вы еще не знаете, как к этому приспособится. Вы слишком быстро вошли в темп. Когда в следующий раз окажетесь на планете, то ощутите, что обычная сила тяжести увеличится для вас в десять раз.

– Но, разумеется, только когда я двигаюсь.

– Но вы же не можете все время стоять неподвижно. Простой способ справиться с этим – непрерывное падение назад и вперед. И, конечно, придется быть более внимательным при каждом шаге. Особенно когда присаживаетесь и встаете.

Земля внизу уже превратилась в яркий шар едва ли больше Луны. И Коррелл внезапно понял, что снова похищен. Несмотря на все заботливые объяснения, Медлана ничуть не смутилась, похищая его и увозя с Земли. И Корреллу это не понравилось.

– Вы так и собираетесь держать меня здесь? – огрызнулся он.

– Какое-то время. Так вам будет удобнее и заставит время пройти быстрее.

– Вам это не сойдет с рук. Вы ведь понимаете это, не так ли? Люди Хжелмара следили за мной...

– Я знаю о них, – рассмеялась Медлана. – Они по-прежнему следуют за вами.

– Конечно, следуют. И рано или поздно они нас догонят. Наверное, они потеряли какое-то время, чтобы раздобыть космический корабль...

– Зачем им корабль? – прервала его Медлана. – Они следуют за вами на Земле. Или, по крайней мере, они следуют за роботом, очень похожим на вас.

– Роботом? Никакой робот не может походить на меня.

– Но ведь так уже было. Он даже проходил проверку на отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза. Мы не заменяли их, как, вероятно, вы предположили. Мы просто создали робота с такими же характеристиками. К сожалению, нам не пришло в голову, что земляне и марсиане могут слегка отличаться друг от друга. Мы узнали об этом позже, когда робот выдал по некоторым незначительным признакам свое земное происхождение. Однако, в этом почти не было вреда. Позже мы исправили ошибку.

Коррелл в замешательстве покачал головой.

– Это невозможно, – упрямо возразил он. – Те люди знают меня слишком хорошо. Робот не может подражать моей походке, моей манере говорить...

– Он уже делает это. Вы забываете, у нас была возможность изучить вас при первом вашем посещении. После этого мы внесли коррективы.

Коррелла не убедили ее слова.

– Но как робот может вести сложные переговоры? Он же не мыслит, как человек.

Медлана улыбнулась ему, словно тупому ребенку.

– Он этого и не делал. Он сидел в кабинете напротив Хжелмара, и передавал всю беседу на ультракоротких волнах в наш штаб, откуда тут же получал инструкции, что отвечать.

– Мне следовало догадаться, – уныло признал свое поражение Коррелл. – Как я уже говорил Хжелмару, я слишком медлителен, чтобы думать о таких вещах.

– Дело не в скорости мышления. Вы просто никогда не были изгоём, как мы.

В ее словах прозвучала горечь, она словно оборонялась, точно это он был ее похитителем, а не наоборот.

– Но в этом никто не виноват, – возразил Коррелл.

– Виноват или нет, но таковы факты. Поэтому мы смогли взлететь на этом корабле так быстро. У нас большой опыт в бегстве.

Коррелл посмотрел в иллюминатор. Рядом с ним висела табличка с надписью: «Королева Бродяг». Разумеется, это название корабля. Корабля, на котором он оказался беспомощной жертвой.

Земля позади них была уже вдвое меньше Луны, и по части видимого континента Коррелл не мог разобрать, Азия это или Африка. И вдруг он с волнением заметил на фоне планеты яркую мерцающую точку.

— За нами летит еще один корабль! — воскликнул он. — Я вижу выхлоп.

— Знаю, — спокойно сказала Медлана. — За нами гонятся. Они стартовали минут через пять после нас.

— Значит, Хжелмар, в конце концов, не дремлет! — с триумфом воскликнул Коррелл.

— И даже весьма не дремлет. Но это не Хжелмар. Это те, кто хочет заполучить наш груз. Быстрые. Группа Р.

— Те, что движутся в сто раз быстрее, чем вы? — спросил Коррелл. — Какие же у вас против них могут быть шансы?

Медлана казалась удивлена его вопросом.

— А вы думаете, нет ни единого? — спросила она вместо ответа.

— Какие шансы у вас могут быть? — настаивал Коррелл. — Вы могли делать из нас дураков, пока мы не знали о вашем существовании. Из-за этого вы сумели организовать, и снова и снова заставлять нас врасплох. Но теперь все изменилось. Теперь мы знаем о вас и создаем собственную организацию для борьбы с вами. И вскоре разыщем всех ваших агентов, неважно, на Марсе они, на Венере или здесь, на Земле. И то, что можем сделать мы, группа Р, как вы ее называете, может сделать в десять раз быстрее. Мы — все мы — беспомощны против них.

— И вы думаете, нам следует сдаться? — с иронией спросила Медлана. — Посмотрите сюда. Они же не догнали нас.

– Они только начали погоню.

Медлана нетерпеливо покачала головой.

– Вы ничего не понимаете. Если бы мы рискнули лететь на предельной скорости, то летели бы быстрее их. Скорость судна зависит от мощности его двигателей, а не от быстроты передвижения находящихся в нем людей. «Королева Бродяг» – корабль, построенный специально для наших целей. А тот, что летит за нами – обычное пассажирское судно, которое группе Р посчастливилось угнать.

– У них в рукаве может найтись еще несколько козырей.

– Разумеется, у них есть уловки, – кивнула Медлана. – Они слишком полагаются на уловки. Но козыри есть и у нас. И рукава у нас длиннее.

Коррелл отметил, что теперь в ней не было ни безмятежности, ни спокойствия. Этот эффект создавался различием между ними, которого больше не существовало. Теперь Медлана предстала более оживленной, наполненной жизнью и энергией. И, конечно, по-прежнему красивой. Коррелл почувствовал это сильнее прежнего, когда она отвернулась к иллюминатору, и он смог рассмотреть ее профиль.

– Наши друзья готовят для них парочку сюрпризов, – сказала она. – И для вас тоже.

– Что вы собираетесь сделать со мной? – спросил он напрямик.

– Это еще предстоит решить. Мы не можем отпустить вас, потому что вы слишком много знаете. Мы не можем убить вас, потому что мы не убиваем. И, кроме того, – неожиданно добавила она, – вы мне нравитесь. Вы нудный бюрократ, но в вас есть что-то такое... я бы назвала это бюрократическим шармом.

И она рассмеялась.

– Никогда не считал себя бюрократом, – натянуто возразил Коррелл, но затем добавил, точно удивленный собственной мыслью. – Но, наверное, все бюрократы такие.

Она казалась довольной его замечанием.

– Вы быстро учитесь.

– Просто вы хорошая учительница. К тому же красивая.

Она опять рассмеялась.

– Бедный Коррелл! Зачем вы тратите на меня комплименты?

Разве вы не понимаете, что я настолько стара, что могла бы быть вашей пра-пра-пра-прабабушкой? Мне двести два года, так что не стоит мне льстить.

Это его потрясло. Коррелл вздрогнул.

– Это... ну... Нет, – пробормотал он. – Двести лет жизни в нашем темпе не больше, чем двадцать лет в нашем. Фактически, вы моложе меня.

– Вы, как ребенок, невзирая на возраст, – сказала Медлана, и в глазах ее появилось какое-то новое выражение – сожаление? – Разве вы не понимаете, что у нас так же мало общего, как если бы мы жили в разных звездных системах. В обычных условиях я казалась бы вам застывшей статуей, а вы безумно пролетали бы мимо меня. Единственной точкой соприкосновения стал бы наркотик, который пришлось бы принимать одному из нас. Замечательный фундамент для любви, не так ли?

Печаль пронзила его сердце.

– Но что-то же можно...

– Ничего нельзя с этим поделать. Подумайте, что бы произошло, если бы мы поженились. Вы старели бы в десятки раз быстрее меня, и стали бы согбенным и трясущимся старичком, в то время, как я бы ничуть не изменилась. Мы уже сталкивались с такими проблемами. Я обсуждала подобную тему с Арвоном.

Коррелл почувствовал ревность.

– Вы с Арвоном... друзья?

– Мы знаем друг друга больше ста лет, – скромно сказала Мед-

лана. – Поэтому, когда он не знал, что делать, то обратился ко мне за советом. Ему тогда показалось, что он полюбил обычную девушку, жившую на Марсе. И что ему было делать?

– Что же вы ему посоветовали?

– А что тут можно посоветовать? К счастью, он вскоре сам понял, что ничего из этого не выйдет.

– И девушка тоже поняла?

– Ей не осталось выбора. Она была реалисткой. Арвону потребовался на это месяц, а для нее прошел год, и девушка решила выйти замуж за кого-нибудь своего вида. Арвон пришел к подобному решению, хотя иногда мне кажется, что он продолжает сожалеть. Но теперь он хочет жениться на мне.

И снова Коррелл почувствовал ревность, глупую, иррациональную, потому что у него не было ни малейшей надежды.

– Арвон – дурак, – резко сказал он. – Как он мог предпочесть вам любую другую?

– Вам легко говорить.

– И как ваши отношения? Что вы испытываете к нему?

Медлана не ответила. Она снова заглянула в иллюминатор и тихо произнесла:

– Впереди еще два их корабля. Они считают, что окружили нас.

Коррелл вдруг почувствовал, как что-то рвануло его вбок. На секунду он подумал, что корабль ударился обо что-то, но затем понял.

– Мы вращаемся, пытаюсь их отбросить, – сердито сказал он. – Это глупо. Ничего не получится, мы зря теряем время. Возможно, корабль позади не такой быстроходный, но теперь он догоняет нас. И все закончится, едва они окажутся в пределах ста миль...

– Им не требуется настолько приближаться. У наших преследователей имеется оружие, способное поражать на расстояние больше, чем тысяча миль. Они хотят искалечить нас, повредить корабль, если потребуется, а затем не спеша нас ограбить.

– А какое оружие есть у вас?

– У нас нет оружия. У нас не было времени на разработки.

Коррелл был приучен к опасностям, но от таких новостей у него пересохло в горле. Они беззащитны, как заяц, преследуемый сворой гончих.

– Тогда мы пропали, – сказал он. – Мы не успеем долететь до Марса.

– Боюсь, что нет, – сказала Медлана без малейшей тени страха.

Яркий выхлоп дюоз корабля преследователей стал теперь ближе и ярче. И внезапно от него отделилась еще одна вспышка, более яркая, чем сам корабль.

– Они выстрелили.

Сколько секунд осталось до того, как ракета достигнет цели. Одна? Две?..

Коррелл ощутил едва заметный толчок. Никакого взрыва не произошло. Судно, вращаясь вокруг оси, продолжало полет.

– Ракете потребовалось две секунды, чтобы настигнуть нас, – сказал Коррелл. – Это слишком быстро.

– Двадцать секунд. Вы забываете, что живете сейчас гораздо медленнее.

– Почему же она не взорвалась?

– Потому что не ударились, а прошла вскользь. Внешняя броня нашего корабля очень скользкая.

– Как земля возле того здания, когда роботы освобождали нас? – догадался Коррелл.

Медлана кивнула.

– Первоначально мы создали метод устранения трения для использования в космических кораблях, чтобы уменьшить трение воздуха при полете в атмосфере планеты. Также это оказалось полезным для защиты от метеоров в космосе.

— А что, если бы их ракетам не требовалось врезаться о цель, чтобы взорваться? — воскликнул Коррелл. — Что, если бы они срабатывали, просто приближаясь к цели — например, от повышенной температуры? Я слышал, что подобное оружие использовали несколько столетий назад.

— Я тоже слышала подобное, — Корреллу показалось, что Медлана слегка побледнела. — Но, полагаю, мы справились бы и с ними.

— Уверены или надеетесь?

— Я... уверена.

Корабль давно отклонился от прежнего курса, пытаясь оторваться от преследователей, стремящихся его окружить. Возникла еще одна яркая вспышка. Еще одна ракета полетела в них.

Коррелл глубоко вздохнул и опять начал считать: раз, два...

Ракета взорвалась. Коррелл закрыл руками глаза от нестерпимого блеска внезапно вспыхнувшего поблизости маленького солнца. Ракета взорвалась, значит, он должен быть уже мертв. Но корабль по-прежнему летел, явно неповрежденный.

Произошел еще один взрыв. Он не успел закрыть глаза, и перед ними поплыли разноцветные круги. Когда вернулась способность видеть, Коррелл понял, что их корабль купается в мерцающей желто-зеленом облаке, достаточно плотном, чтобы закрыть окружающие звезды. А поскольку они летели в безвоздушном пространстве, облако следовало вместе с ними.

Коррелл заметил, как Медлана резко выдохнула воздух, точно сбрасывая невыносимое напряжение.

— Мы выдержали испытание, — спокойно сказала она.

— Но как? Это же была ракета с тепловым взрывателем!

— Нам повезло. Если бы детонатор у нее срабатывал от магнитного или электрического поля, пришлось бы хуже. Но, к счастью, наши быстрые приятели успели разработать лишь одно направление.

– Значит, это желто-зеленое мерцание должно быть горячим облаком, испускаемым нашим судном, – задумчиво сказал Коррелл.

– Да, это ионизированное облако. Оно начинает флюоресцировать, вбирая в себя радиацию от наших двигателей, и образует сферу радиусом в милю от поверхности корабля. Ракеты взрываются, прежде чем успевают приблизиться настолько, чтобы нанести реальный ущерб, а броня корабля, включая и иллюминаторы, защищает от опасных частиц и излучений.

– А почему облако летит вместе с нами?

– Потому что у него такой же первоначальный импульс, как и непосредственно у судна. К тому же, достаточно слегка намагнитить корпус, чтобы он притягивал ионизированные частицы облака. Постепенно они отстанут, но к тому времени мы уже оставим преследователей далеко позади.

– Должен признать, это хитро придумано, – медленно произнес Коррелл. – У вас есть члены экипажа, двигающиеся на борту с нормальной скоростью, чтобы управлять кораблем?

Медлана казалась удивленной.

– Разумеется, нет. Мы используем роботов. Реакции нормальных людей, таких, как вы, занимают несколько десятых долей секунды, у наших врагов это составляет несколько сотых долей, а реакция электронных мозгов, которые управляют роботами, приблизительно равна миллионной доле секунды. Они действуют неизмеримо быстрее, чем любой человек. Это – одна из причин, по которой мы не боимся врагов.

– А другие причины?

– Разве они не очевидны? Враги расходуют запасы еды и воздуха в десять раз больше, чем мы. Ни один из их кораблей не сможет долететь даже до Марса, если у них на борту не будет обыч-

новенной человеческой команды и только один-два члена группы Р, чтобы управлять ими. Иначе скорость потребления продовольствия и воздуха была бы слишком высока. А у тех боевых кораблей наверняка больше одного-двух людей Р на борту.

– И это означает, что скоро им придется возвращаться, в то время как мы полетим дальше на Марс.

– Я вовсе не говорила, что нашей целью является Марс, – спокойно заметила Медлана.

Коррелл был поражен.

– Мы летим не на Марс? Но куда же?

Она пожала плечами.

– Скоро вы все узнаете. Сейчас мне придется вас оставить. Я должна сделать отчет.

Коррелл преградил ей путь.

– Я был дураком...

– Несомненно, – согласилась Медлана.

– Мы уже оказывались в подобной ситуации. Нас зарегистрировали, как мужа и жену, а у меня даже не возникло мысли поцеловать вас на прощание, когда вы уезжали.

Загадочное выражение ее лица ничего не сказало.

– По-моему, – улыбнулась девушка, – я пропустила это место в своем предыдущем докладе начальству.

– Ну, я не повторяю одну и ту же ошибку дважды, – заявил Коррелл. – Можете так и записать в своем отчете. – И обнял ее.

Она не сделала попытки сопротивляться. Вместо этого, Коррелл почувствовал, как она обняла его в ответ. Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем сзади раздался резкий голос:

– Медлана!

Коррелл обернулся. В двери застыл бородатый Арвон, и над густой бородой сверкали ненавистью его глаза. И вовсе нет в них никакого загадочного выражения, подумал Коррелл. Его глаза пылали яростью, происхождение которой трудно было не понять.

Медлана медленно отошла в сторону, на ее лице было все то же загадочное выражение, когда она пробормотала:

– Прости, Арвон. Я... невольно... задержалась.

Она пошла к дверям, и Корреллу на мгновение показалась, что в уголках губ, которые он только что целовал, слабо подрагивает улыбка.

Желто-зеленое облако теряло яркость, бледнея и уменьшаясь. Теперь сквозь него проглядывались звезды и сверкающие точки ракетных двигателей, проносящиеся мимо иллюминатора. Коррелл увидел, что они теряют скорость, движение их становится все медленнее и медленнее, пока они не поползли в темпе улитки.

Сперва Коррелл подумал, что судно притормаживает. Но затем понял, что это ослабевает действие препарата. Теперь он стал реагировать, как обычно, и мир не мчался мимо него в бешеном темпе.

Но для Медланы время продолжало тянуться так же медленно, как и всегда.

VII

В течение нескольких секунд Коррелл подумал, что они собираются сесть не на Марс, а на один из двух его спутников, Фобос или Деймос. Но корабль обогнул и Марс, и спутники. Они пролетели пятьдесят миллионов миль, когда Коррелл через иллюминатор заметил далеко в стороне планету, которую называл «домом», блестящий розовый диск, нижним краем погруженный в темноту. Но у него не нашлось времени рассматривать его с ностальгией, которой он раньше никогда не чувствовал, потому что ожил динамик на передней стене каюты.

– Мистер Коррелл, капитан приглашает вас в свою каюту. Пожалуйста, явитесь незамедлительно, мистер Коррелл.

Капитан оказался еще одним бородатым мужчиной, такого же возраста, что и Арвон, но более высокий и тяжеловесный. Он стоял рядом с Арвоном и Медланой перед экраном, на котором виднелась фигура диктора. «Сбежавшее судно «Королева Бродяг», сбежавшее судно «Королева Бродяг», вам предписано направиться в ближайший порт и сдать, чтобы ответить на обвинения в нарушении законов Земли, иначе вы будете объявлены преступниками. Направляйтесь в ближайший порт и сдавайтесь. Вы обвиняетесь в отлете с Земли без разрешения, а также в похищении человека по имени Альво Коррелл».

– Они передают это сообщение каждые пятнадцать минут, – сказал капитан.

– Значит, вы вызвали меня не для того, чтобы прослушать новости? – спросил Коррелл.

– Нет, – сказала Медлана. – Они также передали сообщение от Хжелмара. Оно может заинтересовать вас.

Диктор повторил свой текст еще раз и исчез, а экран заполнила громадная фигура Хжелмара.

Он выглядел усталым и взволнованным.

– Капитану и всей команде «Королевы Бродяг», – медленно начал он. – До сих пор вы не отвечали на наш приказ сдать. Если вы и дальше собираетесь хранить молчание, то вам следует знать, что нам о вас все известно. Хочу вас сообщить, что все ваши маршруты открыты, так что сбежать не удастся. Это, во-первых. Во-вторых, у нас есть ядерные ракеты, и мы используем их, но не позволим вам и дальше претворять свои незаконные планы в жизнь. Мы не хотим этого, но ваши собственные действия вынуждают нас пойти на этот шаг.

– Вечно они «не хотят этого», – с горечью сказала Медлана, когда Хжелмар сделал паузу. – Можно подумать, он добрый отец, против желания наказывающий непослушных детей.

Они все, Медлана, капитан и Арвон, находятся под действием ускоряющего преларата, подумал Коррелл, иначе не смогли бы понять, что говорит Хжелмар.

— А теперь сообщение мистеру Корреллу, — серьезно продолжал Хжелмар, — на случай, если он не был похищен и оказался на борту «Королевы Бродяг» добровольно, полагая, что помогает преследуемому меньшинству. Я предупреждаю вас, Коррелл, что вам не позволят скрыться. Объясните им, каких успехов мы добились, и убедите их сдать, прежде чем им будет нанесен вред. — Голос Хжелмара стал угрожающим. — Иначе всех вас ждет смерть.

— Он не знает наверняка, — задумчиво сказал Коррелл, — похищен я или нет, но готов уничтожить меня вместе с вами, лишь бы удостовериться, что вы не ускользнете. Это не похоже на Хжелмара. Должно быть, он по-настоящему вас испугался. Или... — Коррелл замолчал.

Все ждали, но Коррелл не стал продолжать. Хжелмар на экране по-прежнему говорил, на этот раз уговаривающим тоном. Наконец, он исчез с экрана, на котором опять появился диктор.

Капитан выключил телевизор.

— Интересно, — сказала Медлана, — стоит ли ответить ему, что ядерные ракеты — едва ли адекватное наказание за те мелкие преступления, которые нам инкриминируют.

Капитан отрицательно покачал головой.

— Трудно спорить с человеком, до которого больше десяти световых минут. Получается слишком значительный интервал между вопросами и ответами. Кроме того, мы рискуем выдать свое местоположение, которого они, вероятно, не знают, несмотря на их заявления.

— Правильно, — согласился Арвон. — Мы должны лететь дальше и готовиться к очередному ракетному удару.

– Нет, – мотнул головой Коррелл. – Не будет никакого ракетного удара.

Все вопросительно посмотрели на него.

– Во-первых, – продолжал Коррелл, – как я уже сказал, Хжелмар не стал бы угрожать массовым уничтожением. Он не убийца. К тому же, кто он такой, чтобы выносить всем нам смертный приговор. Он не имеет никакого права отдавать подобные приказы.

– Мы не можем в это убедиться, – возразил Арвон.

– Во-вторых, у правительства Земли нет никаких ядерных ракет. Хжелмар сам уверял меня, что уже много столетий не создавалось никакого оружия, и, хотя имеется много ядерного топлива, я не уверен, что можно найти специалистов, способных быстро собрать несколько технически сложных ядерных бомб, не подорвавшись при производстве.

– Значит, вы думаете, что Хжелмар пытается нас надуть? – спросила Медлана.

– Это не совсем блеф. Просто он хочет, чтобы мы начали думать в неверном направлении, а сам наверняка планирует другие способы остановить нас.

– Например? – спросил Арвон.

– Я не могу читать мысли Хжелмара, но вспомнил сейчас один такой способ. Когда я летел с Марса на Землю, мой корабль попал в аварию и беспомощно болтался в пространстве, и нас подобрало спасательное судно, действуя специальными лучами. Сперва широким пучком лучей оно просканировало большую площадь, а когда мы были локализованы, луч сузился, укорачивая одновременно длину волны. Узкий луч удерживал нас, пока спасательное судно не вступило в кораблем в прямой контакт. Я предполагаю, это были очень узкие, чрезвычайно сконцентрированные лучи такого же типа, что используют в портах при посадке кораблей. Это ведь так, капитан?

– Да, – кивнул капитан.
– И насколько изменяется длина волны?
– От жестких рентгеновских волн до мягкого гамма-излучения.

– Они могут пройти сквозь корпус нашего корабля?
– Могут, если окажутся достаточно мощными, – осторожно ответил капитан.

– А также инициировать взрыв ядерного топлива корабля? – спросила Медлана. – Сделать то, что не смогли взрывы ракет?

– Ракеты взорвались в миле от корабля, – пояснил капитан. – Если луч будет достаточно мощный и сконцентрированный, есть вероятность, что он инициирует взрыв. Конечно, это будет слабый взрыв, учитывая, какое топливо мы используем, и он не уничтожит корабль. Но он остановит нас и оставит беспомощно болтаться в космосе.

– Какая защита у нас имеется против такого нападения? – спросил Коррелл.

– Никакой, насколько мне известно, – встревоженно сказал капитан. – Об этом еще предстоит подумать.

– Не стоит слишком волноваться об этом, – заявил Арвон. – Нас вообще не смогут перехватить. – Он нахмурился. – Мне нужно кое-что сказать вам, Коррелл. Кое-что личное.

Все удивленно уставились на него.

– В чем дело? – спросил Коррелл. – Разве я вел себя не так, как подобает похищенному пленнику?

Глаза Арвона сверкнули, на губах Медланы появилась улыбка. Капитан выглядел озадаченным, но, насколько Коррелл смог рассмотреть сквозь густую бороду выражение его лица, он также был заинтригован.

– Пожалуйста, давайте обсудим это конфиденциально, – натянуто проговорил Арвон.

Он шел впереди, сопровождаемый Корреллом, и остановился в небольшой каюте в конце главного коридора.

– Послушайте, Коррелл, – сварливо и неприязненно начал бо-
родач, – возможно, вам не пришло это в голову, но мы – члены
долгоживущей группы, которая, собственно, является иной расой.

– Почему же? Я размышлял об этом, – спокойно ответил Кор-
релл. – Но все же я не могу сказать, что верю этому.

– Но это так. Пока что мы живем среди обычных землян и мар-
сиан, но не относимся к ним. Мы не можем разделять их тривиаль-
ные радости и удовольствия, их привычки и образ жизни. Или их
нравы.

– Так вот в чем дело. Их нравы. Или, скорее, мои нравы.

– Да. Мы сплоченная группа, и не можем терпеть ваше пустя-
ковое отношение к самым важным в жизни вещам.

– Иными, менее высокопарными словами, вы ревнуете.

– Не переиначивайте то, что я говорю. Это вообще не личный
вопрос. Мы были вынуждены взять вас на борт корабля...

– Принудительно, – вставил Коррелл.

Арвон игнорировал замечание.

– И мы не намерены позволить вашим стандартам превозно-
ситься над нашими. У нас в команде есть и мужчины, и женщи-
ны, и они всегда вели себя нормально и достойно. И собираются
вести себя так и впредь. И они... мы не позволим вам опустить
нас до вашего уровня.

– Действительно, это крайне серьезный вопрос, – сказал Кор-
релл, глядя на сердитое лицо Арвона. – И я удивлен, что вы реши-
ли поговорить со мной один на один. Вам следовало поднять эту
проблему при капитане и Медлане.

– Это можно решить между нами.

– Наверное, можно. Но разве вы не считаете, что должны быть
осторожным? Вы можете разволноваться и потерять над собой
контроль, как в тот раз, когда мы повстречались впервые...

– Я не терял над собой контроль, – холодно возразил Арвон.
– Я долгое время находился под влиянием препарата, а его эффекты имеют и обратную сторону. Тогда я дошел до предела выносливости.

– Ну, вы и сейчас не кажетесь мне в порядке. И я не понимаю, как может один человек испортить нравы всей команды, если у него нет партнера. Или вы полагаете, что у меня он есть?

В глазах Арвона загорелась ненависть.

– Мы с Медланой слишком заняты, чтобы жениться. Это ведь не пустяковое дело, которое можно проделать на бегу.

– Я этого не знал. Вы оба хотите жениться, или это только ваша идея?

– Не пытайтесь превратить серьезный разговор в повод для насмешек, – с негодованием уставился на соперника Арвон. – Вы находитесь в наших руках и зависите от нашего милосердия.

– Вы походите на пророка, Арвон, но вещаете иначе. Пророки не помышляют о женитьбе. А если думают, то теряют свою способность предсказывать будущее.

– Вы говорите глупости, Коррелл. И хотя я не могу предсказывать будущее, но могу сказать, что произойдет, если вы продолжите вести себя в том же духе.

– Это интересно. Между прочим, я кое-что хотел у вас спросить. Почему вы носите бороду? Просто ради благообразного вида, или есть более важная причина?

Арвон казался ошеломленным неуместностью этого вопроса.

– Мы... – запинаясь, сказал он, – все мы носим бороды, все мужчины, как вы можете видеть. И глупо думать, что мы делаем это ради внешнего вида. Это просто потому, что хотя наш метаболизм и составляет одну десятую от вашего, бороды у нас растут так же быстро, как и у вас.

– И, вам пришлось бы бриться в десять раз чаще, проще наращивать бороду. Все понятно. Арвон, спасибо, за ответ.

Арвон уже уходил, когда до него, казалось, дошло, что последнее слово в этой беседе должно было остаться за ним, а не за Корреллом. Он резко повернулся и с негодованием уставился на Коррелла, но ничего не сказал и вышел в коридор.

Коррелл улыбнулся. Правильно сказала Медлана, у него есть тенденция быть нудным. И теперь до него дошло, что он повстречался с типом, который превзошел его своей нудностью, нудностью, к которой он не испытывал уважения. И еще Коррелл сообразил, что ему больше нечем заняться. На этом корабле у него нет никаких обязанностей, никакой работы. Ему нечего делать, кроме как попытаться убить время и предаться размышлениям о Медлане.

Неприятности настигли их на полпути к Марсу, в двадцати миллионах миль от поверхности красной планеты. Точнее, его поверхность стала ярко-розовой с тех пор, как на Марсе потрудились специальные бактерии, освободившие весь связанный кислород и возродившие плотную атмосферу, почти такую же, как на Земле. Марс был уже так близко, что у Коррелла появилось иррациональное желание угнать спасательную шлюпку и сбежать домой. Но ему мешали две вещи: неделание покидать Медлану и тот факт, что где-то готовятся к атаке корабля Хжелмара.

«Королеву Бродяг» объявили преступным судном и команда не могла ожидать помилования. Коррелл чувствовал, как весь корабль охватило напряжение от ожидания неминуемого нападения. Корабельные детекторы обнаружили не менее дюжины правительственных судов. Оставалось лишь лететь прямо вперед. Не было никакой возможности свернуть в сторону, потому что их тут же перехватили бы. И не оставалось никакой возможности избежать решающего поединка.

Корреллу заблаговременно ввели замедляющий препарат, словно хотели этим предупредить его попытку предать экипаж людям

Хжелмара. Время для него ускорилося, корабль вихрем рванулся навстречу опасности. Капитан и инженеры, которые могли столкнуться с необходимостью принимать срочные решения, чего не могли сделать роботы, двигались с нормальной скоростью. Они знали, что Коррелл будет беспомощен против них, поэтому ему разрешили находиться в навигационной рубке, откуда они с Медланой могли следить за всем происходящим.

Предположение Коррелла о средствах, которыми располагал Хжелмар, оказалось верным. Практически одновременно их корабль охватили широкие пучки лучей сразу с двух судов, одно из которых находилось на расстоянии четырех с половиной тысяч миль, другое ровно в четырех тысячах. Оба луча были слабые, со значительной длиной волны, так что опасности для «Королевы» не представляли. Но они являлись проводниками более опасных лучей. И в трех тысячах восьмистах миль их нащупал третий луч.

— Какой у нас план? — спросил Коррелл. — Почему мы двигаемся прямо навстречу опасности?

— У нас нет никакого плана, — сказала Медлана. Внезапная смена направления полета отбросила их к противоположной стене. — Мы летим зигзагом, надеясь, что лучи упустят наш корабль, но, похоже, их этого ничего не выйдет.

— Тогда мы могли бы сдаться.

— Еще не все потеряно, — напряженно пробормотала девушка.

Корабли-перехватчики, ожидая их прибытия, медленно дрейфовали. Теперь же они стали поворачивать, поскольку «Королева Бродяг» понеслась им навстречу. Они выжидали, пока сокращающееся между ними расстояние позволит им атаковать. Корреллу, находившемуся под воздействием замедляющего препарата, показалось, что с того времени, когда первый луч коснулся их корабля, едва ли минуло двадцать секунд до момента, когда началась атака.

Пучки лучей быстро сузились, стали концентрированными и

более мощными. Еще несколько секунд, и они смогут добраться до «Королевы Бродяг» и взорвать судно, превратив в раскаленную, опасную радиоактивную массу.

Но тут острый, как игла, луч вылетел из одного из передних, маневровых реактивных двигателей «Королевы Бродяг». Он вонзился в самую сердцевину ближайшего корабля, передвинулся к корме, а потом наискосок назад. Корпус корабля внезапно раздулся, и он принялся вращаться вокруг оси. Смертоносная игла метнулась к другому судну, и все повторилось.

Пять секунд спустя, по времени Коррелла, они прорвали блокаду. Позади осталось полдюжины беспомощных кораблей с уничтоженными запасами топлива, остальные без малейшего энтузиазма еще какое-то время преследовали беглецов, потом бросили это занятие и вернулись спасать товарищей.

Коррелл покачал головой.

— Они не ожидали, что вы посмеете напасть на правительственные корабли.

— Это было нашим секретным оружием, — ответила Медлана.

В рубку, усмехаясь в бороду, вошел капитан. Он двигался еще несколько убыстренно, но теперь, когда опасность миновала, и больше не было потребности в ускоряющем препарате, быстро возвращался к норме.

— Мы их обскакали, — хихикнул он. — Мы не только застали эскадру врасплох, но наш проникающий луч был мощнее. Их лучи использовали энергию ядерных реакторов. Это стандартное решение для правительственных кораблей. Наш же луч работал на более высокой частоте и обладал большей энергией, потому что мы укрепили его витаминами. Космическими витаминами, а точнее, консервированным космическим излучением. — Он поймал удивленный взгляд Коррелла. — Да, мой юный друг, мы давно научились запасать косми-

ческое излучение впрок, поэтому энергии у нас значительно больше, чем у преследователей.

– Но, вероятно, нас снова попытаются перехватить? – спросил Коррелл.

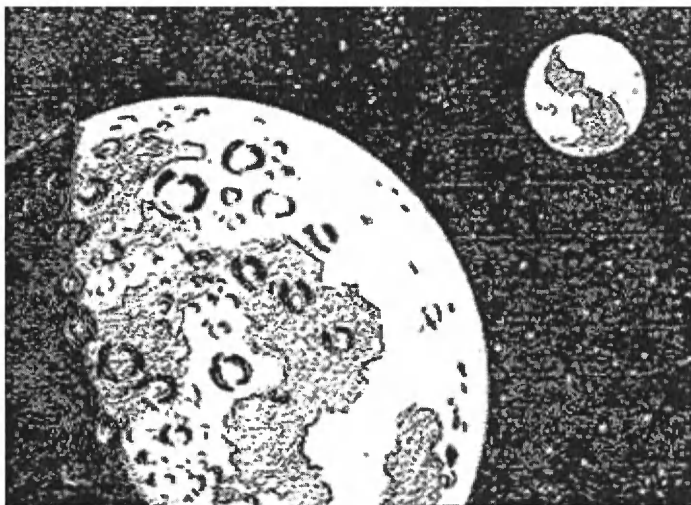
– Сомневаюсь. Правительственные корабли обычно не летают дальше орбиты Марса. Я думаю, теперь нам открыт путь к Ганимеду.

Так вот куда они направляются, подумал Коррелл. К Ганимеду, одной из лун Юпитера. Он вспомнил все, что читал в исторических книгах. Двести лет назад исследовательские корабли достигли Ганимеда, но не смогли организовать колонию на этом холодном спутнике и чуть не погибли, но смогли вернуться на Марс. И если эти люди сумели достигнуть того, чего не смогло земное правительство со всеми своими ресурсами, выходит, они гораздо способнее, чем он думал. Однако, напомнил себе Коррелл, у них были определенные преимущества. Прежде всего, они стремились достичь этой цели, чтобы просто выжить. Пока правительство не подозревало об их существовании, они могли беспрепятственно умыкнуть у него все необходимые материалы, а также использовать новейшие открытия государственных научно-исследовательских лабораторий в своих целях.

Но теперь правительство знает о них. И в скором времени, под руководством Хжелмара, оно подготовит флот, снабдит его специальным вооружением и вышлет в качестве экспедиционного корпуса. Рано или поздно, но силы Земли сокрушат эту группу, как и любую другую, посмевавшую выступить против них. Даже так называемые супермены, со своими сверхвозможностями, долго не продержатся.

Он сказал об этом Медлане и не удивился, когда девушка стала энергично возражать.

– Мы сумеем защититься, – твердо сказала она. – Нам пришлось научиться этому.

– Но вы пытаетесь совершить невозможное, – настаивал Коррелл. – То, что вы медленнее, не единственное ваше неудобство. Вас гораздо превосходят численностью. В ваших колониях на Ганиমেде не может жить больше нескольких тысяч людей, в то время, как население Земли, Марса и Венеры насчитывает десять миллиардов.

– Вы плохо считаете, – парировала Медлана, сверкая глазами. – Мы все готовы бороться за наше дело. А те десять миллиардов, о которых вы столь многословно рассказываете, готовы ли они пожертвовать собой ради какой-нибудь цели, или убить людей, которые никогда не вредили им?

– Откуда они знают, что вы никогда им не вредили? Когда они узнают о вашем существовании, вы будете казаться им опасными и враждебными.

– Мы создали организацию, – коротко рассмеялась Медлана, – не потому, что мы опасны, а потому, что мы в опасности. В первые годы люди из нашей группы жили настолько медленно, что их по ошибке запикивали в лечебницы. Но в этом для нас нашлось и плюс, потому что персонала для таких лечебниц не хватало, и мы смогли там развиваться безо всякого вмешательства, и в конечном счете создали свою организацию. В то время это было нелегко, но как только начало было положено, в дальнейшем мы не столкнулись с серьезными проблемами.

Коррелл подумал о трудностях, с которыми, должно быть, столкнулись медленные люди, пока искали друг друга, строили планы и работали над их воплощением. Теперь ему казалось чудом то, что они вообще смогли объединиться.

– Через некоторое время, – продолжала Медлана, – мы начали изучать преимущества, которыми обладали. Одно наше десятилетие охватывало пять ваших обычных поколений. Все так стремительно пронесилось у нас перед глазами, что мы не успевали забыть уроки, которые вы нам преподавали. Например, мы увидели, что являемся лишь крайними проявлениями изменений, происходящих в обычных людях. У людей не только разная продолжительность жизни, у них различный темп жизни. По вашим собственным наблюдениям, некоторые люди мчатся по жизни и быстро сгорают, другие же едва по ней тащатся. Мы быстро поняли, что даже в рамках нашей группы темп проживания у всех различный. Некоторые жили на десятую долю медленнее, другие – на две десятых быстрее. И под влиянием ускоряющего наркотика, при одной и той же дозе одни начинают двигаться с нормальной скоростью, а другие – заметно быстрее.

– И какую пользу вам принесло это знание?

– Мы развили то, что вы могли бы назвать историческим смыслом. Мы стали отслеживать события и экстраполировать их в бу-

дущее. Наверное, вы скажете, что среди нас появились пророки. Раз существуют люди, живущие медленнее нормальных, то наверняка появятся и другие, способные развиваться в противоположном направлении. Иными словами, мы предвидели возникновение группы Р, ваших так называемых «суперменов». Мы знали, что будем не в состоянии помешать им организоваться, но очень этого не хотели. Мы были заняты, защищая себя, но смогли заранее принять некоторые меры, чтобы супермены не сильно нам навредили.

– Однако, рано или поздно, вы окажетесь перед ними беспомощными.

– Вы не осознаете их слабость, – нетерпеливо сказала Медлана. – Как ни парадоксально, она кроется в их силе – в том, что они настолько быстрее и поэтому, очевидно, сильнее нормальных людей. Люди склонны считать нас слабыми из-за нашей медлительности, и в силу этого они стали нас презирать. Но у вашего правительства с самого начала не возникло ни малейшего презрения к группе Р. Оно испугалось их и боится по-прежнему. Оно боится быстроты, с которой те действуют, оно боится скорости, с которой те размножаются. Правительство никогда не оставит в покое их колонию из-за своих страхов. Оно вынуждено предпринять шаги против них, прежде чем серьезно задумается о нас.

– Однако, поскольку группа Р выступает также и против вас... – начал было Коррелл.

– У нас с ними происходило мало столкновений, главным образом, в борьбе за ресурсы, которые и мы и они пытались заполучить у правительства...

– Более подходящим было бы слово «украсть», – вставил Коррелл.

– Возможно, это относится к ним, но не к нам, – возразила Медлана. – Мы всегда предлагали что-то в обмен. Но это не относится

к делу. Фактически, как вы знаете, они не выигрывают эту борьбу. Они не просчитывают отдаленные последствия, на что подталкивает нас наша медлительность. У них проходит десять поколений за период одного вашего, и они учатся жить настоящим моментом, полагаясь на свою быстроту и способность быстро размножаться, чтобы сохранять свой род. Из-за этой переоценки своих способностей они мало занимались научными исследованиями, не считая быстрорастущих растений, которые вы наблюдали, пока побывали у них в плену. Вместо этого они рассчитывают похищать ваших ученых и заставлять своих пленников работать на них. Но ученые, как и все остальные, плохо работают в неволе. Из-за того же высокого самомнения они не работают над созданием роботов. Естественно, первые роботы любого типа имеют массу недоделок. Наши роботы тоже поначалу были плохими. Но они двигались быстро по сравнению с нами – и это их преимущество было для нас настолько важным, что заставляло продолжать тратить на дальнейшие разработки время и ресурсы. Члены же группы Р считали себя настолько выше любых роботов, что пренебрегли ими.

– Все равно, – уперся Коррелл, – у них имеется преимущество, которое вам никогда не преодолеть.

– Вы неисправимы, – покачала головой Медлана. – Разве вы не понимаете, что роботы тоже способны быстро воспроизводиться? Прямо сейчас мы строим новый завод по выпуску роботов. Когда он будет готов, численность наших роботов станет стремительно расти. Они терраформируют Ганимед и сделают нас неуязвимыми к любым атакам.

Медлана нарисовала такую убедительную картину непобедимости своей организации именно исходя из ее слабости, что Коррелл, несмотря ни на что, почувствовал, что она его впечатлила. По крайней мере, он согласился, что ее расу будет трудно завоевать. Но со смешанными чувствами продолжил размышлять над этим.

– Согласно Арвону, – задумчиво сказал он, – вы – избранные, и стоите по моральным и прочим качествам гораздо выше обычных людей.

– Не относитесь слишком серьезно к Арвону, – усмехнулась Медлана. – Некоторые из нас выбирают этот путь из-за того, что обычные люди слишком низкого мнения о нас. Но это пройдет, когда у нас появится своя база на Ганимеде. Арвон, кажется, считает себя патриархом, и у него есть для этого определенные основания. В конце концов, ему почти триста лет.

– Но выглядит он не старше вас! – воскликнул Коррелл.

– Да, – рассмеялась Медлана. – Однако, я не чувствую себя патриархом... вернее сказать: матриархом.

Коррелл подошел к ней поближе.

– Фактически, я не могу заставить себя думать, что вы настолько старая, что могли бы оказаться моей много раз пра-пра-бабушкой, – признался он.

– А вы пробовали? – поинтересовалась Медлана.

– Неоднократно. Проблема в том, что вы не выглядите таковой.

– Расскажите же, как же я выгляжу? – задумчиво спросила она.

– К несчастью, высокие моральные принципы, о которых разглагольствовал Арвон, не позволяли девушке слушать то, что она желала бы услышать. И даже такая древняя пра-пра-бабушка, как я, иногда негодует, вместо того, чтобы чувствовать себя польщенной.

– Я попытаюсь это исправить, – раздался резкий голос.

Коррелл пораженно обернулся и увидел в дверях Арвона. Он забыл, что они с Медланой не одни на корабле.

– Медлана, – продолжал этот незванный гость, – капитан хочет немедленно обсудить с тобой доклад, который вы должны сделать Совету после приземления.

– Спасибо за то, что лично пришел сообщить мне об этом, Арвон, – улыбнулась Медлана. – Пожалуйста, развлечения мистера Коррелла, пока меня не будет. Поделись с ним толикой твоей несравненной мудрости.

Она выскочила из каюты, оставив обоих мужчин, враждебно уставившихся друг на друга. Арвон откашлялся, и Корреллу пришлось в голову, что этот человек прилагает немалые усилия, чтобы казаться вежливым. Возможно, он и был нудным, но в нем нет ничего злодейского. И еще его нельзя обвинить в том, подумал Коррелл, что он проявляет ревность, когда ему кажется, что кто-то хочет увести его девушку.

Вот только, напомнил он себе, Медлана никогда не говорила, что она его девушка.

– Скажите, вы играете в шахматы, Коррелл? – с каким-то нажимом спросил Арвон.

– В шахматы? У меня никогда не было времени, чтобы изучить эту игру.

– Обычно мы тоже не тратим время на игры, – сказал Арвон, – Но шахматы являются важным средством для развития стратегических способностей. А поскольку мы вынуждены вести непрерывную борьбу, они приобрели среди нас определенную популярность.

– Конечно, – сказал Коррелл, – мне бы тоже не мешало мыслить стратегически. Я буду рад научиться играть в шахматы, если у вас, разумеется, не найдется ничего более важного, требующего выполнения, пока мы не приземлились.

– У вас нет никаких важных дел. Но позвольте мне рассказать об игре. В нее можно играть как в уме, так и фигурами на доске. Как новичку, для вас подходит последнее. Шахматы есть тут, в шкафу. А вот как расставляются фигуры.

Коррелл внимательно смотрел и слушал.

– Это – король. Это – епископ, это – рыцарь...

Коррелл задал лишь один вопрос:

– А вам разрешается смести бородой какую-нибудь фигуру с доски?

– Нет, – резко ответил Арвон.

– Тогда я не стану ее отращивать.

Арвон злобно посмотрел на него и продолжил объяснения. Когда Корреллу показалось, что он понял, они начали игру.

Эффект замедляющего препарата постепенно слабел и, наконец, полностью прекратился, так что между ходами Арвона проходило, по меньшей мере, по полчаса.

Разница в метаболизме ставит меня в стратегически неудобное положение, подумал Коррелл. Никто не может так долго ждать и сосредотачивать внимание на игре. Таким же образом, эта разница дает Арвону преимущество с Медланой. Коррелл думал о ней, пока ждал очередного хода противника, но единственное заключение, к которому сумел прийти, состояло в том, что он должен выкинуть девушку из головы.

Разумеется, игру он проиграл. Но всегда есть возможность получить преимущества от поражения. В течение девяти часов, пока длилась игра, Коррелл прекрасно выспался, просыпаясь лишь тогда, когда пора было делать очередной ход, что он и выполнял в полусне.

Он проиграл еще раз несколько дней спустя, когда корабль пошел на посадку на Ганимеде. По окончании игры он сделал вывод, что, несмотря на все усилия быть вежливым, Арвон нравится ему не больше прежнего.

А когда они приземлились, Коррелл, взволнованный прибытием в новый мир, начисто позабыл о своем бородатом сопернике.

IX

Атмосфера была холодной и разреженной, но все же пригодной для дыхания не хуже, чем на Марсе. Однако, Ганимед, по крайней мере, та его часть, где они приземлились, ничуть не по-

ходил на Марс. Вдалеке за космодромом, где они приземлились, он увидел горную гряду, высокую, зазубренную, как на земной Луне. Здесь не было гладкой равнины, перерезанной во всех направлениях каналами и застроенной поселками, которые усеяли поверхность красной планеты.

Здесь кругом лишь скалистая пустыня, дикие горы, куда люди проникали с большими предосторожностями. Далекое холодное солнце, дававшее в десять раз меньше тепла и света, чем на Марсе, и в тридцать раз меньше, чем на Земле. И разреженный морозный воздух, хлещущий, как ледяная плеть.

И над всем этим, закрывая больше половины темного неба, нависал гигантский диск Юпитера, выпирающий по экватору, словно какой-то космический гигант сплюснул его по полюсам.

Очень трудно оторвать глаза от этой фантастической громадины в небе и трудно избавиться от чувства, что она вот-вот рухнет вниз и раздавит этих букашек, осмелившихся ползать по поверхности ее спутника. Коррелл с усилием попытался избавиться от этого чувства. Человеческая цивилизация достигла уже такого возраста, когда все суеверия умерли, когда научные представления об окружающем мире стали такими же естественными, как способность дышать. И люди больше не имели права испытывать подобные страхи.

Коррелл стоял возле корабля, из которого только что вышел, поджидая Медлану, чтобы получить от нее окончательные инструкции. Когда Медлана, наконец, появилась, она двигалась в темпе, превышавшем его собственный, должно быть, использовала ускоряющий препарат.

— Ну как, осмотрелись?

— Да. Я попытался увидеть все сразу, но здесь слишком много всего, чтобы так сразу освоиться. Вы и правда уверены, что Юпитер не упадет на нас?

– В этом я уверена, – рассмеялась девушка. – Но я не виню вас в том, что вы задали этот вопрос. Все мы, впервые попав сюда, чувствуем то же самое. Особенно, когда Юпитер восходит в тусклом свете вон из-за тех гор, и, кажется, стремглав мчится на нас. Но до сих пор он на нас не упал.

– Вы покажете мне город? Или там нет необходимости в гиде? – спросил Коррелл.

– Вам нельзя идти в город одному, – сказала Медлана. – Отсутствие бороды тут же выдаст вас, и роботы могут оказать вам нежелательное внимание.

Настала его очередь рассмеяться.

– Значит, бороды могут тут всех одурачить?

– Не так легко, как вам кажется. Борода должна иметь правильную структуру, надлежащий химический состав и так далее. Это нельзя легко подделать.

– Холодно, – сказал он, заметив, что Медлана легонько задрожала.

– У нас здесь поддерживается стабильная температура, но в моем ускоренном состоянии тепла не хватает. И мне здесь трудно дышать. Ждите здесь, я получу спецкостюмы для нас обоих.

Она вошла в небольшое здание неподалеку от корабля и вскоре вернулась с двумя модифицированными скафандрами. Они, как заметил Коррелл, не были воздухонепроницаемыми, но их было легче носить, чем обычные вакуумные скафандры, и они были достаточно теплыми, поскольку не пропускали внутрь холодный воздух Ганимеда, также к ним прилагались маленькие кислородные баллоны и дыхательные маски.

Он поблагодарил Медлану и сказал:

– Я одену его, хотя вовсе не против холода и низкого содержания кислорода.

– Я тоже, – ответила девушка, – В обычном, неускоренном, ре-

жиме мы хорошо приспособились к здешней жизни. Вы предпочитаете проехать по городу или пройти пешком? – спросила она.

– Конечно, пешком. У меня давно уже не было возможности размять ноги.

– С тех пор, как вы разыскивали меня в больнице?

– Да, кажется, с тех пор прошло столетие по вашим, или по моим меркам. Во всяком случае, хочу пройти пешком. Сила тяжести здесь такая низкая, что на это почти не понадобится усилий.

Они направились к городу. По одну сторону космодрома возвышались острые, угрожающие горы, по другую – единственное основанное на Ганимеде поселение, которое называли городом больше из лести.

Здесь не оказалось ни высоких зданий, ни озеленения улиц в виде сквериков и газонов с травой. На это ни у кого не нашлось времени. Дома были низкие, созданные из быстро твердеющего пластика. Они простирались во всех направлениях и резко обрывались через полмили от космодрома. Сразу за ними начинались скалистые холмы, которые становились все выше и выше, пока не скрывались вдалеке.

– Не думаю, чтобы этот вид понравился художникам или архитекторам, – сказала Медлана. – Мы очень спешили, когда строили город. Но в домах достаточно удобно. Впоследствии мы собираемся сделать много усовершенствований, как только заработает автоматический завод по производству роботов.

Когда они подошли к зданиям, Коррелл увидел людей.

Все они, мужчины и женщины, были не ускорены, носили легкую одежду и выглядели замороженными статуями, замершими в неустойчивых позах и очень медленно двигающимися вперед. На Земле такое зрелище показалось бы диковинным. Здесь же, в холодном свете Ганимеда, оно выглядело вполне естественным. В

здешней серой среде эти люди были уместны. А вот он, со своей быстрой походкой и речью, выглядел странно и неестественно.

Коррелл заметил нескольких роботов и обратил внимание, что они поворачивались и быстро оглядывали его, прежде чем идти дальше, очевидно, увидев рядом Медлану и поняв, что все в порядке.

– Теперь вы понимаете, почему Ганимед не могут колонизовать обычные люди? – спросила Медлана.

Коррелл кивнул.

– У нас уйдет столько времени и сил на борьбу с темнотой и холодом, что их не останется ни на что другое. – Он осмотрел свой спецкостюм. – Сделан неплохо, но слишком неуклюж, чтобы в нем работать.

– Мы приспособлены к жизни на холодных, темных планетах, так же, как группа Р приспособлена к жизни на планетах горячих и ярко освещенных, – сказала Медлана. – Думаю, именно поэтому они основали свою колонию на Венере. Но мы тоже удовлетворены. У нас нет никаких намерений покидать Ганимед в будущем. Мы всегда знаем, что делать. С одной стороны, мы собираемся построить солнечные батареи, которые помогут нам использовать слабый солнечный свет, сейчас пропадающий зря. Это увеличит наши энергозапасы. Кроме того, воздух здесь слишком разреженный даже для нас, поэтому мы намереемся вывести здесь те же бактерии, которые люди так эффективно использовали на Марсе, для высвобождения кислорода из железных окислов в почве и увеличения его содержания в атмосфере. Мы также хотим акклиматизировать здесь некоторые кормовые растения.

– Вы запланировали все это, – с невольным уважением сказал Коррелл. – И я думаю, скоро вы начнете копать рудники для добычи металлов...

– Скоро? – перебила его Медлана. – Да мы начали копать шах-

ты с того самого дня, как только построили здесь первые здания. Как вы думаете, где мы нашли руды, которые хотели обменять у вас на товары, как не здесь? Мы добыли здесь полезные ископаемые, каких никогда не видели на Земле и Марсе.

– Я готов согласиться, вы преуспели и у вас замечательные планы. Но почему вы полагаете, что вам разрешат воплотить эти планы?

– Хотела бы я знать, что может нас остановить! – вспыхнула Медлана.

– С одной стороны, правительства Земли, Марса и Венеры, правительства обычных людей, которые видят в вас угрозу, необоснованную, по вашему мнению, но, тем не менее, угрозу их существованию. С другой стороны, Паппас и его группа Р, которые считают себя выше вас и думают, что вы стоите у них на пути.

– Мы уже говорили об этом, – сухо сказала Медлана.

– Но вы по-прежнему не убедили меня, – возразил Коррелл.

– И как, по-вашему, группа Р доберется сюда, больше чем через четыреста миллионов миль пространства? Им нужно в сто раз больше еды и кислорода, чем нам.

– Они не глупее вас, – настаивал Коррелл. – Они быстро научатся выращивать растения на космических кораблях, плюс некоторые морские водоросли. Эти же растения смогут восстанавливать запасы кислорода. На все это потребуется несколько больше топлива, но они с этим справятся. Рано или поздно, они со всем этим справятся.

– Ну, предположим, они доберутся сюда, – сказала Медлана. – И что потом? Вы считаете, они смогут жить при такой низкой температуре? Куда бы они ни пошли, проблемы с продовольствием и воздухом станут преследовать их. Это у вас беспочвенные страхи. Они никогда не появятся здесь...

Внезапно из здания неподалеку выбежал человек. Он был бо-

родат, как и все мужчины на Ганимеде, не считая Коррелла, но мчался так, как никто на Ганимеде еще не бегал. Он пронесся по улице, огибая почти неподвижные статуи прохожих, в таком темпе, что у Коррелла зарябило в глазах. За ним, почти с такой же скоростью, спешили два робота.

Человек без остановки достиг конца улицы, направился к холму и исчез на его вершине. Роботы не отставали.

Лицо Медланы побледнело, когда она обменялась с Корреллом взглядами.

– Никогда здесь не появятся? – с иронией уточнил Коррелл.

– Мы не знаем, что произошло, – сказала Медлана.

После короткого ожидания к ним подошли Арвон и капитан, сопровождаемые двумя серьезными мужчинами. Все двигались в быстром темпе. Наверное, они услышали, что произошло, подумал Коррелл, и желали узнать побольше, поэтому воспользовались ускоряющим препаратом.

– Роботы оповестили нас, когда начали преследование, – сказал Арвон. – Он не сбежит.

На вершине холма вновь появились роботы. Один из них нес тело беглеца. Коррелл и остальные направились им навстречу.

Когда они подошли, заговорил робот, несущий тело. Его голос оказался неестественно высок, почти что женский тенор. Его тембр, подумал Коррелл, специально настроен так, чтобы быть максимально энергичным и одновременно понятным.

– Мы не останавливали его, – сказал робот. – Он остановился сам. Он упал.

Человек на его руках был не мертв, но без сознания. Коррелл видел, как вздымалась и опадала его грудь, поскольку легкие старались как можно больше захватить разреженного воздуха Ганимеда.

Взглянув на него, капитан побледнел.

– Это один из членов нашей команды, – пробормотал он.

Коррелл при этом подумал, что сам он едва бы сумел отличить одного бородатого космонавта от другого. Но, вероятно, это было всего лишь вопросом практики.

– Я могу поклясться, что он один из нас, – продолжал капитан. – У меня нет ни малейших сомнений.

– Он не ел и не дышал быстрее, чем нормальный? – спросила Медлана.

– Я ничего такого не замечал. Помню, что использовал его на чрезвычайных рабочих постах, поскольку он вызывался добровольно.

– Он не предпринимал попыток саботажа? – спросил Арвон.

– Ни малейших. Он делал все, как полагалось.

– Чрезвычайные рабочие места обрабатываются ускоряющим препаратом, – сказала Корреллу Медлана. – Это облегчало ему маршарад.

Капитан кивнул.

– А поскольку он находился под действием препарата, трудно было сказать, насколько быстро он двигался. Без специальных замеров мы все равно бы не поняли, двигается он в десять раз быстрее нашей обычной скорости или в тридцать.

Подошел один из сопровождающих, должно быть доктор. Робот уложил мужчину на землю. Врач опустился на колени и ввел что-то в вену лежащего без сознания человека. Тот пошевелился и слабо протонал, но глаза не открыл.

– Боюсь, мы опоздали, – с сожалением диагностировал доктор.

Они подождали, но сознание к беглецу не вернулось. Через пятнадцать минут он умер, и роботы унесли тело.

– Это означает, – с тревогой сказал Арвон, – что впредь мы должны принимать во внимание возможность появления шпионов.

– И вероятность вторжения, – мрачно добавил капитан.

Медлана медленно покачала головой. Красивая девушка, но упрямая, подумал при этом Коррелл.

— Я признаю, — сказала Медлана, — что существуют опасности, которые мы упустили. Сюда этот шпион добрался, но здесь он долго не протянул. В известном смысле, этот инцидент должен нас обнадежить. Какие бы ошибки мы не совершали, но можем быть уверены, что климат Ганимеда не слишком-то подходит для членов группы Р.

— Так же, как вы были уверены, что сюда никто из них вообще не сумеет добраться, — заметил Коррелл.

Остальные согласно кивнули, отрезвленные разрушением их иллюзий.

X

Через два дня, когда Коррелл снова увидел Медлану, он находился под действием замедляющего препарата, в то время, как она жила в своем естественном темпе. К этому времени его стала раздражать невозможность общаться с людьми, живущими в разных темпах, он ощущал себя чужаком, и от этого возникло напряжение, которое эти люди, должно быть, постоянно испытывали на Земле.

Но, в присутствии Медланы, значительная часть напряжения исчезала. Общаюсь с ней, он старался забыть, что они принадлежат к различным человеческим расам, и пытался думать только о том, что она красивая девушка, в которую он влюбился.

Однако, сама Медлана предпочитала разговаривать только о нейтральных вещах. Поэтому Коррелл попросил, чтобы она показала ему то, что они гордо именовали больницей. Это было обычное для Ганимеда низкое строение, несколько длиннее и шире окружающих. В больнице имелось два отделения с парой дюжин кроватей в каждом. В одном из отделений, или палат, находились

пациенты, болеющие более-менее обычными заболеваниями или пострадавшие в результате несчастных случаев, и оно было ему менее интересно. А вот другое отделение содержало десять пациентов в коматозном состоянии.

Медлана с удивлением заметила, что Коррелл был потрясен, увидев их. В самих пациентах, казалось, не нашлось ничего необычного. Они просто лежали на кроватях, возле каждой стоял аппарат для внутривенного искусственного питания. Лица больных совершенно расслаблены, как будто они спят глубоким сном. Или мертвы.

– Что-то не так? – тихонько спросила Медлана. – Не думала, что вы такой впечатлительный...

– Не в этом дело. – Он обвел рукой палату. – Все это напоминает мне о матери. Она уже дольше восьми лет в коме.

– И для нее ничего не могут сделать? – все так же тихо поинтересовалась девушка. – Извините, зря я спросила. Я знаю, что поделать ничего нельзя. – Она придвинулась к нему поближе. – Простите, что привела вас сюда.

Коррелл покачал головой.

– Все в порядке. Всего лишь секундный шок. Внезапно все это напомнило мне, что я давно не вспоминал о ней. Итак, вы тоже пытаетесь это лечить?

– Возможно, мы находимся ближе к успеху, чем ваши марсианские доктора со всем их оборудованием. И кажется, нам удалось излечить одного пациента, хотя пока что мы не смогли добиться успехов с другими.

– Но как вы думаете, какова причина этой комы? – спросил Коррелл. – Случаи того, что называют «сонной болезнью» были известны еще столетия назад, даже тысячелетия...

– Причин мы не знаем, – задумчиво ответила Медлана. – Обычно, «сонная болезнь» сопровождается параличом и прекращением функционирования определенных участков мозга. Симптомы

– потеря сознания и значительное снижение метаболизма. Поэтому мы так ею заинтересовались. Если мы доберемся до первопричины этого заболевания, то сможем не только лечить этот тип комы, но и сможем создать новые ускоряющие и замедляющие темп жизни препараты.

– Слишком много тут «если».

– Мы считаем, что уже знаем некоторые ответы. Если метаболизм ускорен или замедлен во всем организме, у нас появляются люди, которые реагируют на все быстрее или медленнее обычных. Если такие изменения стабильны, можно говорить о новом типе людей. Но если появляется слишком большая разница в скорости метаболизма между различными частями тела, как в случаях неправильной работы щитовидной железы или общих гормональных нарушений, мы получаем тяжелую болезнь. И мы убеждены, что эта кома наступает в результате серьезных дисгармоний метаболизма.

– Давайте возьмем конкретный пример, – предложил Коррелл.

– У ваших мужчин роскошные бороды, потому что, если верить Арвону, волосы у вас растут с обычной скоростью, в то время, как остальной метаболизм замедлен. Это не вызывает никакого шока?

– Скорость роста волос не важна для функционирования тела, – возразила Медлана. – Но если метаболизм сердца замедляется в десять раз, в то время, как легкие функционируют с прежней скоростью, вот тут возникают проблемы. Если эти изменения происходят в начале жизни, когда органы растут, быстро следует смерть. Если же это начинается позже, то возникает то, что врачи называют «дисфункцией», наряду с другими неприятными последствиями.

– И как вы думаете, что вызывает все это?

– Мы не можем пока этого утверждать, но полагаем, что причина связана с огромными напряжениями всего организма во время межпланетных путешествий. Сюда входит пребывание в неве-

сомости и жизнь на планете с более низким тяготением. И если сочетать такие напряжения с изменениями окружающей температуры, космической радиации, состава атмосферы, продуктов, выращенных при иных условиях, и так далее, то все это и вызывает гормональные изменения в человеческом теле. Мы считаем, что все наши случаи развивались на Марсе или, в меньшей степени, на Венере, и появлялись они у людей, значительное время проживших на Марсе или Венере, а затем перелетевших на другую планету.

Коррелл молча стоял, обдумывая не столько сами ее слова, сколько то, что крылось за ними. Впервые ему показалось, что появилась возможность вылечить мать. Впервые появилась надежда, что мать снова могла бы стать живым существом, не спящим беспробудно, а в полной мере наслаждающимся жизнью. И впервые через столько лет она смогла бы увидеть его и узнать в нем своего сына.

– Если бы можно было объединить то, что знаете вы, с тем, что узнали на Марсе, плюс то, что изучила группа Р, – хрипло сказал Коррелл, – то уже сейчас возможно нашлись бы методы лечения.

– Пожалуй, – согласилась Медлана. – Но, к сожалению, это невозможно сделать прямо сейчас. Что же касается группы Р... Не думаю, что они располагают какой-нибудь ценной информацией.

– Вы опять недооцениваете их, – сказал Коррелл. – Вы постоянно их недооцениваете. Если они смогли заслать сюда шпиона, что невероятно трудно для них, то они наверняка должны знать больше, чем вы предполагаете. И у них наверняка есть ваши замедляющие и ускоряющие темп жизни препараты.

Медлана немного подумала.

– Боюсь, это так, – признала она. – Я также, не спорю, что появления их шпиона стало для нас шоком. Не было никаких при-

чин подозревать этого человека, и мы по-прежнему не знаем, как он внедрился к нам. Мы проследили, насколько это возможно, все его действия в прошлом, и там не за что зацепиться. Или он невероятно ловко замечает следы, или нам нужно еще многому научиться. В любом случае, я считаю невероятным, что он прожил среди нас несколько лет.

– У них могут быть препараты лучшего качества, – заметил Коррелл, – более длительного воздействия и менее токсичные.

– Возможно. Во всяком случае, этот человек прилетел с нами с Земли, и мы попробуем отследить его действия там. К сожалению, теперь, когда земное правительство знает о нас, работать там будет труднее. Нам придется поменять все базы, включая и ту, которую вы посетили. Но мы быстро приспособимся к новой ситуации.

– А группа Р?

– У них такие же проблемы. Их колония на Венере была слишком доступна и теперь наверняка разгромлена. И у них нет такого места для отступления, как наша колония на Ганиমেде. – Она вздохнула. – Разве не печально, что нам приходится бороться друг с другом просто из-за различий в метаболизме? Давайте забудем об этом. Хотите посмотреть одну из наших шахт?

Не дожидаясь ответа, Медлана потащила его за собой. На них теперь были другие спецкомбинезоны, потому что, при пониженном метаболизме, им не требовались кислородные баллоны. И Коррелл, несмотря на разреженный, холодный воздух, чувствовал себя хорошо.

Снаружи громада Юпитера ползла по небу еле уловимо для его замедленных глаз, а вокруг нее роилось с полдюжины других спутников гиганта. Шахты располагались в часе ходьбы, хотя, в замедленном темпе, им потребовалось почти десять часов. За это

время Юпитер успел сделать полный оборот и вскоре должен был снова взойти над горизонтом.

Они шли быстро – быстро для замедленных людей, напомнил себе Коррелл, восторгаясь легкостью в собственном теле. Пока они шли, Медлана показывала особенности пейзажа. Вокруг было очень много скалистых пиков, и Коррелл вначале подумал, что будет трудно отличить один от другого. Но вскоре заметил, что тот пик, который они использовали в качестве ориентира, находится слева от тройного пика и несколько выше своих ближайших соседей. Тени ползали вокруг них, как живые существа, поскольку Ганимед и другие спутники Юпитера неслись по своим орбитам, но не было никаких признаков настоящей органической жизни. Никаких растений, деревьев или травы, покрывающей скалы, чтобы разнообразить пейзаж.

Коррелл спросил об этом Медлану, и она покачала головой.

– На Ганимеди нет никаких диких животных. Мы пытаемся вырастить на склоне растения, но им трудно выжить при таком слабом солнечном свете.

– Этот мир выглядит печально, – задумался Коррелл. – Он похож на жертву глобальной катастрофы.

– Впоследствии мы изменим его, – с уверенностью сказала Медлана. – У нас в колонии растут съедобные растения. Как только мы будем уверены в собственной безопасности, то завезем сюда необходимые растения и животных и превратим Ганимед в цветущий сад.

И наконец, плохо передаваясь по разреженному воздуху, впереди возник ровный гул горнодобывающих механизмов. А, поднявшись на очередную вершину, Коррелл увидел вход в шахту.

Шахта уходила в гору под углом и на протяжении ста футов тянулась прямо, прежде чем начала закручиваться спиралью. Шагая следом за Медланой, Коррелл отметил, что потолок здесь не подпирался деревянными столбами. Это и понятно. На Ганимеди

лес был редким и дорогим материалом. Его надо везти на космических кораблях через сотни миллионов миль межпланетного пространства, что вообще вряд способно окупиться. Но здесь в дереве нет необходимости. В люминисцентном свете факела, который держала Медлана, потолок и стены шахты сверкали, точно драгоценные камни, и Коррелл увидел, что они залиты каким-то гладким, полупрозрачным материалом.

– Когда мы рыли шахту, то просто плавилы скалу и превращали ее в стекло, – объяснила Медлана.

По мере того, как они спускались, гул машин становился все громче, и, наконец, они оказались в самой шахте.

Все работы здесь полностью автоматизировались. Не было видно даже роботов, чтобы управлять механизмами. Бурение производилось сверлами из твердого сплава, гораздо прочнее и эффективнее, чем алмазные наконечники. Они врезались в скалу, как в масло, и каменные обломки уносились вглубь туннеля потоком сжатого воздуха.

– У шахты есть выход с другой стороны горы, – пояснила Медлана. – Там очищается руда.

– На обогащающем заводе есть на что посмотреть? – спросил Коррелл.

Медлана рассмеялась.

– Там можно увидеть конечный продукт – мерцающие бруски металла, чистые и с изотопным клеймом. Но ни огня, ни жары там нет. В отличие от химического процесса мы используем полностью электромагнитный способ, так что нет нужды плавить металл, чтобы отделить его от шлаков.

– Я думал, у вас здесь используют роботов.

– Так и есть. Они присматривают за работами и при надобности ремонтируют оборудование.

– А если что-то происходит с самими роботами?

– Это случается не часто. Но если все же происходит, они подают автоматический аварийный радиосигнал, и мы сразу же посылаем помощь.

– Тут все слишком эффективно, – пробормотал Коррелл. – А чем более эффективно, тем менее интересно.

Медлана задержалась с ответом. Повернувшись к ней, Коррелл увидел, что черты ее лица застыли, почти превратившись в маску. И тут же он все понял. Это не она изменилась, а он сам. Замедляющий препарат внезапно перестал действовать, и Коррелл возвращался к нормальному темпу жизни.

Медлана что-то продолжала говорить, но ее голос звучал так замедленно, что слова невозможно было понять.

А гул механизмов звучал, как и прежде. Интересно, подумал Коррелл. Очевидно, звуковые рецепторы в ушах не затрагивали изменения метаболизма, по крайней мере, для звуковых волн среднего диапазона, иначе шум бы изменился.

И внезапно раздался другой звук, резкий и острый, как лезвие ножа. Коррелл обернулся. Залитый стеклом потолок неожиданно раскололся, трещина стала расширяться буквально на глазах, и прямо на него полетели обломки скалы. Коррелл машинально отпрыгнул назад, чтобы выбраться из-под обвала. Потолок стал оседать с угрожающим ревом. Камень ударил его в плечо, другой цапнул по лицу.

– Медлана! – закричал он.

Туннель между ними был уже завален. Камнепад произошел настолько быстро, что, при своей медленной скорости, она никак не могла увернуться от него. Коррелл закричал изо всех сил, но она не могла его услышать.

Охваченный страхом за девушку, он включил портативную рацию.

– Медлана, вы меня слышите? Не двигайтесь с места, я доберусь до вас!

Камнепад прекратился. Коррелл принялся хватать упавшие куски и отбрасывать их в туннель позади себя. Громадные валуны, которые он никогда бы не смог поднять на Земле, здесь, на Ганимеде, он легко швырял одной рукой.

Если бы только я мог позвать на помощь роботов, подумал он, лихорадочно разбирая завал.

Но роботы не знали об аварии. Работы в неповрежденной части туннеля продолжались, а роботы не обращали внимания на тревогу, которая не мешала добыче руды, и занимались своими делами.

Разгребая рухнувшие камни, Коррелл вдруг почувствовал удущье. При теперешнем темпе ему стало не хватать разреженного воздуха Ганимеда. Он открыл кислородный баллончик, сделал глубокий вдох и продолжил разбор.

Работая, Коррелл напряженно вслушивался, ожидая ответа от Медланы. И когда услышал ее короткий вздох, то сердце подпрыгнуло от радости. Потом раздался ее голос, всего лишь слог, медленный, тягучий, но явно означавший начало слова: «Помогите!» Вот только он совсем не походил на голос Медланы, слишком грубой, слишком низкий...

И внезапно он понял. Это вообще не ее голос. Он случайно настроился на какого-то другого колониста. «Помогите...» – раздалось снова, а затем длинный шипящий звук: «Шшшшш-пион...».

Коррелл выключил рацию. Что бы там ни происходило, он должен спасти Медлану.

Через какое-то время, проделав в оползне проход, он смог разглядеть ее, неподвижно лежащую на земле, и удвоил усилия.

А откинув последние камни, загоразживавшие проход, Коррелл в ужас застыл. На спине Медланы громоздился серый валун. Если он упал прямо на нее, если у нее сломан позвоночник...

Затем Коррелл почувствовал, как волосы у него встают дыбом. Потому что валун шевельнулся. Он медленно пополз по телу Медланы, как невероятно вялая улитка. Это оказался вообще не камень, а живое существо!

Поскольку здесь не существовало необходимости в оружии, у Коррелла, как и у остальных жителей Ганимеда, его не было.

Он злобно пнул серую массу и зашипел от боли, ушибив палец на ноге. Даже если эту штука и была живой, она оказалась твердой, как камень. Он снова пнул ее, на сей раз осторожнее, и она покатилась вниз по туннелю, где по-прежнему двигался конвейер с рудой.

Очевидно, в существе было много металла, потому что к нему тут же протянулись два рычага со сверлами на концах. Коррелл услышал жужжание сверл, и секунду спустя каменный монстр разлетелся на куски, а сверла вернулись к естественной жиле.

Коррелл бережно поднял Медлану и понес к выходу из туннеля. Выйдя на открытый воздух, он положил ее на землю.

Трудно было сказать, дышит она или нет, но пока Коррелл смотрел на девушку, она с невероятной медлительностью открыла глаза, и он чуть не зарыдал от облегчения.

Рука Медланы медленно потянулась в карман спецкомбинезона, затем ко рту. А через секунду она вдруг села.

– Ускоряющий препарат? – спросил Коррелл.

Медлана кивнула.

– Мы всегда держим его под рукой для чрезвычайных ситуаций. Но все случилось так быстро, что я просто не успела.

– У вас что-нибудь болит?

Она секунду подумала.

– Я ощущаю многочисленные ушибы. Но, думаю, костюм в какой-то степени защитил меня.

– Мне нужно доставить вас в колонию. Очень удачно, что на

Ганимеде такая низкая сила тяжести, потому что мне придется вас нести.

– О, нет, я могу идти сама! – воскликнула Медлана, но, когда поднялась, то пошатнулась и чуть не упала.

Коррелл подхватил ее и поцеловал.

– Вы пользуетесь своим положением, – сказала она. – Вы же знаете, что сейчас я не в силах сопротивляться.

– Это серьезное обвинение, – усмехнулся Коррелл.

– Что вызвало камнепад?

– Почему вы сменили тему? – спросил он.

– Потому что я хочу, чтобы вы смотрели себе под ноги, – ответила она. – Такие завалы случались и раньше, но прежде никогда поблизости не было людей. И я не могу понять, что разбивает стекло потолка.

– А я теперь могу. – Он рассказал об увиденном существе и, когда девушка содрогнулась, добавил: – Похоже, это нечто состоит из металлических силикатов и лишь незначительно более живое, чем скалы, в которых оно обитает. Вероятно, чудовище, прорываясь сквозь скалу, наткнулось на стекло потолка и пробило его.

– Но мы думали, что на Ганимеде нет никакой жизни.

– Вы могли бы назвать его полуживым.

– Он чуть не убил меня. Я не могла дышать. Если бы в этот момент я находилась под действием ускоряющего препарата, то задохнулась бы прежде, чем вы добрались до меня.

– Я попытался вызвать вас по рации, и внезапно услышал еще одну просьбу о помощи.

И Коррелл рассказал ей о том, что услышал. Лицо Медланы помрачнело.

– Еще один шпион. А мы были уверены, что они не смогут добраться до нас.

– Может, это ложная тревога.

– Надеюсь, что так. – Коррелл оступился, и Медлана продолжала: – Даже на Ганимеде я не настолько легкая, чтобы вы несли меня всю дорогу. Опустите меня. Я уже чувствую себя достаточно хорошо, чтобы идти самой, и тогда мы быстрее доберемся до города.

Он еще раз поцеловал ее и поставил на землю. Сперва у нее были проблемы с равновесием, но Коррелл обнял ее за плечи, и она пошла ровнее.

Не прошло и часа, как они добрались до колонии, где нашли Арвона и его группу сильно взволнованными.

XI

– Медлана! – закричал Арвон. – Где ты была?

– В шахте. Кто звал на помощь?

– Я звал. Я нашел шпиона, но он вырубил меня и сбежал. – Арвон бросил на нее негодующий взгляд и добавил: – Но мы вскоре поймем его. Все его ищут.

– Вы так думаете? – с любопытством спросил Коррелл.

– Все очень просто. Возможно, он научился двигаться медленно, но он не может управлять темпом дыхания. Мы станем искать человека, который дышит быстро...

– И наткнетесь на кого-нибудь, кто пользуется ускоряющим препаратом, как и вы. А шпион в это время может использовать замедляющий препарат.

– С этим мы справимся, – усмехнулся Арвон. – У нас есть нейтритализатор, который начинает действовать через пять минут. Мы станем вводить его подозреваемым, а затем проверять, как они дышат.

– У вас есть мысли насчет того, где может скрываться шпион, – спросила Медлана, – или вы собираетесь проверять всю колонию?

– Я понятия не имею, где он, – признался Арвон. – Но проверка в любом случае не займет много времени. Я организую для этого дюжину команд.

Он стал проверять весь персонал колонии по списку. Человек, имя которого называли, выходил вперед и вставал в шеренгу. Когда в шеренге стало пятьдесят человек, начали формировать новую, а в это время медсестра быстро сделала всем уколы нейтритализатора. Через пять минут всем была дана команда «не дышать».

Люди вдохнули воздух и замерли. В течение пяти минут никто не сделал ни вдоха. Еще пять минут, но никто из стоящих не посинел от удушья.

– Проверено, – коротко объявил Арвон. – Следующая шеренга.

Остальные команды работали так же быстро и слаженно. Через несколько часов Арвон сказал:

– Проверены все, кроме человека по имени Мэтью Ларкин. Он не отозвался на свое имя.

– Здесь негде спрятаться, – сказала Медлана.

– В колонии – да, – согласился Арвон. – А если он попытается скрыться в горах, то станет голодать, замерзать и задохнется от недостатка кислорода.

– Но все же он будет скрываться, пока не закончится проверка, а затем смешается с остальными. Ваши бороды – прекрасная маскировка. И я уверен, что у него настоящая борода, а не фальшивка, иначе он не сумел бы продержаться так долго.

Арвон, которого почему-то задевали рассуждения о бородах, холодно произнес:

– Мы следим за дорогой в горы.

– Но, предположим, он вообще не побежал туда. Будь я на его месте, то предпочел бы остаться в колонии.

– Здесь негде укрыться.

– Негде? А завод по производству роботов? Он мог бы притвориться роботом.

– Не мелите чепуху, – ответил Арвон. – Мы в долю секунды обнаружим разницу между металлом и плотью и кровью.

– Конечно. Если подумаете об этом. Но до сих пор вы об этом не думали.

– Хорошо, мы проверим завод. Вы можете предложить какие-нибудь другие укрытия?

– Еще одно. Идите за мной.

Коррелл повел их в больницу, где пересчитал пациентов в одном отделении, и глаза его торжествующе заблестели.

– Мне кажется, – негромко сказал он, – вас можно поздравить с еще одним случаем комы.

Пока Арвон ошарашенно мигал, с одной из кроватей вскочил бородатый человек и выскочил из палаты, направляясь к запасному выходу. Бежал он не сверхбыстро, а со скоростью нормального человека.

Все трое побежали за ним. Когда они очутились на открытом воздухе, то увидели продолжение борьбы.

Коррелл зачарованно смотрел на открывшееся им зрелище. Это была та же самая неравная драка, подобную которой он наблюдал между Паппасом и тремя пленниками группы Р.

Дюжина членов колонии загнала беглеца в угол. Но они двигались слишком медленно, чтобы нанести ему урон. Пока один из них поднимал руку, беглец промчался мимо, по пути ударив нападавшего в живот и в челюсть. Все это произошло настолько быстро, что первый еще не успел упасть, как беглец напал на следующего. Они беспомощны, подумал Коррелл, им никогда не поймать его. Даже если они воспользуются ускоряющим препаратом, чтобы сравняться с ним в быстроте, он продолжит играть с ними в прятки среди массы медленных колонистов.

А затем появились два робота, и погоня изменила характер. Роботы двигались с нечеловеческой пластикой и быстротой. Они не столкнулись ни с кем их людей, окруживших беглеца, а проскользнули мимо них. За несколько секунд они загнали шпиона в угол. Он попытался проскользнуть в само здание, но стальные пальцы сомкнулись вокруг его запястий.

Погоня закончилась.

Пока беглец все еще пытался отдышаться, к нему подошел Арвон.

– С вашей стороны, глупо думать, что вы могли убежать. А теперь отвечайте! Кто послал вас сюда?

– Никто, – тяжело дыша, ответил пойманный.

– И мы должны этому поверить? Вы – шпион, и кому-то должны докладывать о своих действиях. Кто ваши сообщники?

– Я не шпион. Нет у меня никаких сообщников.

– Тогда как вы попали сюда?

Человек облизнул губы.

– Я родился на Марсе и жил там нормально, но когда полетел на Землю на грузовом корабле, то начались проблемы. Возможно, виновата сила тяжести или воздух, к которым я не сумел привыкнуть. Но все вокруг стало слишком быстрым для меня. И тогда я встретил парня, который сказал, что знает людей, с которыми мне будет хорошо. Он сказал, что я могу жить и работать с ними, если захочу.

– Вы хотите сказать, что вас нанял один из наших агентов?

– Да не знаю я, кем он был. Он привел меня в отель, в обычный отель, и дал там работу. Позже он узнал, что у меня имеется опыт работы в космосе, и сказал, что может устроить меня на космический корабль. На нем я и прилетел сюда.

– Вам придется придумать сказочку поубедительнее, – покачал головой Арвон. – Ваша история не имеет смысла.

– Но это правда!

– Вы говорите, что вас наняли, потому что один из наших агентов подумал, что вы немного медленнее, чем обычные люди, и решил, что по это причине вы нам подходите. Но вы никогда бы не попали на наш космический корабль. Там работают только наши люди, а не те, кого мы нанимаем.

Беглец молчал.

– Как вы украли наш препарат? – спросила Медлана.

– Ничего я не крал! Я нашел... я хочу сказать, его дал мне тот парень.

– Говорите правду, – сурово сказал Арвон. – Так будет проще, вы все равно запутались во лжи.

– Я говорю правду, – угрюмо повторил беглец. – Если не верите мне – это ваше дело. Но больше мне нечего добавить.

– Мы займемся вами попозже, – сказал Арвон и повернулся к роботам. – Уведите его и охраняйте.

– Станный какой-то шпион, – сказал Коррелл, когда роботы увели беглеца. – Я склонен думать, что Хжелмар мог бы добиться больших успехов.

– Мне кажется, это вообще не шпион, – сказала Медлана. – Он больше похож на неудачника, который решил, что нашел людей еще более медлительных и тупых, чем он сам, и посчитал, что у него всегда будет преимущество над ними.

– Вот только непонятно, – задумчиво сказал Арвон, – как он вообще смог сюда добраться. Ты понимаешь, Медлана, их оказалось двое на одном корабле. Выходит, наша бдительность слишком слаба, а учет вообще никакой. Этих двоих обязаны были обнаружить хотя бы по количеству еды, которую они потребляли на борту корабля. Они, со своим более высоким метаболизмом, должны есть в десять раз больше любого из нас. И все же их подвиги остались незамеченными.

– Возможно, они ели дополнительный паек тайком, – предположил Коррелл.

– Так или иначе, их должны были раскрыть. И совершенно случайно, – добавил Арвон, – это затрагивает совсем другой вопрос. О вашем собственном положении, Коррелл. Вы жили здесь, как привилегированный человек, и, по-моему, совсем забыли, что вы заключенный.

– Все благодаря вашей собственной доброте, Арвон. Я никогда не забуду, как вы преподавали мне стратегию.

– Я серьезен, Коррелл, и советую вам вести себя так же. На Ганимеде вам предоставили свободу, и я начинаю задаваться вопросом, простое ли совпадение то, что, после вашего прибытия сюда, мы обнаружили среди нас шпионов?

– Вы забываете, что ваши люди сами похитили меня и привезли сюда.

– А я начинаю задаваться вопросом, не вы ли подстроили свое похищение. Возможно, вы рассчитывали разыскать нас и просчитали наши действия.

– Вы мне льстите. А я полагаю, вы просто недооцениваете моего друга Хжелмара. Если уж я смог определить ваше местоположение, то уж его агенты в состоянии сделать то же самое. И если вообще был шпион, относительно чего я сомневаюсь, то это ваш человек.

– Я считаю так же, – мрачно согласился Арвон. – И я так же не сомневаюсь, что именно вы помогли ему. Случайно, пока вы отсутствовали, мы получили еще одно послание от вашего друга Хжелмара. Это предупреждение, что наше местоположение раскрыто и что к нам уже направилась эскадра, так что он советует сдаться.

– Ну, у Хжелмара есть привычка строить беспочвенные предположения, – улыбнулся Коррелл.

– Он действительно кажется слишком шустрым. Пока я слушал его, то подумал, уж не собирается ли он лично лететь, чтобы заставить нас сдать, и, словно прочитав мои мысли через сотни миллионов миль космоса, он сообщает, что именно это и намеревается сделать.

– Хжелмар не хвастает попусту.

– Наше положение здесь становится все серьезнее с каждым днем, – вмешалась Медлана. – Я уже обдумываю, не лучше ли нам вообще улететь с Ганимеда.

Арвон покачал головой и вызывающе вздернул бороду.

– Нет, моя дорогая Медлана, нигде нет лучшего места для нас. Произошедшее просто подчеркивает необходимость повышать нашу обороноспособность. Если Хжелмар в самом деле пошлет сюда корабли, они будут слишком перегружены необходимыми припасами, так что неминуемо окажутся ослаблены в военном отношении. У нас есть перед ними преимущества.

– Особенно после того, как будет запущен завод по производству роботов, – добавила Медлана.

– И это время уже близко, – сказал Арвон. – Не случайно ведь, Коррелл, именно этот завод вам не разрешили осмотреть.

– И вы всегда так осторожны, Арвон? – вежливо спросил Коррелл. – Мне кажется, у двух ваших так называемых шпионов свобода передвижения была гораздо ощутимей, чем у меня. Вы и вправду уверены, что они не побывали на заводе по производству роботов?

Лицо Арвона выше каштановой бороды заметно побледнело.

– Там все в порядке, – сказал он. – Ничего не может случиться... – Его прервал сигнал висевшего на стене телефона.

– У вас отличные способности, – негромко сказал Коррелл после того, как Арвон кончил говорить в трубку, – запирайте дверь после того, как лошадь украдена. Я надеюсь, что лошадь все еще там, но если те мужчины и в самом деле оказались шпионами, то я в этом очень сомневаюсь.

Арвон выругался самыми грубыми и неподобающими про- року словами и выбежал из комнаты.

– Но вы же на самом деле не считаете, будто что-то произошло... – начала было Медлана.

– Ради вас, я надеюсь на это, – перебил ее Коррелл.

Раздался сигнал тревоги. Коррелл посмотрел на девушку и сказал:

– Кажется, я все-таки прав. Лошадь украдена.

XII

Они отыскивали Арвона, раздающим распоряжения, неподалеку от завода роботов.

– Что случилось? – спросила Медлана.

– Ничего особенного, за исключением того, что выведены из строя электронные вентили, и производство роботов не может быть запущено, пока их не заменят.

– Сломаны? – переспросил Коррелл. – Вы уверены, что поломанные детали нельзя отремонтировать?

– Ни в чем я не уверен. Я не нашел поломанных вентиляей. Они просто исчезли.

– Украдены, – поправил его Коррелл.

– А почему вы так уверены, что вентили не сломаны?

– Потому что их взял вор, а воры крадут, чтобы получить прибыль.

– Отлично, – мрачно сказал Арвон. – Тогда он скажет нам правду.

– Как?

– Мы заставим его сказать.

– Угрозами? Он станет все отрицать. Попытками? Но вы не палачи и не знаете, с чего начать. Психологическим давлением? Пре- восходно, если среди вас есть хорошие психологи.

– Нет у нас психологов, – проворчал Арвон.
– Тогда я предлагаю свой способ, – сказал Коррелл, думая, что это его шанс доказать Медлане, что он ей друг.

– Какой же?

– Пусть вор ловит вора. Я добровольно вызываюсь сыграть этого второго вора.

Немного спустя он уже стоял под окном здания, куда поместили заключенного. Коррелл тихонько постучал по стене.

– Кто там? – донесся изнутри хриплый голос.

– Тссс! Я хочу поговорить с вами.

– Кто вы? – уже шепотом спросил голос.

– Это неважно, но у меня к вам дельце. Мне нужны вентили, которые вы умыкнули.

Короткая пауза.

– Что? Я не знаю, о чем вы говорите.

– Не валяйте дурака. Я говорю об электронных вентилях. Я хочу их купить.

– Нет у меня никаких вентиляй.

– Я знаю, что у вас нет их с собой, но Арвон все равно заставить вас рассказать, куда вы их спрятали. Он выбьет их из вас... если вы не продадите их мне.

– Я не... сколько?

– Так уже лучше. Десять кредитов за вентиль. Мне нужна вся партия.

– Десять? Да они стоят сотню!

– Но не пока вы сидите в тюрьме. Решайте. Десятую часть или ничего. И не думайте, что сможете заполучить кредиты, а затем одурачить меня. Только попробуйте, я тут же направлю на вас Арвона, и это будет уже не весело.

– Покажите деньги!

– А сколько у вас клапанов?

– Тысяча. Они крошечные и не занимают много места. Но я не скажу вам, где они, пока вы не заплатите.

Коррелл передал через окно десять тысяч кредитов.

– Ну, где они?

– В больнице, под матрасом одного из тех неподвижных парней. Никто бы и не подумал искать там.

– Это уж точно, – мрачно согласился Коррелл.

Через несколько минут Коррелл рассказал все Арвону и Медлане. Конечно, вентили нашлись под матрасом одного из коматозников.

– Мы отыскали бы их там так или иначе, рано или поздно, – неприятным тоном сказал Арвон.

– Поздно, слишком поздно, – сказал ему Коррелл. – А время сейчас решает все. Так что можете запускать свой завод.

– Признаю, вы были правы. Но я заберу деньги у этого негодяя.

– И заставите беднягу разувериться в людях? Мы заключили сделку, и я собираюсь выполнить ее условия.

– Я не заключал никакой сделки, – проворчал Арвон.

– Ее заключил я в качестве вашего агента. Если хотите вернуть деньги, то заработайте их так же честно, как он.

– Честно?! Он вор!

– Продайте ему что-нибудь. Что-то, стоящее десять тысяч кредитов.

– Мы не барыги.

– Вы, в свое время, хотели купить товары у меня. Предложите ему что-нибудь практичное. Например, еду.

– Тысячу кредитов за еду? – рассмеялась Медлана.

– Верно. И пять тысяч за баллон кислорода. Разумеется, ему не понравится ваша практика, но вы можете сказать, что у него

есть спрос на еду и воздух, а у вас – предложение, значит, и цены назначаете вы.

– И это вы называете честным возвратом денег? – спросил Арвон. – Да меня уже тошнит от вас и вашего жульничества!

Он развернулся и сердито выскочил из комнаты.

– Пусть его тошнит, но он все равно это сделает, – бодро сказал Коррелл.

Медлана весело посмотрела на него.

– А вы, оказывается, весьма талантливы, – сказала она.

– Просто у меня такие хорошие учителя, – в тон ей ответил Коррелл. – Арвон позорно побил меня в шахматы, используя приемы, о существовании которых я и не подозревал. Вы учили меня не быть нудным. А я не самый глупый ученик.

– Вы учитесь слишком быстро, и это вам вредит. Арвону вы все больше не нравитесь, а, как начальник службы безопасности, он прибирает все большую власть. Сегодня вечером заседание Совета, и он собирается потребовать отослать вас отсюда.

– Из-за вас, Медлана, – глядя ей в глаза, сказал Коррелл.

– Отчасти из-за меня, – признала она, – но есть и другие причины. Вы слишком много узнали о нашей колонии и показали, что можете быть проницательным и опасным противником. Если вы выйдете из-под контроля, то сможете здесь развернуться слишком быстро, чтобы мы сумели вас остановить.

– У вас всегда есть на это роботы.

– А вдруг вы уже научились управлять ими? Арвон предполагает, что такая возможность есть.

– Он мне льстит.

– Нисколько. Он знает, насколько ограничены роботы. Они сильные и чрезвычайно полезные помощники, но они очень сложны. А чем сложнее механизм, тем больше вероятность, что он может сломаться. Это одна из причин, задерживающих запуск производства.

Пока не будет тщательного контроля – человеческого контроля, – роботы всего лишь приблизительно совершенны. И это не достаточно хорошо. Несовершенный робот – бесполезный робот.

– Как и человек. И Арвон предполагает, что я могу узнать слишком много о ваших роботах?

– Если вас не отослать отсюда, – кивнула Медлана.

– И что он хочет сделать со мной?

– Отправить на Марс, где наша организация сумеет вас использовать.

– Но я стану для вас еще большей опасностью там, где у меня не возникнет никаких проблем при контактах с людьми моего типа.

– Арвон считает, что есть способы удержать вас под контролем, – заметила Медлана.

И они есть, уныло подумал Коррелл. При других обстоятельствах он был бы рад вернуться домой, но теперь это означает навсегда расстаться с Медланой. А он уже не мог с ней расстаться...

Я просто дурак, твердил себе Коррелл, слишком нерешительный, чтобы покончить с ситуацией, у которой не может быть никакого счастливого конца. Он повторил про себя все прежние аргументы и добавил несколько новых. Они не смогут общаться, если кто-нибудь из них не будет под действием препарата. Он постареет и умрет в то время, как Медлана еще вообще не изменится. А их дети – если у них вообще могут появиться дети, – в кого они пойдут? Будут ли они медленны и долговечны, как Медлана, и тогда он умрет, не увидев, как они вырастут? Или они окажутся похожими на него, и Медлана со временем окажется моложе их?

Нет, вся эта ситуация просто невыносима. Вероятно, он должен быть благодарен Арвону за то, что тот хочет окончательно разрешить ее, в то время, как у него самого не хватает на это смелости.

Однако, на следующий день он узнал, что в планах произошли изменения. Медлана с Арвоном пришли к нему.

– Послушайте, Коррелл, – сказал Арвон, – мы решили, как с вами поступить. Мы собираемся оставить вас здесь, чтобы вы работали на нас.

– Здесь? Не на Марсе?

– Да, здесь. Некоторое время мы не будем посылать корабли на Марс.

– Могу я узнать причину?

Арвон заколебался.

– Тайна все равно долго не продержится, – сказала Медлана. – Мы ожидаем вторжения и будем нуждаться в каждом корабле для защиты.

– Выходит, угрозы Хжелмара оказались не праздными?

– Это не только Хжелмар. Это – группа Р. Правительство пригрозило, что бросит в атаку на их базу на Земле роботов с дистанционным управлением, если они не сдадутся. Они не сдались, но базу покинули. Им удалось вырваться из окружения, и они украли корабль, в котором полетели на недавно созданную собственную колонию в Поясе астероидов.

– Они не смогут там продержаться.

– Они и не собираются. Их настоящая цель – Ганимед. Они хотят захватить нашу колонию.

– Наш осведомитель, – вмешался Арвон, и Коррелл с удовлетворением отметил, что он не сказал «шпион», – сообщил, будто они уверены, что сумеют преодолеть расстояние, отделяющее нас от марсианской орбиты. Это значит, они решили проблемы с воздухом и продовольствием, которые прежде останавливали их.

– Они вели исследования в этом направлении, – напомнил Коррелл. – И не забудьте, что они работают в сто раз быстрее вашего.

– Можно было и не напоминать, – уныло согласился Арвон.

– Но я не понимаю, как они, даже имея быстрорастущие растения, могут произвести достаточно еды для космического полета, если у них нет судна со специальным большим отсеком.

– Такого судна у них нет, – сказала Медлана. – Обычный грузовой корабль – единственное, что они смогли украсть второлях.

– Но система циркуляции воздуха в нем еще хуже, чем на пассажирском корабле, – сказал Коррелл.

Медлана поглядела на него.

– Значит, им пришлось снять внутренние переборки, и они планируют восстановить их в конце путешествия.

– Без специального оборудования? – усомнился Коррелл. – Хотя оно может быть в той колонии в Поясе астероидов. Ведь сам Пояс тоже довольно далеко. Но как они вообще смогли создать там колонию со своим быстрым потреблением еды и воздуха?

– Никак не могли, – сказала Медлана, – если не замедлили свой метаболизм. Вероятно, просто раскрыли тайну нашего препарата.

– Или создали собственный.

Глаза Арвона вспыхнули.

– Но если они замедлены препаратом, то теряют свое главное преимущество перед нами. Фактически, с нашими роботами, мы теперь имеем перед ними преимущество. Я хочу наемкнуть Совету, что не стоит ждать, пока они приземлятся. Лучше всего встретить их в космосе и взорвать корабль, прежде чем он подлетит к Ганимеду.

– Если не возникнет никаких осложнений, – сказала Медлана.

– Осложнений? – переспросил Арвон. – Ты имеешь в виду Хжелмара?

– Если он начнет вторжение одновременно с группой Р, наше положение станет очень серьезным.

– Когда у него созрел план, мы узнаем об этом от наших осведомителей в окружении земного правительства. Пока же следует

подготовить корабль для перехвата группы Р. Что касается вас, Коррелл, мы бы хотели поручить вам закупку и организацию доставки необходимого нам оборудования.

– Вы считаете, что мне можно доверять?

– Нет, – медленно процедил Арвон. – Но мне кажется, вы не станете делать ничего, что могло бы повредить Медлане. Во всяком случае, у нас нет выбора. Все будут работать, даже тот вор. Конечно, за вами и за ним будут тщательно присматривать. Мы также возьмем роботов из шахты и создадим из них вооруженный отряд, пока не минует кризис.

– Как я понимаю, с этого времени вся колония будет пользоваться ускоряющим препаратом? – осторожно спросил Коррелл.

– Разумеется, мы постараемся избегать опасностей физиологического расстройства, – сказал Арвон. – И мы будем использовать препарат на пределах возможного. К сожалению, мой личный предел довольно низкий.

Коррелл вспомнил свою первоначальную беседу с Арвоном, и то, как бородач упал в конце ее в обморок. Да, этот препарат следует использовать с осторожностью. Так что преимущество все равно остается на стороне агрессоров.

Наверху начинался закат, но исчезновение слабого солнечного света было практически незаметно в ярком отраженном свете Юпитера. Но подготовительные работы продолжатся день и ночь, подумал Коррелл. И он вспомнил прошлые времена, когда трудился вот так же чуть ли не сутки напролет.

XIII

Временами Коррелл едва мог сдерживать раздражение, и это плохо сказывалось на работе с людьми. Но он был вынужден работать с людьми, на которых нельзя положиться. Он отдавал че-

людеку распоряжение сделать что-то, что должно было занять у него час. Человек брался за дело – и на полпути достигал своего предела пользования ускоряющим препаратом, и все крайне замедлялось. Или еще хуже, он падал в обморок и несколько дней оказывался вообще бесполезен. Графики все время путались, казалось невозможным скоординировать действия рабочих групп.

Однако, через пару дней Корреллу удалось создать действенную систему. Он отследил пределы каждого человека и подсчитал, сколько часов тот может работать с ускорением. Люди с одинаковыми возможностями объединялись в команду и держались вместе, пока были способны работать.

Коррелл больше узнал о самих препаратах. Существовали разные штаммы с подобным эффектом. Существовали Ускоритель А, Б и В, а также Замедлитель А и Б. И каждый человек использовал тот препарат, который лучше переносил.

Но Коррелл обнаружил, что препараты могут использоваться разными способами. Иногда это была внутривенная или внутримышечная инъекция, иногда ингаляция газа без вкуса и запаха. Срабатывали они быстро и внезапно, причем эффект проявлялся сразу в полную силу. Эти препараты вообще не работали вполсилы, либо обработанный реципиент ускорялся до нормальной человеческой скорости, либо не ускорялся вообще. Продолжительность же действия препарата была прямо пропорциональна его дозе.

Коррелл даже начал гордиться своей работой, хотя поначалу не понимал, зачем нужны те или иные грузы, которые он поставлял. Только подслушав несколько неосторожных замечания Арвона, он понял, что выполняет его группа. Они собирали запасы сырья для наркотических ружей.

Здесьшний арсенал вооружения вообще не блистал разнообразием, и наркотические ружья занимали важное место среди ручных видов оружия. Их использовали на довольно близком расстоянии,

не больше ста ярдов, и они не предназначались для убийства. Ружья заряжались капсулами, начиненными Замедлителем А, чью эффективность Коррелл уже не раз испытал на себе. Капсула взрывалась, окутывая цель невидимым облаком препарата. Жертва не понимала, что происходит, и, хотя окружающим она казалась почти парализованной, сама лишь ощущала, как мир проносится мимо с безумной скоростью.

Поначалу Коррелл спрашивал себя, почему, несмотря на явное недоверие Арвона, ему поручили столь ответственную работу. Но вскоре ответ стал очевиден. Он был здесь единственным человеком, нормальная скорость которого не зависела от препарата, единственный, кто мог работать день за днем в быстром темпе.

Не столь легко оказалось ответить на вопрос, а почему он сам так старается? Просто потому, что он привык много работать, и был готов предоставить себя к услугам любого, кому потребуются? Не только поэтому, ответил себе Коррелл. Просто потому, что эти люди не нападают, а защищаются. Они начали колонизировать спутник Юпитера Ганимед, который совершенно никому не был нужен, и теперь лишь просили оставить их в покое.

Но земное правительство не могло позволить себе оставить их в покое. Никакое правительство не станет терпеть иную правящую власть на своей территории — или на территории, на которую оно претендовало. А Объединенное Межпланетное правительство Земля-Мартс-Венера предъявляло права на всю Солнечную систему. Следовательно, Желмар обязан потратить массу сил и средств, но выгнать этих людей с планеты, которая обычным людям вообще не нужна.

Возможно, это выглядело логичным с точки зрения правительства, но Корреллу казалось абсурдным. Он понял, что смотрит на все происходящее с точки зрения Медланы, и некоторое время

размышлял над вопросом, не предназначены ли все его аргументы лишь для того, чтобы скрыть факт, что все это он выполняет только ради нее? Наконец, он понял, что в настоящий момент не может дать однозначного ответа, и пожал плечами. В конце концов, какая разница? Главное, что он выбрал, на какой стороне находится, и будет бороться за нее.

У Медланы тоже нашлось много работы, и они виделись редко. Однажды, когда он приехал к ней обсудить, какие ей требуются материалы, то ощутил странное чувство тревоги. Он словно ждал, что вот-вот произойдет нечто, одним махом способное решить все проблемы.

Он сказал об этом Медлане, и она рассмеялась.

– А мне было интересно, почувствуете ли вы это.

– Только не говорите, что я экстрасенс, – сказал Коррелл. – Я никогда не чувствовал подобного прежде.

– А что именно?

– Какое-то электрическое покалывание. Я почувствовал, как по коже бегут мурашки, а волосы вот-вот встанут дыбом.

– Все правильно. Все дело в электричестве. Воздух сильно ионизирован. Такое всегда происходит во время этих периодов.

– Каких периодов? – не понял Коррелл.

– Смотрите, – показала девушка.

Он осмотрел небо. Большую его часть занимал Юпитер, но Коррелл уже привык к его присутствию. Юпитер, крохотное Солнце и...

– Кажется, сейчас здесь видно слишком много спутников одновременно, – невольно воскликнул он.

– Вот именно. А, как вам известно, планеты, а также и спутники, являются гигантскими магнитами. Они слишком слабы, чтобы притягивать друг друга, но имеют значение для живущих на поверхности людей. И время от времени электромагнитные поля

разных спутников и самого Юпитера пересекаются и усиливают друг друга. Так что мы еще увидим красивые полярные сияния.

– Ну, я наблюдал их много раз на Марсе, – сказал Коррелл, – и слышал, что они бывают и на Земле.

– Но здесь это нечто совсем иное, – ответила Медлана. – Ждите и полюбуйтесь.

Ждать пришлось еще час. Постепенно небо над окружающими колонии вершинами гор приобретало зеленоватый оттенок. А потом, внезапно, с самой высокой вершины прямо в Юпитер ударил столб голубовато-желтого света. Он тут же погас, но мгновение спустя в разреженном воздухе вспыхнул другой разноцветный столб, и вскоре в небе возникла гигантская радуга холодного пламени, кипящая, пузырящаяся вокруг, внезапно выбрасывающая в разные стороны фонтаны ослепительного света, отчего все остальное стало казаться тусклым и нереальным.

Медлана подошла к нему.

– Никогда не видел ничего подобного, – признался Коррелл. – Стоило прилететь на Ганимед только ради этого.

– Да, здешний разреженный воздух напоминает содержимое электронной лампы. Световые извержения теперь будут продолжаться много дней, затухая и вспыхивая вновь.

– Это происходит по всему Ганимеду? – недоверчиво спросил Коррелл.

– Да, – кивнула Медлана. – И это видно за миллионы миль в космосе. Очень впечатляющее зрелище. Я наблюдала один раз, когда мы летели сюда с Марса, и помню, что все на корабле смотрели на этот спектакль, как завороженные.

– А что бы произошло, – задумчиво спросил Коррелл, – если какой-нибудь из кораблей прибыл бы сюда во время сияния?

– Все их приборы выйдут из строя. И если пилоты не были прежде на Ганимеду, у них возникнут трудности, чтобы найти нас.

– Тогда давайте надеяться, что они доберутся сюда именно сейчас, – сказал Коррелл.

Медлана покачала головой.

– Было бы лучше, если бы они не попали вообще. Мы бы предпочли избежать войны, а не вести бой до победы.

– Я не могу понять, – прямо спросил Коррелл, – зачем вы готовите наркотические ружья? Вы что, собираетесь вести бой на поверхности планеты?

– Конечно, – удивленно сказала Медлана. – Вы не понимаете, что произойдет? Вероятно, они попробуют бомбить колонию, чтобы сделать ее непригодной для жилья, а затем сесть рядом и попытаться захватить уцелевших. Ну, а мы собираемся подождать их, эвакуируя колонию и пряча все ценное оборудование, когда пойдем, что нападение неизбежно.

– Но это будет означать, что они начнут преследовать вас в горах.

– Разумеется. Не будут же они сидеть тут и ждать, когда мы появимся сами, потому что из-за высокого метаболизма им нужно гораздо больше припасов, чем нам. Они будут вынуждены отправиться за нами. И помните, что они не знают здешних гор так, как мы. Мы можем укрываться там много недель. Но я не думаю, что все это займет недели. Им ведь потребуются воздух и провиант для возвращения домой. Как только они поймут, что время работает против них, то сдадутся и улетят.

– Это выглядит вероятным, – осторожно сказал Коррелл.

– Все это хорошо спланировано, – ответила Медлана. – Но у меня нет больше времени обсуждать это с вами. Пора вернуться к работе.

Весь день в небе вспыхивали и угасали огненные кольца и дуги. И лишь когда Юпитер опустился за горизонт, они погасли. Но Коррелл знал, что как только взойдет Юпитер, они вспыхнут снова.

Но еще до того, как Юпитер поднялся над горизонтом, их маленький мирок охватило волнение. В пятидесяти миллионах миль¹ был обнаружен космический корабль, направляющийся к Ганимеду. Несомненно, это судно принадлежало группе Р. И если они правильно рассчитали, экипаж этого корабля находится под действием замедляющего препарата, чтобы уменьшить метаболизм, так что корабль сейчас относительно беззащитен от внезапного нападения. В разреженный воздух взмыл их собственный корабль и помчался к навстречу чужому кораблю.

— Как же на расстоянии в пятьдесят миллионов миль можно определить, что это за корабль? — недоверчиво спросил Коррелл. — Вы уверены в своих приборах на таком невероятном расстоянии?

— Конечно, уверены. Мы установили цепочку космических бакенов с промежутками в миллион миль, от Пояса астероидов до нашей орбиты. Именно по этому курсу должны лететь нападающие. Как только корабль попадает в поле действия такого бакена, тот начинает испускать радиосигналы, которые транслируются в течение двадцати четырех часов.

— И вы собираетесь одержать легкую победу?

— Мы сумели оторваться от корабля группы Р, когда у нас вообще не было оружия. На этот раз мы уничтожим их корабль.

Коррелл пожал плечами. Медлана выглядела слишком уверенной. Он еще раз подумал, что ее группа слишком высокого мнения о своих способностях и недооценивает противника. Они слишком полагались на технические новшества в борьбе против опасного и отчаянного врага. В течение нескольких следующих часов они получали от автоматических бакенов сигналы о продвижении корабля. Затем вззошел Юпитер, и снова началась магнитная буря.

¹все космические расстояния в этом романе ошибочны и остаются на совести автора (*Прим. перев.*)

Огни пылали еще великолепно, чем вчера, и посреди гор, окружающих колонию, возникло электрически заряженное облако пыли. От него к холодным огням в горах протянулись нескончаемые щупальца молний. Но сейчас у Коррелла не было времени любоваться красотами этого атмосферного явления.

Все дело в том, что радиосвязь стала невозможной.

Они с нетерпением ждали захода Юпитера, чтобы связь восстановилась. Когда же это произошло, их корабль находился уже в десяти миллионах миль от Ганимеда.

— Он летит с отличной скоростью, — сказал Коррелл.

— Это лучший боевой корабль, — встревоженно ответила Медлана. — Но мне не нравится, что последний сигнал от противника был в сорока трех миллионах миль. Кажется, они тормозят.

— Из-за отсутствия связи мы не знаем, когда включился этот сигнал, — заметил Коррелл.

— Да, к сожалению, бакены не дают такой информации. Однако, скоро должен заработать сигнал на сорок втором миллионе миль.

Однако, ожидаемый сигнал так и не поступил. Корабль с Ганимеда преодолел уже тринадцать миллионов миль. А корабль противника, казалось, испарился.

Он все еще не был обнаружен, когда на следующий день вновь прервалась радиосвязь. Всю колонию охватила тревога от известия об исчезновении нападавших, и, когда Коррелл позже встретился с Арвоном, то нашел бородача возбужденным и раздраженным.

— Вы должны завтра завершить работу и приступить к плану эвакуации, — бросил Арвон.

— Что делать с незаконченными частями? — спросил Коррелл.

— Смысла брать их с собой в горы нет. Они должны быть уничтожены.

— Не лучше было бы их спрятать до нашего возвращения? — предложил Коррелл.

Арвон так и впился в него подозрительным взглядом.

– А вы уверены, что не хотите подарить их нашим захватчикам?

Коррелл с трудом сдержался.

– Конечно, уверен, – спокойно сказал он. – Как бы захватчики стали их использовать? Но для нас они жизненно важны. Мы с трудом добыли их и привезли на Ганимед, и если уничтожим сейчас, то потом где-то придется доставать новые.

– У нас их негде спрятать, – огрызнулся Арвон.

– А что вы думаете о шахте? Мы могли бы спрятать их в шахте, замаскировать вход и уничтожить вокруг все признаки, что в этом месте вообще велись какие-то работы.

Арвон заколебался. Ему хотелось высказаться против того, что предлагает соперник, но это было нелегко, потому что идея звучала слишком заманчиво.

– Посмотрим, – наконец проворчал он. – А пока что действуйте, как я сказал. Заканчивайте работы.

Позже Коррелл получил распоряжение использовать шахту, чтобы спрятать не только оставшиеся материалы, но также и другие ценности.

Он со своими людьми работал еще долго после захода Юпитера. Когда же, наконец, они вернулись в колонию, то обнаружили усилившееся волнение.

– Это невероятно! – сказала ему Медлана. – Сигналы возобновились!

– От нашего судна?

– От противника! Мы только что получили сигнал – в пятидесяти миллионах миль! Они возвращаются домой.

– Я этому не верю, – категорически возразил Коррелл.

– Бакен на отметке в пятьдесят миллионов миль сообщил о грузовом корабле, схожем по параметрам, несущемся на огромной скорости.

– В каком направлении? К нам или обратно?

– Не думаю, что могут быть какие-то сомнения. Ведь последний раз, когда мы слышали о нем, он находился на отметки в срок три миллиона миль и направлялся в нашу сторону.

– Давайте проверим. Где записи сигналов?

Они стали проверять. Потом Медлана, запинаясь, сказала:

– Корабль снова летит к нам. И находится в пятидесяти миллионах миль!

– Я так и думал, – мрачно улыбнулся Коррелл. – Это другое судно, Медлана. Или второй грузовой корабль, который удалось похитить группе Р, или – а я склонен думать, что это более вероятно, – первый корабль флота Хжелмара.

– Выходит, корабль, который мы обнаружили ранее, каким-то образом миновал бакены?

– Несомненно. Раз его экипаж вынужден лететь в замедленном состоянии, то им следовало заранее предположить, что они будут совершенно беспомощны перед внезапным нападением. Поэтому быстрые, несомненно, настроили автопилот так, чтобы лететь к Ганимеду кружным путем. Как я вам уже говорил, вы недооцениваете их. Ваши космические бакены теперь бесполезны и не могут сообщить о местоположении из корабля.

– Но тогда наш корабль разминется с ними в космосе.

– Но не с кораблями мистера Хжелмара. А когда он их встретит, то окажется, что его превосходят в численности. Мне остается только надеяться, что превосходство окажется не слишком велико.

Но когда стали поступать дальнейшие сигналы, даже эта слабая надежда угасла. У Хжелмара было шесть кораблей, плюс грузовик группы Р.

– Шесть против одного, – нахмурился Коррелл. – И на этот раз они наготове. Но еще остается возможность, что наш корабль сумеет уклониться от встречи с ними.

– Есть вариант получше, – возразила Медлана. – Они начнут торможение, поскольку приближаются к Ганимеду и ищут нашу колонию. А магнитная буря затруднит эти поиски. Они могут столкнуться с кораблем группы Р. А если между ними начнется бой, это сыграет нам на руку.

– Сомневаюсь, будут ли они столь любезны, – покачал головой Коррелл. – Нет, нужно готовиться выполнять наши планы относительно эвакуации.

Прежде, чем связь в очередной раз прервалась, поступил сигнал, что их судно достигло отметки в двадцать девять миллионов миль. А передовое судно группы Хжелмара прошло в это время отметку в тридцать семь миллионов миль. Эти корабли должны встретиться еще до того, как связь восстановится – и к тому времени сражение уже завершится.

Весь следующий день они продолжали эвакуацию, перевоза больных из палат в шахту, вырытую в горах, с тщательно замаскированным входом. Идея Коррелла спрятать ценные материалы в первой шахте восприняли на «ура». Кроме того, готовились тайники с припасами и оружием, которые могли бы служить убежищами, если дело дойдет до партизанской войны.

После захода Юпитера, когда стихла магнитная буря, раздался целый всплеск радиосигналов. Мужчины и женщины собрались, чтобы узнать новости, и приняли препарат, чтобы не ждать слишком долго.

– Что с нашим кораблем? – спросил Арвон.

– Вы думаете, я не хочу узнать это так же, как вы? – проворчал радиооператор. – Сигналы обрабатываются.

Наконец, робот-аналитик передал письменный отчет.

– Отчет о первом бое нашего корабля, – произнес он четким, приятным тенором. – Мы вывели из строя первое вражеское судно и оставили его в беспомощном состоянии.

Поднялся гул голосов, заглушая последующие слова робота. Медлана подняла руку, требуя тишины.

– Поступили сигналы бакенов, – продолжал робот, – на отметках тридцать восемь, тридцать десять, сорок и сорок один миллион миль. Это все вражеские корабли.

– Они не приземлятся, – торжествуя воскликнул Арвон. – Мы разобьем их один за другим еще в космосе. Они вообще не долетят до нас.

– Был принят еще один сигнал.

– Этот сигнал я могу проанализировать сам, – сказал радиооператор. – Это послание от нашего корабля. «Мы атакуем второй вражеский корабль. Он совершенно беспомощен. Мы...» – Он повернулся к нетерпеливо ожидающим слушателям. – Дальше помехи. Это все.

– И сколько пройдет времени, прежде чем помехи прекратятся?

– Они уже прекратились. Больше сигналов нет.

Наступила потрясенная тишина.

– Простите меня за то, что приходится быть оптимистом, – осторожно сказал Коррелл. – Но эти помехи могли быть вызваны взрывом?

– Могли, – признал оператор.

– Не верьте ему! – закричал Арвон. – Это шпион! Он работает на Хжелмара!

– Но я же не говорил, от чего произошел взрыв, – укоризненно сказал Коррелл. – После того, как я столько сделал для вас, вы все еще считаете меня шпионом?

– Я считаю, тебе следует извиниться, Арвон, – медленно проговорила Медлана.

– Нет, Медлана. Ты любишь его и не понимаешь, кто он такой. – Арвон заметил удивление на лицах окружающих и гневно про-

должил: – Он только притворяется, что сотрудничает с нами! Все предложения, которые он сделал, чтобы помочь нам, возможно, пойдут на пользу и врагам, как только они доберутся сюда.

– Арвон, какие у вас есть доказательства для подтверждения такого обвинения, помимо ревности, – тихо спросил кто-то. – Вы поймали его на шпионаже или передаче информации?

– Великий Юпитер, какие еще нужны доказательства! – закричал Арвон. – Разве не достаточно того, что он принадлежит к их виду?

И тут поступил еще один сигнал.

– Снова от нашего корабля, – сказал радиооператор.

– Значит, он не поврежден! – торжествуя закричал Арвон.

– Пожалуйста, тише. Я прочитаю сообщение... Нет, я заложу его в читающий автомат, чтобы услышали все жители колонии.

Раздался голос, безликий тенор, схожий с голосом робота:

– Это последнее сообщение. Мы подбиты и больше не сможем защищать Ганимед. Теперь защищайтесь сами.

XIV

В помещении повисла полная тишина.

– Наша первая победа стала просто уловкой противника. Тот корабль был специально беззащитен, чтобы заманить нас в ловушку. Хжелмар, кажется, возродил искусство военной тактики. Так или иначе, им удалось заменить сигналы наших бакенов ложными. Мы и не подозревали, что они так близко, пока нас не окружили шесть кораблей. У нас не осталось ни малейшего шанса. Никто не погиб, но у нас больше нет топлива, корабль стал опасно радиоактивен и мы беспомощно дрейфуем в пространстве. У нас нет никакого выбора, кроме как пересечь в спасательные шлюпки и сдаться. Можем лишь надеяться, что вам повезет больше.

Поднялся какой-то человек.

– Еще нет причин для отчаяния, – сказал он. – Мы знали, что в лучшем случае сумеем лишь на время задержать корабли Хжелмара, прежде чем они доберутся сюда. Эта надежда не оправдалась, но мы, по крайней мере, узнали, что имеем дело с хитрым и проницательным врагом. Однако, на Ганимеди мы у себя дома. И у нас еще есть пара дней в запасе. Я предлагаю, чтобы весь следующий день мы не принимали ускоряющий препарат, чтобы быть готовыми использовать его, когда начнется вторжение.

Все согласно закивали и стали расходиться. Воздух, невзирая на насыщенность электричеством, казался холодным и унылым, а все люди на расстоянии становились синевато-зелеными. Синевато-зеленые люди, бредущие по своим синевато-зеленым делам. Известие о том, что их так легко и неожиданно разбили при первом же столкновении, было обескураживающим.

В добавок ко мраку в душах людей, на колонию опустилось облако намагниченной пыли. Коррелл выругался про себя. Они закончили все, что можно было сделать в колонии. К полностью автоматизированным средствам обороны оставили всего несколько человек, в слабой надежде нанести нападавшим урон во время посадки. А потом им следовало тоже убираться в горы. Коррелл медленно обходил пустые комнаты здания, где заканчивали работу его люди. Все было вынесено, кроме каких-то обломков. И пары забытых пистолетов с наркотическими зарядами. Коррелл поднял их и спрятал в карманы.

Из завесы пыли появилась бородатая фигура. Это был Арвон с застывшим, суровым лицом.

– Пришли принести извинения, Арвон? – спросил Коррелл.

– Ничего подобного. Я приехал арестовать вас. Вы слишком ненадежны, чтобы доверять вам, когда начнется нападение.

– У вас нет никакого распоряжения Совета на счет меня.

– Мне не требуются никакие распоряжения. Мне достаточно собственных приказов.

— Едва ли. У вас на это нет ни полномочий, ни силы.

Внезапно вся ненависть, давно уже кипевшая в Арвоне, казалась, выплеснулась наружу, превратив в дикого зверя, неспособного управлять собой. Арвон прыгнул вперед, неловко выставив перед собой кулаки. Один из них ударил Коррелла прямо в лоб и отбросил к стене.

Тут же Арвон опять бросился в атаку, и Коррелл ударил в ответ. Он хотел попасть в челюсть, но трудно было понять, где находится челюсть, так как Арвон до глаз зарос бородой. Кулак Коррелла пробил густую бороду и угодил Арвону в грудь. Тот пошатнулся и хрюкнул, затем снова ринулся вперед.

На этот раз Коррелл специально ударил его по корпусу. Кулак попал Арвону в район сердца и ошеломил. Еще один удар, и Арвон упал.

Но драка еще не закончилась. Арвон тут же вскочил на ноги и обхватил противника за пояс. Коррелл не успел сообразить, что на Ганимеде пониженная сила тяжести, так что здесь легче прыгать. Его нога машинально согнулась, колено пошло вверх и ударило Арвона прямоком в челюсть.

На этот раз борода не сумела защитить своего владельца. Коррелл нанес жестокий удар, голова Арвона дернулась, и он разомкнул захват.

Коррелл остановился, не зная, что делать дальше. И тут увидел, как свободная рука его противника взметнулась в воздух с зажатым в ней камнем, и камень птицей полетел к нему.

Времени вернуться уже не оставалось. Камень чиркнул его по голове, и Коррелл опять отлетел к стене.

Больно ударившись спиной, Коррелл хотел прыгнуть вперед, но внезапный укор совести остановил его. Зачем они дерутся здесь, как животные? Ради чего? Только чисто из дурацкой ненависти друг к другу? Они даже дрались не как люди, пользуясь какими-то

приемами, а бросались друг на друга, как звери, напрягая мускулы, а не мозги, которыми должны были отличаться животных.

Рука Коррелла нырнула в карман и наткнулась на пластиковую рукоятку. Конечно же, это наркотический пистолет. Глупо было забыть о нем. Он поможет выйти из этого идиотского положения.

Арвон приготовился к очередному нападению, когда Коррелл нажал на спуск. Не прозвучало ни звука выстрела, ни отдачи, но Арвона окутало невидимое облачко газа. По инерции он пролетел вперед, но Коррелл не сделал попытки защититься, а просто шагнул в сторону.

Арвон рухнул на пол, блеск медленно исчез из его глаз, словно он потерял сознание.

Коррелл думал, что Арвон, находившийся под действием ускоряющего препарата, просто вернется к обычному медленному состоянию, но никак не ожидал, что тот рухнет, неподвижный и бездыханный.

Снаружи раздались легкие шаги, и через секунду в помещении появилась Медлана. Уставившись на Коррелла, она спросила:

– Что тут произошло?

– Драка, – ответил Коррелл и сухо объяснил, что Арвон напал на него, и пришлось защищаться.

Медлана опустила на колени возле Арвона.

– Кажется, он в коме.

– Да, он походит на пациентов в вашей больнице, – сказал Коррелл. – А я, кажется, сделал научное открытие: как можно легко и просто вызвать кому. – Коррелл шумно вздохнул. – Мне очень стыдно, Медлана. Мы тут совсем потеряли головы.

– Из-за меня?

– Драться из-за вас было бы еще простительно, – попытался объяснить Коррелл. – Но мы-то дрались просто потому, что не нравимся друг другу. Хотя, должен признать, что вы, пожалуй, одна из главных причин нашей неприязни.

– Мы не можем оставить его здесь.

– Да, я заберу его и отнесу врачам.

Он поднял бородача и легко забросил себе на плечо.

Но медики мало что могли сделать.

– Кажется, это настоящий случай метаболической комы, – признал один из них. – Но из нее нельзя вывести с помощью ускоряющего препарата. Мы уже пробовали такой подход и обнаружили, что эта процедура слишком опасна.

– И что тогда?

– Мы вообще не уверены, что можем сейчас что-то сделать. В настоящее время его нужно оставить в безопасном месте, например, в одном из штреков шахты, и вернуться, когда все уляжется.

В атмосфере чрезвычайного положения, царящей в колонии, мало кто интересовался судьбой одного человека. Арвона унесли в безопасное убежище и возобновили приготовления.

Наступило самое неприятное время, подумал Коррелл. Сделано уже все необходимое. Несколько человек выставлены с рациями на наблюдательных постах. А Корреллу, как и большинству жителей колонии, осталось лишь ждать нападения.

Юпитер прошел по небу, скрылся за горизонтом и полярные сияния погасли. Но сообщений из космоса больше не поступало. Их корабль, очевидно, захватили люди Хжелмара, а оставшиеся бакены обошли стороной или уничтожили. Не поступало никаких известий ни о корабле Паппаса, ни о флоте Хжелмара.

Медлана и часть колонистов цеплялись за надежду, что группа Р и правительственные корабли столкнутся и уничтожат друг друга, но Корреллу эта надежда казалась слишком нереальной. Объединенное правительство трех планет было настоящей силой. Правда, Медлана как-то сказала, что в космическом бою важна не быстрота и сила мускул, а скорость электронного оборудования,

потому что она намного превосходит скорость любого человека. Но правительство располагало всеми ресурсами трех миров, а также опытными космонавтами, так что могло великолепно укомплектовать и оснастить свои корабли. У Паппаса же и группы Р под рукой было лишь то, что они сумели украсть.

Прошел еще день. На этот раз северные сияния вроде бы потеряли прежнюю силу. Огни стали бледнее и уже не взлетали столь высоко. Очевидно, ионы в атмосфере нейтрализовались, разреженный воздух становился менее насыщенным электричеством.

Вскоре после захода Юпитера колонисты получили сообщение. Очевидно, оно передавалось уже давно, но приему мешали магнитные бури. Теперь же, когда они стихли, прием установился стабильный и четкий. Члены Совета и все защитники, оставшиеся в колонии, насторожились. Это, наконец, проявили себя враги.

– Делаю запрос колонии Ганимеда. Делаю запрос колонии Ганимеда.

Слова доносились из динамика со странным замедлением. Коррелл с Медланой, собравшись с другими возле космодрома, где была установлена радиоаппаратура, переглянулись. Говоривший казался слишком ослабевшим. Возможно – это была лишь надежда, но она начинала казаться оправданной, – люди группы Р израсходовали в космосе все свои припасы. Возможно, вместо того, чтобы требовать сдать, они хотят предложить колонистам перемирие.

Радиооператор ответил одним только словом:

– Контакт!

Во время более длинного сообщения можно определить местоположение колонии, а по единственному слову практически невозможно.

– Мы собираемся приземляться. Где мы можем сесть? У нас нет никаких враждебных намерений.

И опять-таки это произнесено слабым, замедленным голосом.

– Ловушка! – сказал кто-то. – Они хотят, чтобы мы раскрыли себя, чтобы они могли напасть!

Радиооператор кивнул и не предпринял попытки ответить.

Но на судне словно прочитали их мысли.

– У нас мирные намерения, – продолжал тот же голос. – Мы не собираемся нападать. Мы полетим, как вы скажете, на любой высоте. Можете взять нас на прицел для уверенности, что тут нет никакого предательства. Где нам приземлиться?

Тут же среди присутствующих загорелась яростная перепалка. Если это ловушка, то они попадут в нее, просто ответив. Но почему тогда захватчики не предлагают им сдаться?

– Нам нужно быстро приземлиться, чтобы остаться в живых, – продолжал голос. – Мы включили радиоаппаратуру на всех частотах, включая инфракрасный спектр, чтобы вы могли легко засечь нас. Таким образом, мы отдаемся в ваши руки. – И снова тот же вопрос: – Где нам приземлиться?

– Они включили свою аппаратуру, – внезапно сказал оператор радара. – Они в тысяче миль над нами и в двух тысячах миль к северу.

Коррелл чувствовал, что просьба о помощи подлинная, что здесь нет никакой ловушки, но продолжал молчать. Он и так уже находился под подозрением, и любой его совет будет проигнорирован или, в лучшем случае, рассмотрен с недоверием.

– Мы должны рискнуть, – сказал, наконец, один из Членов Совета. – Это всего лишь один корабль, и мы будем помнить о возможности ловушки. А может, они действительно нам не враги и помогут против пратительственного флота.

Остальные согласно закивали.

– Корабль, ищущий космодром, – нервно сказал радиооператор. – Он в двух тысячах к югу от вас. Летите медленно, мы будем за вами следить. Все. Ожидайте дальнейших указаний.

Следующие несколько часов Коррелл провел в лихорадочном ожидании. Что-то явно произошло с Паппасом и его людьми на корабле. Но что именно? Что же внезапно сделало их такими кроткими, настолько стремящимися приземлиться и сдаться? Вряд ли просто нехватка припасов. Что же тогда мешало им замедлить всех, кроме одного, который поведет корабль? Для остальных время пролетело бы мгновенно, и они вернулись бы к быстрому темпу жизни немедленно после посадки.

Корабль летел на юг на указанной высоте. Когда он оказался всего лишь в ста милях, из космодрома выпустили направляющий луч. Больше не требовалось никаких инструкций. Чтобы безопасно приземлиться, корабль должен лишь следовать за лучом.

Когда он приблизился на пятьдесят миль, Коррелл, наконец, взглядел его – яркое красное пятнышко на фоне бледного Юпитера. Пятнышко быстро росло и вскоре превратилось в четырехсотфутовый грузовой корабль. Коррелл заметил, как включились тормозные двигатели, и звездолет пошел на посадку.

Когда корабль замер на земле, напряжение толпы возросло. Все оружие в колонии перенесли к космодрому и направили на неподвижный корабль. Колонисты, не отрываясь, смотрели на судно, выискивая признаки предательства. Слишком все бдительны, подумал Коррелл. Этак самое невинное движение может привести к фатальной пальбе.

Ракетные двигатели смолкли, отработанные газы растворились в разреженном воздухе. Наконец, сбоку у корабля открылся люк и опустились сходни.

Из люка показался человек. Он ступал медленно, словно мертвец, не желавший поддаваться смерти. Глаза блестели, лицо закрывала длинная темная борода. В руках не было никакого оружия.

Потом незнакомец медленно открыл рот, и раздались слова, вымученные, протяжные, почти непонятные.

– Я – Паппас, – сказал человек. – Я... со мной что-то... произошло. Помогите...

Все глазели на него, открыв от изумления рты. И только Медлана среагировала достаточно быстро, оправилась от изумления и поняла, в чем тут дело.

– Он – один из нас! – закричала она. – Он стал одним из нас!

XV

Он стал одним из них. Весь экипаж превратился в медленных людей, которых они прежде презирали. Они ступали на почву Ганимеда, медленно, неловко, неуклюже. Они не знали, как жить с недавно обретенной медлительностью.

– Было трудно... приземлиться. Мы боялись... все закончится... катастрофой, – неразборчиво проговорил Паппас. – Средства управления... они не для тех... кто медленно двигается.

– И у вас не оказалось на борту роботов, потому что вы полагали, что они не нужны, – констатировала Медлана.

– Мы не ожидали... такого.

– Почему бы не дать ему Ускорителя? – предложил Коррелл. – Тогда было бы намного удобнее беседовать.

Медлана кивнула и сломала капсулу с препаратом перед лицом Паппаса.

– Мы планировали захватить вашу колонию, – продолжал Паппас, точно не сознавая, что в его метаболизме произошли изменения. – Нам казалось, мы нашли решение проблем с едой и воздухом.

– Вы использовали замедляющий препарат?

– Гораздо лучше. Мы нашли способ впасть в кому и выйти из нее.

– Что вы сделали? – выкрикнул Коррелл.

Паппас посмотрел на него.

— Это довольно просто. Мы вошли в кому, чтобы уменьшить метаболизм почти до нуля и перенести полет к Ганимеду, не тратя еды и воздуха. Для управления кораблем у нас был автопилот. Из-за того, что мы не тратили свои припасы, мы могли лететь к Ганимеду по более длинной орбите, чтобы вынырнуть с неожиданной стороны и обойти ваши возможные ловушки. Но, выйдя из комы, обнаружили, что все же угодили в ловушку.

— Но как вы вышли из комы? — спросила Медлана. — Как?

— Это достаточно просто. В миллионе миль от Ганимеда сочетание усилившегося света от Юпитера и его гравитации прервала кому. К тому же нам автоматически ввели заранее приготовленный препарат. А потом все пошло не так. Сперва показалось, что корабль летит к Ганимеду в сто раз быстрее расчетной скорости. Но через некоторое время мы поняли, что просто замедлились сами. — Он потерял глаза. — Осознать это было нелегко. Когда человек из моей команды высказал такое предположение, мы отказались этому верить. Решили, что он сошел с ума. Но других объяснений не нашлось. По мере приближения к Юпитеру, как и ожидалось, росло тяготение. Но нашим телам ускорение казалось громадным. Мы ведь жили в десять раз быстрее обычных людей, а теперь внезапно стали в десять раз медленнее. Нам стало трудно передвигаться при такой гравитации, и это, наконец, заставило нас понять, что произошло. Мы поняли, что не сможем отразить нападение. Кроме того, больше не было смысла продолжать нашу борьбу. — На его лице возникла гримаса улыбки, очень невеселой улыбки, пока он рассказывал, как утратил то, что всю жизнь считал своим превосходством. — Мы поняли, что у нас нет иного выбора, кроме как попытаться примириться с вами.

Мгновение стояла тишина, пока все пытались понять значение того, что рассказал Паппас.

– Вы стали такими же, как мы, – внезапно выступила Медлана.
– Но вы можете превратить нас в быстрых людей, таких, какими мы были раньше? И вы можете стать прежними?

– Нет, – покачал головой Паппас. – Кажется, это невозможно.

– Вообще-то это не невозможно, – прервал его Коррелл. – Разве вы не видите, что это объясняет некоторые события, сбившие нас с толку. Вспомните «шпионов». Это вообще не шпионы. Они не притворялись медленными людьми, пока летели сюда. Они действительно были ими. Это доказывает низкое потребление ими еды во время полета. Они спонтанно, по причинам, которые нам предстоит еще изучить, превратились в другой тип людей. – Он увидел сомнение в глазах окружающих. – Вы этому не верите, ибо всегда считали, что человек, родившийся того или иного типа, не имеет возможности измениться. Но при этом вы упускаете гигантские воздействия на человеческий организм при перелете из одной области космического пространства в другую – различной силы тяжести, космического излучения, влияния планет и так далее. Все это и вызывает изменения в человеке, которые могут оказаться поразительными. Вспомните так называемого «шпиона». Он внезапно превратился в тип Р, живущий примерно на такой же скорости, что и Паппас раньше. Он был больше вас напуган этими изменениями. Для него это стало громадным шоком, поэтому он истерично бегал ото всех, инстинктивно ища убежища. Возможно, если бы вы знали правду, то смогли бы его спасти. Но как бы то ни было, смерть вызвало именно резкое изменение его метаболизма. Что касается другого «шпиона», который был вором, тот он изменялся со средней скорости до медленной и обратно. Ни в первом, ни о втором случае бедняга не понимал, что с ним происходит. Он не мог придумать никакого объяснения, которому вы бы поверили. Но во всем этом присутствует один точный факт. Все эти изменения связаны с его полетом с Марса на Землю, а затем с Земли на Ганимед. Вероятно, есть и другие изменившиеся

как на Земле, так и на Марсе. Вы находите медленного человека и считаете, что он такой с рождения. Возможно, вы правы, но не можете этого доказать. И вы пропускаете те случаи, когда изменения происходили в уже живущем человеке, как ребенку, так и во взрослом. – Коррелл оглядел окруживших его людей. – Вспомните свои собственные впечатления. Сколько из вас способно понять, были ли вы такими от рождения или стали во младенчестве? Даже школьные отчеты не всегда могут дать ответ на этот вопрос.

Кто-то из окружающих покачал головой.

– Вы хотите, чтобы мы пересмотрели все наши взгляды относительно характера нашего...

– Да, – прервал его Коррелл, – потому что из-за этих взглядов возникают опасные идеи о высших и низших расах. Вы не лучше и не хуже средних людей, просто отличаетесь от них. И я пытаюсь вам объяснить, что отличаетесь-то вы не столь кардинально, как думали. Любой человек может стать медленным долгожителем, как вы, или быстро живущим, как Паппас. Ваша группа всегда гордилась тем, что вы строите далеко идущие планы, но недооценивала важность второстепенных деталей. Ну, расширьте же немного свой кругозор. Известно, что у холоднокровных животных нет постоянной температуры тела – и, следовательно, никакой определенной длины жизни. Эксперименты, проведенные еще столетия назад, доказали, что метаболизм и продолжительность жизни мухи дрозофилы, например, напрямую зависят от температуры, при которой живет муха. Ученый по имени Лоу...

– Лейб, – насмешливо поправил его один из присутствующих. – Мы не столь невежественны, как вы думаете.

– Спасибо. Вы совершенно правы – Лейб. Он поднял температуру на десять градусов и увеличил скорость метаболизма мухи в два-три раза, при этом во столько же сократив продолжительность

ее жизни. И давно известно, что многие холоднокровные животные могут зимовать неопределенно...

– Мы не холоднокровные, – взорвался кто-то, – и аналогия с плодовыми мушками к нам не относится!

– Но относится аналогия с животными, впадающими в спячку, – поддержала Коррелла какая-то девушка. – Он просто хочет сказать, что более низкий метаболизм – неизбежный результат – или одновременно причина и результат – понижения температуры. Возьмите медведя в спячке – или спящего человека.

Поднялся гул голосов, и Коррелл удовлетворенно вздохнул. Он сломал психологический барьер для нового образа мышления, и теперь они двигались вперед сами. А поскольку они всегда высоко ценили научные аргументы, то смогут идти вперед до определенного предела, и тогда ему придется выступить снова, на этот раз против большинства.

– Очень хорошо, – заговорил кто-то из присутствующих. – Вы утверждаете, что примеры из жизни животных, холоднокровных или теплокровных, нам ничего не дают, потому что мы не животные, а люди. Тогда разрешите, я приведу пример, который не имеет отношение к экспериментам Лейба. Все вы слышали о горной цепи на Земле под названием Анды. Я не раз видел их, поскольку летал на космическом корабле. Они походят на тяжелый фундамент, на котором покоится континент Южная Америка.

– Нас не интересует метаболизм гор, – саркастически прервала рассказчика какая-то девушка.

– Я не о горах, а о тамошних жителях, – отпарировал тот. – Индейцы, много столетий живущие на высоких Андах, приобрели собственный, особый метаболизм. Они приспособились к низким температурам и низкому атмосферному давлению. В крови у них необычайно высокий процент красных телец, и они прекрасно чувствуют себя в среде, практически выносимой для пришлых.

И одновременно они способны обитать в низинах, где земная атмосфера намного богаче кислородом.

– Это не имеет никакого отношения к выводам Коррелла, что вы можете принадлежать к какой-то группе людей не с самого рождения.

– Да нет же, как раз имеет. Я хочу сказать, что можно приспособиться к жизни в Андах, родившись там – или прожив там достаточно долго. Мы не знаем, наследственные ли это изменения, то есть, передаются ли они потомству. Может быть, да. А может, изменения происходят в предродовой период, передаваясь младенцу через кровь. А может, даже вскоре после рождения. Во всяком случае, есть люди, которые рождаются приспособленными, и есть такие, которые приспособляются позже. Что, по предположению Коррелла, и могло случиться с нами.

– Я не сомневаюсь, что вы правы, – неожиданно согласилась Медлана. – Но сейчас не время обсуждать научные проблемы. Вы что, забыли, что нам грозит вторжение?

– Я не забыл об этом, Медлана, – сказал Коррелл. – Но факт, что научные проблемы связаны с этим вторжением. А если не существует никакого непроницаемого барьера между разными типами людей, зачем тогда вообще нужно вторжение? И что нам тогда защищать?

– Но не мы же захватчики, – сердито закричал кто-то, – а Хжелмар. Вот и скажите ему об этом.

– Именно это я и предлагаю сделать, – холодно ответил Коррелл.

Наступила пораженная тишина.

– Нет никакого смысла продолжать борьбу, – заговорил Коррелл прежде, чем снова поднялся гул голосов, – когда ясно, что не за что бороться. Давайте свяжемся с Хжелмаром и сообщим ему об этом.

– А что, если он нам не поверит? Что, если он подумает, будто это ловушка, как мы считали ловушкой прибытие сюда Паппаса?

– Пригласите его к нам, чтобы лично убедиться в этом.

– Но это...

– Это означает сдачу!

– Какую сдачу? – спросил Коррелл. – Когда люди научатся изменять свой тип, как только пожелают, – а мы сейчас на пути к этому, – не будет никакой нужды создавать организацию вроде группы Р или медленных людей. Так что тут некому сдаваться.

– Вы хотите, чтобы мы бросили все, над чем работаем?

– Не ваши дома и личное имущество. И даже не колонию на Ганимеде. Но если вы можете стать такими, как я, Хжелмар и Паппас, то какая между нами разница? Или вы думаете, что мы будем превращаться в высших существ, когда станем одного типа, или в низших – когда станем другого? – Он повернулся к Паппасу. – Вам есть за что бороться, Паппас? Вы все еще считаете, что вы супермен?

– Все мы люди, не больше и не меньше, – пробормотал тот, опустив голову.

– И все мы можем совместно работать и плодотворно общаться друг с другом, – подвел черту Коррелл.

Как только идея внедрится в умы, подумал Коррелл, спорить становится не о чем.

– Вот вы говорите о переходе из одного вида в другой по желанию, – не согласился какой-то упертый человек. – Но мы ведь по-прежнему не можем перейти из медленной формы в быструю.

– Это постоянно происходит в природе, и теперь, когда мы убедились, что это возможно, вскоре мы научимся делать это по собственному желанию, – постарался убедить его Коррелл. – Всего лишь час назад нам казалась неразрешимой проблема комы, а Паппас и его группа совсем недавно точно также не могли решить проблему ускоряющих и замедляющих препаратов. Теперь же у всех нас есть ответы на наши проблемы.

Они решили проблему комы. Впервые полное значение этой фразы поразило его. Коррелл подумал о том, что сообщение Паппаса значит для колонии на Ганимеде и человечества на всех планетах. И слезы навернулись ему на глаза, когда он подумал, что значит это для его матери. Она бы еще долгие годы влачила жалкое существование, но теперь вылечится и узнает его, своего сына. И все те, кто много лет пролежал практически мертвым, выздоровеют и опять заживут счастливо.

Вокруг него все еще продолжались споры, но Коррелл уже почувствовал, как исчезает антагонизм. Одни пытались убедить других. Те, в свою очередь, высказывали последние слабые возражения, но, по сути, уже были убеждены. Как только идея внедрилась в умы, повторил про себя Коррелл, спорить стало не о чем.

– Давайте попытаемся сейчас же связаться с Хжелмаром, – неожиданно предложила Медлана. – Он может уже быть на полете, и понятия не имеет о том, что произошло. Мы же не хотим, чтобы он напал прежде, чем мы с ним переговорим.

Раздался одобрителный рев, и Коррелл расслабился. Сражение, к которому они готовились так долго и тщательно, теперь наверняка не состоится. Потребность в нем улетучилась в разреженный воздух Ганимеда.

Оказалось, что в это время Хжелмар был уже в полумиллионе миль от Ганимеда. Его первая реакция на их предложение вышла такой же, как прежде они сами отнеслись к предложению Паппаса – недоверие. И даже когда медленные, стараясь доказать свою искренность, раскрыли местоположение колонии и помогли его кораблю приземлиться, недоверие все равно оставалось. Когда корабль Хжелмара сел на космодроме рядом с судном Паппаса, было понятно, что остальные корабли флота остались где-то на орбите, вооруженные и готовые к военным действиям при первых же признаках того, что показалось бы им предательством.

Коррелл предложил подготовить такую встречу, которая смутит и поразит Хжелмара, и притупит его подозрительность своей неожиданностью. Некоторые стали этому сопротивляться, уверяя, что подобное уронит достоинство колонии, но возражающих быстро убедили, что именно такой метод будет эффективен и поможет предотвратить любые неблагоприятные инциденты, которые могли бы возникнуть в результате сверхподозрительного отношения посланников правительства.

Раздвинулся люк космического корабля, из него вышли два суровых вооруженных человека. И в тот же момент, по сигналу, группа из полудюжины роботов грянула старинную песню, и их высокие теноры слились в прекрасную гармонию, с какой не могли бы соперничать голоса живых людей: «Мы вас приветствуем, Славный Герой! Добро пожаловать к нам домой!»

Прибывшие изумленно остановились. Люди, выходящие из корабля следом за ними, казались смущенными. Они начали вопросительно оглядываться, словно ожидая распоряжений. Следом за ними из корабля нерешительно вышел сам широколицый Хжелмар.

Коррелл при виде чиновника усмехнулся. Хжелмар действительно пытался выглядеть завоевателем, суровым воином, который привел своих людей к великолепной победе. Но, к сожалению, здесь не оказалось врагов, над которыми можно было одержать эту победу. И пока Хжелмар озирался в их поисках, Медлана и еще одна девушка – «девушка», подумал Коррелл, которой наверняка больше двухсот лет – вышли вперед и вручили Хжелмару букет благоухающих искусственными ароматами пластиковых цветов, так отлично сделанных, что они выглядели совсем как настоящие.

Разгром Великого Завоевателя завершился. Его лицо залил яркий румянец, и властная осанка постепенно исчезла. Он махнул кому-то на корабле, и оттуда вышли еще люди, также сбитые с толку, но уже начинающие улыбаться.

Коррелл шагнул вперед.

– Генерал Хжелмар, – сказал он, – я имею честь и удовольствие приветствовать вас. И горжусь тем, что мне поручили вручить вам ключи от колонии.

– Коррелл! – не слишком-то дружественно уставился на него Хжелмар. – А вы, кажется, не шибко страдали в плену. Вы должны мне кое-что объяснить.

– Я и рассчитываю это сделать. А пока что мне любопытно узнать, как вам удалось добраться сюда. Ведь до сих пор ни одна экспедиция не смогла улететь дальше Марса.

Хжелмар мрачно усмехнулся.

– А мы нашли записную книжку ваших здешних друзей. И когда захватили одно из их убежищ, то нашли там замедляющий препарат. Мы исследовали состав и смогли синтезировать. Вот его-то мы и использовали, чтобы сократить потребление пищи и воздуха во время долгого полета.

– Надеюсь, вы не держали своих людей под ним непрерывно? – с тревогой спросил Коррелл.

– Не непрерывно, но длительные периоды.

– И не произошло никаких несчастных случаев?

Глаза Хжелмара на миг затуманились.

– Парочка, – признался он. – Один человек впал в кому, из которой мы не смогли его вывести, а другой так и остался замедленным. Кажется, этот препарат обладает постоянным эффектом.

– Я ожидал чего-то в этом роде, – сказал Коррелл. – А теперь, добро пожаловать, нормальные люди...

Хжелмар вспыхнул от гнева.

– Не называйте меня так! – проревел он.

– Прошу прощения. Во всяком случае, добро пожаловать в нашу колонию, которую вы завоевали.

– Мне приказано установить здесь постоянный охранный пост,

чтобы поддерживать порядок, и увезти зачинщиков бунта домой. И вы полетите с нами, Коррелл, для расследования всех ваших действий.

– Я буду рад рассказать вам обо всех моих действиях. И совсем не возражаю против возвращения на Марс, но сперва вы должны узнать кое-что для вашей же пользы.

И он рассказал Хжелмару, что произошло с Паппасом.

– Вы пытаетесь сообщить мне, – недоверчиво проворчал гигант, – что наша проблема уже решена? Мы-то ожидали трудностей именно с группой Р.

– Никаких проблем больше не будет. В скором времени каждый человек сможет переходить в то состояние, в какое ему захочется. Я признаю, что это потребует дополнительных исследований, прежде чем мы добьемся результатов, но теперь, когда мы знаем, что такие переходы возможны, это лишь вопрос времени.

– Это как переключение скоростей в древних двигателях внутреннего сгорания, – проворчал Хжелмар.

– Верно, – кивнул Коррелл. – Каждый из этих типов людей может жить в окружающей среде, которая убьет других. Если обычный человек довольно долго болеет с высокой температурой, то обычно он умирает. Повышенная температура ослабляет тело и может стать фатальной. Но человек ускоренного типа прекрасно приспособлен к высокой температуре. И это поможет ему вылечиться. А вот если его быстро охладить и дать при этом замедляющий препарат, он перейдет в замедленный тип.

– Это верно, что у группы Р более высокая температура тела, а у медленных людей – более низкая, – согласился Хжелмар. – Но я бы не сказал, что изменение температуры вызывает переход из одного типа в другой.

– Не само по себе, – пояснил ему Коррелл, – а комбинация температурного и химического воздействия на организм. Иногда такое переключение происходит случайно. А также, иногда человек переходит в нейтральный тип.

– Нейтральным вы называете состояние комы?

– Это – самое близкое состояние к полному отсутствию движения. Но организм при этом все еще жив.

– А почему вы говорите всего о трех типах состояния организма? – рассмеялся Хжелмар. – Почему их не может быть четыре, пять или еще больше?

– Почему бы и нет? – серьезно сказал Коррелл. – В будущем мы это узнаем. А в настоящее время мы должны быть очень осторожными. Мы еще не научились как следует переключать организм, а поспешность в таких делах можно убить пациентов. Но мы станем учиться, и затем... Вы понимаете, Хжелмар, чего мы сможем тогда достичь? Мы будем управлять своим телом. Это будет похоже на переключение скорости самого времени. Мы сможем ускорять и замедлять все процессы Вселенной, происходящие вокруг нас. Подумайте, какую этот даст нам власть.

– Я не уверен, Коррелл, что мы вообще получим здесь преимущества. Ускоряясь, мы живем быстрее, но меньше.

– Меньше мы живем лишь по стандартам других людей, – возразил Коррелл. – Но постепенно мы научимся жить дольше. Но я думаю, что это новое средство поможет нам приспособливаться ко всем ситуациям, которые иначе просто убьют нас. Мы сможем использовать каждый тип для своей цели. Когда возникает чрезвычайная ситуация, требующая мгновенных действий, мы будем переключаться в быстрый тип. То же самое мы сделаем при радиации, высокой температуре или избытке кислорода в атмосфере. Но медленный тип может стать еще полезнее. Лишь с крохотным знанием о нем вы уже сумели достигнуть Ганимеда. А в будущем мы сможем подумать о колонизации Сатурна и всех других планет, которые прежде были нам недоступны. Мы также сможем покинуть Солнечную систему и достигнуть звезд, которые находятся на расстоянии миллионов световых лет отсюда. Мы станем

путешествовать в нейтральном или медленном типе. Нам открыта вся Вселенная, и не будет пределов нашей власти.

– Не слишком упивайтесь такими фантазиями, – сухо сказал Хжелмар. – Лично я подумал об одном преимуществе переключения скоростей, мимо которого вы прошли.

– А именно?

Хжелмар махнул рукой в сторону столпившихся колонистов, следящих за их беседой.

– То, что эти мужчины смогут, наконец, сбрить бороды.

Коррелл рассмеялся. Мыслями он весь был в будущем. Человеческая жизнь станет бесконечно более сложной, но так же и бесконечно более богатой возможностями. И имелась еще одна причина, которую он не мог откладывать.

Коррелл искал Медлану и нашел ее поблизости. Напряженность покинула девушку так же, как и остальных. На космодроме остальные корабли Хжелмара заходили на посадку, сетуя по рациям на толчею, потому что космодром не был приспособлен к одновременному приему стольких кораблей. По небу плыл Юпитер, окруженный, как всегда, спутниками. Недавние магнитные бури давали о себе знать лишь короткими язычками света, временами все еще срывающимися с горных вершин. Ганимед возвращался к норме.

– Теперь придется тащить все обратно с гор, – вздохнула Медлана, – а это опять куча работы. Знать бы заранее, что ничего не произойдет!

– В первую очередь надо привезти обратно в больницу наших коматозников, – напомнил ей Коррелл.

– Включая Арвона, – кивнула она. – Вот он разъярится, когда очнется и узнает, что произошло, пока он валялся без чувств.

– Мне кажется, – сказал Коррелл, – что он не станет слишком уж возражать. Ведь теперь он может пересмотреть решение, ко-

торое принял раньше, и вернуться к той девушке на Земле – или на Марсе? – которую любил.

– Та девушка в настоящее время уже стала бабушкой, – сказала Медлана. – Ведь это произошло пять лет назад по нашим стандартам. А по вашим и ее – пятьдесят.

– Тогда он сможет влюбиться в ее внучку. Или в чью-то другую внучку, потому что теперь бесспорно, что ему нет смысла любить вас.

– Я не уверена в этом, – с сомнением сказала Медлана.

– Я... я понял, что могу теперь жениться на тебе, – запинаясь, пробормотал Коррелл. – И так, как мы больше не принадлежим к различным типам людей, ничто не стоит у нас на пути. Это еще одно преимущество наших недавних открытий, о котором я не рассказывал Хжелмару. Но я раздумывал об этом все время, пока говорил с ним.

– Ты все еще очень замедленный, – пробормотала Медлана. – Еще медленнее, чем когда-то была я. Я подумала об этом гораздо раньше, еще до того, как приземлился его корабль.

– Может, я и замедленный, – не стал спорить Коррелл. – Но, в конечном счете, я добиваюсь результатов.

Он обнял ее за талию и привлек к себе. Но тут с одной из ближайших горных вершин к Юпитеру вознесся громадный меч яркого пламени.

Медлана отпрыгнула от неожиданности и вырвалась из объятий. Коррелл рассмеялся, и девушка возмущенно сказала:

– Ну, и что ты увидел здесь смешного?

– Кто сказал, что электрические бури на Ганимеди идут к концу? – спросил Коррелл. – А по-моему, они только начинаются.

Space Stories, 1953, № 4

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ВНУТРЕННИЕ МИРЫ

Самое важное в Рэльдо было не то, кто он такой, а то, что он прекрасно знал, кто он такой. Он знал, в каком мире живет, и привык принимать все как очевидное.

А сейчас он проголодался, и поскольку было мало шансов, что еда сама придет к нему, он решил, что должен отправиться к ней сам. Он бросился в мутный красный поток, струящийся между бледными узкими стенами, и позволил нести себя, пока тот не стал иссякать. Когда же поток замедлил свое движение и стал растекаться по сети узких каналов, он поплыл сам и, наконец, выполз из воды и растянулся на мягкой земле. Его склад находился совсем близко, и одна мысль об этом пробудила аппетит.

Но только он добрался до склада и начал питаться, как его настигла вибрация.

– Рэльдо, это звонит Пенко. Вы где?

– Я питаюсь, и не хотел бы, чтобы меня тревожили.

– Извините, но это невозможно. У нас гости. Захватчики.

– Захватчики? Какого вида?

– Совершенно незнакомые, – сказал Пенко. – Мы никогда не сталкивались с такими прежде.

– Они – эндос?

– Не говорите глупости. Если бы они были эндос, у нас не возникло бы никаких проблем. Эндос нам не конкуренты.

– Ну, да. И насколько они большие? Больше, чем наши миры?

– Я думаю, меньше. К сожалению, у нас нет точной информации.

– Ну, и что вы хотите, чтобы я сделал?

– Передайте сообщение и займите свой наблюдательный пост. Мы должны узнать о них побольше.

– Вы не знаете, они опасны?

– И опять-таки, нет никакой точной информации, но мне кажется, что в этом нет никаких сомнений. Они должны быть очень талантливыми, иначе не добрались бы до нас из космоса. Это, во-первых.

– Звучит весьма логично, – признал Рэльдо.

– А если они талантливые, то они опасны. Наши миры не такие талантливые.

– Тоже верно. Хорошо, Пенко, я передам сообщение и сделаю все, как вы говорите. Сразу же, как только поем.

– Так ешьте быстрее. Это же важно!

– Как и моя еда. Вы же не хотите, чтобы я умер от голода во время наблюдений.

Пенко отпустил кислое замечание в том духе, что на это мало шансов у такой жирной свиньи, как Рэльдо, но Рэльдо его больше не слушал. Он снова питался. И размышлял.

Как сказал Пенко, конкурирующие эндос вообще не являлись проблемой. Они еще не встречали конкурентов, обладающих хоть сколько-нибудь серьезным разумом, а когда дело доходило до раскрытия карт, разум оказывался единственным, на что можно рассчитывать. Нет, реальная опасность крылась в том, что они давно предвидели и с чем теперь, наконец, столкнулись – враги из космоса. Оставался единственный вопрос, насколько умны и насколько враждебны эти враги. Вероятно, они, по меньшей мере, настолько же умны, как Рэльдо и его друзья. И они тоже наверняка контролировали свою среду обитания в той степени, в какой не способны никакие эндос.

Рэльдо не собирался торопиться, но мысль об опасности за-

ставляла его есть быстрее, чем обычно, и он лишь надеялся, что расстройство желудка не заставит его раздуться больше нормы. Размышляя об этом, он уже двигался от склада к мягкой земле и дальше, снова в грязный поток. На этот раз он позволил отнести себя к перекрестку с другим потоком, где и свернул на него. Пока он плыл, то стал вызывать остальных – сперва Кверо, затем Зерко и Йерло. И он знал, что теперь они тоже спешат к своим наблюдательным пунктам.

Заключительная часть пути проходила по довольно сухой территории, по узким коридорам, протянувшимся запутанным маршрутом вверх и вниз по холмам. Такой переход сбил бы с толку любого, и даже Рэльдо был вынужден остановиться и отдохнуть перед последним коридором.

Но отдыхал он не долго. Земля под ним задрожала, и он понимал, что это значит. Его мир пришел в движение. И он должен увидеть, что происходит.

Он добрался до экрана и устроился в обычном удобном месте для отдыха. Изображение на экране менялось, иногда очень медленно, иногда быстро. Но довольно длительное время не появлялось ничего незнакомого ему. Пространство выглядело, как и всегда, достаточно интересно, по нему ежесекундно пробегали буйства и взрывы красок, но они были не опасными.

А затем, наконец, появилось что-то новенькое. То, что он никогда не видел прежде в космосе. Изображение было маленьким, далеким, не увеличивалось, и быстро исчезло из поля зрения. И не появилось опять.

Затем земля под ним яростно задрожала. Рэльдо не нужно было раздумывать над тем, что происходит. Его мир заметил странный новый мир и бросился бежать.

Он стал вызывать Пенко, чтобы сообщить ему об увиденном. И с тоской осознал, что прошло уже много времени. Он снова проголодался.

Однако, он знал, что на этот раз не может покинуть свой пост. Так что лежал и страдал. Он чувствовал, что с каждой секундой становится меньше. Я сжимаюсь, уныло сказал он себе, я теряю силы. Его ненависть к захватчикам из космоса, которых он обвинял в своих мучениях, все росла и росла.

Группа людей из корабля, выбравшая место для лагеря, были сытыми и всем довольными. Земля здесь казалась относительно безопасной, и тонкие металлические листы, которыми они, как обычно, покрыли ее, служили надежной защитой. На лесной поляне быстро воздвигли с полдюжины построек из металла и пластика, обеспечившие рабочие места, более удобные, чем на корабле, но помещения в них еще были никем не заняты. Люди поселятся тут лишь после того, как вся область вокруг будет полностью дезактивирована.

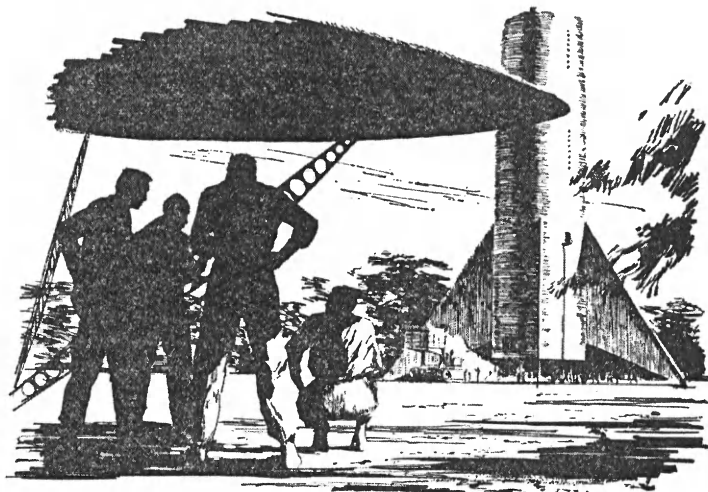
Главный инженер Маккензи, маленький жилистый человек, не любивший вынужденное безделье, нетерпеливо сказал:

– Мне и моим людям здесь пока что нечего делать. Сейчас здесь работа биологов, и я хочу, чтобы они поскорее занялись ею.

– Ну, здесь не много работы для таких ученых мужей, – пожал плечами капитан Гонзалес. – Эти люди учились – и преподавали – в лучших университетах. А вы что думаете, Чао?

Чао, высокий, светловолосый человек с румяным лицом, сам раньше был преподавателем, прежде чем занял нынешний пост, и сохранил профессорские манеры. Непроницаемо спокойный, он серьезно произнес:

– Пожалуйста, не стоит недооценивать проблему, капитан. Теоретически, верно, самым простым методом было бы начать охоту на местных обитателей. И, рано или поздно, это привело бы к успеху. Но, к сожалению, это может произойти поздно, а не рано. Насколько я понимаю, Совет распорядился сделать эту планету пригодной для жилья как можно быстрее.

– Да, нужно спешить, – сказал капитан. – И я думаю, вы правы насчет охоты. Если мы начнем гоняться за животными по всей планете, этому не будет конца, особенно когда они поймут, что мы опасны.

– Ну, это меня тревожит меньше всего, – сказал Чао. – Трудность здесь в том, что чем больше мы станем убивать, тем меньше разновидностей живых существ останется, и все труднее станет выслеживать этих немногих оставшихся. А пока хоть одно животное остается в живых, планету вряд ли можно считать безопасной для нас.

– Что же вы предлагаете, Чао? – спросил капитан. – Яды?

– Нет, никакой отравы. Даже самые глупые твари вскоре научатся ее избегать. Я предлагаю, капитан, уничтожить всю здешнюю

жизнь одним ударом. Раз мы должны начать здесь биологическую войну, то и вести ее следует биологическими средствами.

– Не нравится мне это, капитан, – покачал головой Маккензи. – Любое биологическое оружие, которое мы используем, может обернуться против нас.

– На это мало шансов, – удивленно улыбнулся Чао. – Здесь обитают теплокровные животные, как и мы, но температура их тел всего лишь не выше тридцати градусов. Любой микроорганизм или паразит, приспособленный к такой среде, не выживет в нас. И состав крови здешних обитателей совершенно отличен от нашего. Она основана на соединениях кобальта-урана, и любые микроорганизмы, опасные для них, будут безопасны для нас.

– Все это кажется разумным, – по-прежнему подозрительно сказал Маккензи. – Но все равно, мне это не нравится.

– Мне тоже, – нахмурился капитан Гонзалес. – Но если это – единственный способ, то мы вынуждены воспользоваться им. Ну как, Чао, у вас в запасе есть микроорганизмы, которые могли бы добиться здесь успеха.

– У меня таких с полдюжины, и хотя бы один должен подойти.

– И как вы используете его?

– Заманим в ловушку видов двадцать мелких животных. По крайней мере, несколько из них вроде бы используются в пищу более крупными, которых мы хотим истребить. Мы заразим мелких тварей нужными паразитами и отпустим. Думаю, получится рассчитать так, чтобы распространить болезнь быстро и эффективно.

– Но все-таки я не желаю рисковать. Я хочу, чтобы вы провели полные исследования, прежде чем приведете свой план в действие.

– Любые исследования, которые я провожу, всегда полные. Пары дней будет достаточно.

– Тем временем, Маккензи, – продолжал капитан, – может, пока что вы дезактивируете те области, которые эти животные сделали непригодными для жилья?

– Не стоит этого делать, капитан. Пока что у нас достаточно много места для больших поселений. Другие области, где счетчик Гейгера показывает слишком высокий уровень радиации, постепенно дезактивируются сами. Дожди вымывают из почвы уран.

– Но дожди идут не так уж и часто, – проворчал капитан Гонзалес.

– Они пойдут чаще, если мы предотвратим новое загрязнение. Мы только должны держать животных по отдельности, пока не закончим с ними со всеми. И если кто-нибудь из них здесь сдохнет, необходимо обнаружить тело и перевести к общему месту погребения. А со временем, – добавил Чао, – мы уменьшим возможность нового загрязнения, быстро уничтожив их. Быстрота, – добавил он профессорским тоном, – очень существенна для нас.

Гонзалеса раздражали академические манеры Чао. В них так и слышалась снисходительность, словно взрослый объяснял ребенку простейшие вещи.

– Не стоит продолжать убеждать меня, – буркнул он. – Лучше готовьте свой вирус или бациллу, не знаю, что там у вас.

– Ни то и ни другое. Это простейшие паразиты.

– Неважно. Поскорее готовьте их. Чем быстрее начнется эта бойня, тем лучше.

Муки голода все усиливались, поскольку Рэльдо сокращался в размерах. Но он не покидал свой пост, пока не возникла реальная опасность гибели. Тогда он сказал сам себе:

– Мертвый эндо – бесполезный эндо. Я ничего хорошего не добьюсь, продолжая оставаться здесь. Мне нужно срочно поесть и вернуться большим и здоровым.

THE MAGAZINE OF

**Fantasy and
Science Fiction**

Every story
in this issue **NEW**

35¢

APRIL

WILLIAM TENN

FRITZ LEIBER

C. M. KORNBLOTH

WILLIAM MORRISON

И он начал свой долгий путь к складу.

Теперь он двигался с меньшей уверенностью, потому что явно ослабел. По человеческим меркам, в самом большом, сразу после хорошей еды, состоянии он был чуть больше полудюйма в диаметре и толщиной около трех восьмых дюйма. Теперь же его сплюснутое тело приняло форму эллипсоида в семь шестнадцатых дюйма по длинной оси, а толщина и вовсе стала незначительной. Реснички едва шевелились, когда он полз по почти совсем высохшей земле. А когда он пустился в плавание, то подумал, что они будут и вовсе бесполезны.

Нет, сказал он себе, больше я никогда не стану так делать. Или я найду, что съесть по пути, или грохнусь в обморок. А у меня нет сил даже на то, чтобы установить связь с Пенко и остальными.

Он остановился, чтобы передохнуть, прежде чем сползти в канал, по которому приплыл к экрану. Отдохнуть и подумать. Я не смогу плыть, подумал он. Мне нужно чем-то наполнить себя. Пища это или нет, но что-то я должен съесть. Возможно, чисто психологический эффект придаст мне сил.

Он погрузил питательную трубку в землю. «Тьфу!» – выругался он мысленно. Вкус был неприятным, пищевая ценность того, что он поглощал, сомнительной. Рэльд был эндопаразит и, хотя жить мог, где угодно в пределах громадного тела хозяина, но эффективно поглощать пищу он мог только от органа, подобного печени, который рассматривал, как свой личный склад. И еще из одного источника, тоскливо подумал он, который в недавнем прошлом сделался недоступным.

Тем не менее, он вынудил себя поглощать горький материал из земли, пока немного не раздулся. На мгновение он действительно почувствовал, будто силы вернулись к нему, смело погрузился в красновато-коричневый поток и поплыл вперед.

Но чувство силы продлилось недолго. Его вытеснило ощу-

шение вздутости, сопровождаемой обиженным голодом. Особенная усталость охватила его. Без вопросов, он чувствовал себя даже хуже, чем прежде. И если прежде он должен был продвигать вперед свое истончившееся тело, то теперь вместе с ним пришлось тащить массу инертного материала. Вот же дурак! – подумал он про себя. Нельзя есть то, что он явно не способен переварить. Единственное, что оставалось делать, это извергнуть все обратно.

Так он и сделал, и почувствовал себя лучше. Но он знал, что шансы добраться до склада остаются практически нулевыми.

Я глуп, подумал он, все мы, эндосы, глупы. Мы так заняты использованием своего разума, что в итоге обманываем сами себя. Наши далекие предки не думали, что они умны, но были достаточно разумны, чтобы никогда не уходить далеко от своих складов. И они не страдали от голода – если не голодали их хозяева. А если хозяева умирали от естественных причин, то разве мы можем предотвратить это сейчас со всем своим разумом? Или если...

А это что? – внезапно спросил он себя. Дрожь нетерпения пробежала по всему его телу. Что-то не так с потоком. Разрушенные клетки, странные химикаты в жидкости. Здесь есть что-то, чего не должно быть. Захватчик! Эндо-конкурент! То есть редкая, восхитительная еда, которую он так давно не пробовал.

Забыв о слабости, он с суперсилой рванул вперед, по следам захватчика, начерченным химией в кровотоке. И у изгиба мелкой артерии он нашел его. Маленькое одноклеточное животное, более крупное сейчас, чем его съевшееся тело, но все равно несравнимое с ним. Даже ослабленный, как сейчас, он легко победит врага вдвое крупнее себя. Чем больше враг, тем больше еды.

Он налетел, не давая врагу время все обдумать. Впрочем, он тут же понял, что это не имеет значения, потому что у того все равно отсутствовал разум. Быстрая схватка, затем крошечный разряд радиации высокого напряжения, и захватчик парализован. Рэльд тут же стал поглощать его.

На этот раз сила, наполняющая его тело, была реальной, основанной на энергии, полученной из питательных веществ, а не из ложных надежд. Поев, он стал энергично продвигаться вперед. Теперь, думал он, нет никакого вопроса, доберусь ли я до склада. Доберусь, причем скоро. И начну объедаться! Я наполню себя до упора...

Но ему не удалось достигнуть склада. Он ощутил еще более сильный аромат этого странного химиката. Еще один захватчик. Новый источник еды, доступный даже в большем количестве, нежели он ожидал.

Как и первый, он не стал для Рэльдо проблемой. Ни этот, ни последующие. Какое-то время Рэльдо носился по каналам, накидываясь на захватчиков и переваривая, пока перемещался в поисках следующих. Затем он поплыл медленно, так же медленно, как тогда, когда умирал с голоду. Затем он победил еще одного захватчика и остановился. Тот был парализован и беспомощен, но Рэльдо уже не мог его съесть. Все. Он раздут до предела. При одной только мысли о складе и еде ему стало плохо. Он был настолько сыт, что едва мог мыслить.

Настало время вызывать Пенко, лениво подумал он. Настало время сообщить ему, что происходит.

– Пенко? Привет. У меня для вас новости.

– Я для вас больше не Пенко. И это у меня новости для вас. Где вы были? Я пытался связаться с вами.

– Я голодал. Какое-то время я думал, что умираю. Я даже не мог добраться до склада. А потом появился захватчик.

– Захватчик! Вы так говорите, будто проглотили их дюжину!

– Если не больше. Ах, Пенко, мне так хорошо. Я раздут до предела, но мне хорошо. Считайте, что я решил подремать.

– Вы свинья! Вы слишком нажрались, чтобы думать. Я уже сказал, что я больше не Пенко. Вы не понимаете, что это значит? Пре-

кратите думать о своей натянутой шкуре и подумайте ради разнообразия о чем-нибудь другом. Например, о нашей расе.

Бедный Пенко, лениво сказал себе Рэльдо. Он не придумал ничего лучшего, чем проповедовать переполненному эндо. Я удивлюсь, если у него есть что-то важное.

– В чем дело, Пенко? – спросил он. – Вы что, голодны? Не хотите ли полакомиться захватчиком?

– Я уже полакомился захватчиком. Я съел их пару дюжин.

Это проняло Рэльдо.

– Что? Вы шутите?

– Нет, не шучу. Вероятно, еще пара дюжин плавает в вашем мире прямо сейчас. Вы должны избавиться от них прежде, чем они размножатся. Делайте, что я сказал. Если вы станете ждать слишком долго, они убьют ваш мир.

– Но я настолько сыт... Я чувствую себя таким ленивым...

– Вы знаете, что будет с вами, если ваш мир умрет. Спешите, нельзя терять ни секунды.

Он прав, подумал Рэльдо. Он неприятный зануда, но он прав. Это вопрос жизни и смерти. Моей жизни и моей смерти.

Пенко больше не Пенко. Конечно. И теперь Рэльдо не может быть Рэльдо. Как жаль, ведь Рэльдо сейчас так хорошо...

И он стал преобразовываться в быструю охотничью форму. Его кожа изменила структуру, тело стало вытягиваться. И через несколько секунд он стал длинным, проворным, змееподобным существом длиной более двух дюймов, созданным для скорости. И он снова был голоден. Первое, что он сделал, это съел захватчика, которого парализовал прежде, но не смог употребить.

А затем устроил охоту на остальных. Он несся по каналам. Его химические датчики были теперь в десять раз чувствительнее прежних. Вероятно, захватчики быстро размножились за то время, которое он по глупости дал им, но теперь это прекратится. Пер-

вым делом он направился через все жизненные места – органы хозяина, самые чувствительные для нападения, и очистил их как можно быстрее, избавив от дюжины захватчиков.

Его новая форма тоже начала чувствовать себя раздутой, но он знал, как с этим справиться. Сейчас он не мог позволить себе быть ленивым. Он разделился на два дисковидных существа, таких же, каким был прежде, и они сразу же стали преобразовываться в змеиную форму. В момент расщепления у каждого оказывались все знания и воспоминания, которыми обладал он предыдущий. Теперь их звали Рэльдо I и Рэльдо II, и им не нужно было совещаться, чтобы решить, что делать. Они поделили между собой оставшиеся органы, и каждый помчался в своем направлении, преследуя вторгающихся паразитов.

Немного позже, встретившись снова, они сообщили друг другу о полной уборке. Рэльдо I сожрал двадцать одного паразита, а Рэльдо II – шестнадцать. Теперь они уже не были идентичными близнецами и не могли думать одинаково.

– Что станем делать теперь? – спросил Рэльдо II.

– Я остаюсь, – сказал Рэльдо I, – а ты совершишь самоубийство.

Рэльдо II отодвинулся от него.

– А почему это я?

– Потому что в одном мире есть место лишь для одного из нас. Ты же знаешь, что я прав. Все законы на моей стороне. Я проглотил больше захватчиков и стал более крупным. У меня большие запасы еды. Значит, а стану меньше потреблять ее из склада.

Рэльдо II обдумал все это.

– Не спеши избавляться от меня, – попросил он. – Я еще могу пригодиться. Может, появятся новые захватчики.

– Если появятся, я справлюсь с ними.

– Могут быть и другие опасности. Захватчики появились здесь

не по собственному желанию. Их послали захватчики мирового масштаба из космоса. И мы не знаем, что будет дальше.

Рэльдо I неприязненно посмотрел на своего близнеца.

– Можешь пока не кончать с собой. Но не думай, что останешься здесь надолго. И не думай, что найдешь способ избавиться от меня и вступить во владения моим миром.

– Я и не собираюсь захватывать его. Но мы можем наткнуться на другой мир, который мне подойдет. А тем временем, мы можем сотрудничать. Никому из нас еще долгое время не потребуется еда, особенно если мы вернемся в прежнюю дисковидную форму.

– Это идея, – сказал Рэльдо I. – Хорошо, мы преобразуемся. Но сперва ты. Я не хочу рисковать.

Рэльдо II преобразовался в диск – большой диск, намного больше того, каким когда-либо был оригинальный Рэльдо. Захватчики отличная еда, даже лучше, чем мир хозяина, и на них можно стать крупнее. Жаль, что они появляются так редко.

Увидев, что Рэльдо II стал диском, Рэльдо I последовал его примеру.

– А теперь, – сказал Рэльдо II, – нужно снова вступить в контакт с Пенко.

– Я вступаю с ним в контакт, – сказал Рэльдо I. – И, между прочим, я хочу, чтобы ты отчетливо осознал – это мой мир. И только я здесь руковожу.

– Понятно.

– А то ты высказываешь слишком много предложений.

– Я лишь пытаюсь быть услужливым, – сказал Рэльдо II.

– С этого момента не предлагай мне помощь, пока я сам не попрошу ее.

У него слишком много идей, подумал Рэльдо I. Возможно, он не такой большой, как я, но ему кажется, что он более умный. Если

он будет продолжать в том же духе, то я начну настаивать, чтобы он совершил самоубийство. А если он начнет возражать, то я помогу ему в этом. Довольно печальное зрелище, если эндо не может быть хозяином в собственном мире.

Он вызвал Пенко и получил в ответ целый хор голосов:

– Привет, Рэлько. Пенко I на приеме.

– Пенко II на приеме.

– Пенко III на приеме.

– Заткнитесь вы оба, – сказал Пенко I. – Говорить буду я. Можете слушать, если хотите, но не мешайте. Как у вас дела, Рэлько?

– Я Рэлько I, если быть точным. Я вижу, вы тоже поделились. И даже два раза.

– Было еще одно вторжение. Это единственный способ справиться с ним.

– А я как раз раздумывал, не поторопить ли своего близнеца с самоубийством.

– Возможно, потом, – сказал Пенко I, – но не сейчас. Пока что нам предстоит работа с большими захватчиками.

– У нас есть о них информация?

– Да, ее предоставили десятки эндос. Отчасти она немного запутана, но мне кажется, главные схемы ясны. Это захватчики мировой величины, прибывшие в собственном супермире.

– Вы хотите сказать, – спросил Рэлько I, – что они тоже функциональные эндос? Это невероятно.

– Я имел в виду не это. Они вообще не эндос. Кажется, они создали искусственный мир, в котором могут перемещаться по космосу. А может, и по внешнему пространству, кто знает. Однако, это только предположение. Главное в том, что им необходим этот супермир. И был найден лишь один супермир. Значит, их число ограничено.

– Ага. Но, может, они способны быстро размножаться.

– Очевидно, нет. Их число не увеличилось с тех пор, как они появились здесь. Но может увеличиться позже.

– Вы снова играете предположениями, – сказал Рэльдо I.

– Я лишь смотрю вперед, чтобы увидеть, какие опасности нам могут грозить. И пытаюсь предупредить их. У меня есть идея, что, если мы избавимся от этих захватчиков, то другие за ними не повяжутся.

– Вы принимаете желаемое за действительное, – сказал Рэльдо I.

– Возможно. Во всяком случае, если мы не избавимся от этой группы, они могут избавиться от нас. Они уже раз попытались, и попробуют еще. И, рано или поздно, они преуспеют – если мы не нанесем ответный удар.

– Но почему? Что они имеют против нас? – спросил Рэльдо I.

– Ничего. Я думаю, они даже не знают о нашем существовании. Для них опасны именно наши миры.

– Наши миры? С чего они решили, что такие глупые существа опасны?

– Тут все дело в несовместимости метаболизмов. Наши миры радиоактивны из-за высокого содержания урана. Захватчики могут существовать только при очень низком уровне радиации. Поэтому они должны избавиться от наших миров. Это же так просто.

– Просто? – спросил Рэльдо I. – Мне так не кажется. Почему мы не можем просто заставить наши миры держаться подальше от них?

– Это не поможет. Рано или поздно наши миры умирают, и их тела становятся источниками радиоактивного заражения. Они уже разнесли уран по изрядной части суши. Захватчики из космоса ограничены из-за этого в передвижении.

– Если бы у них был здравый смысл, они оставили бы нас в покое и улетели искать часть пространства, более приспособленную для них.

– Не ломайте голову над тем, что они сделали бы, будь у них здравый смысл, – сказал Пенко I. – Наша работа в том и состоит, чтобы научить их здраво мыслить. Или избавиться от них. Вот что мы должны сделать. Один из вас пусть отправляется к обзорному экрану.

– Это твоя работа, Рэльдо II.

– Хорошо.

– А ты сам отправляйся в центр управления движением. Мы должны заставить наши миры двигаться вместе.

– Когда начинаем?

– Я сообщу. Это должен быть скоординированный маневр.

– Только не слишком долго. Я не хочу опять умирать с голоду, когда получу приказ действовать.

– Не волнуйтесь, это не займет много времени.

И Пенко I прервал связь.

– Ты слышал нас, – сказал Рэльдо I близнецу. – Направляемся в голову нашего мира. И помни, не покидай экран, пока не получишь приказ.

– Можешь мне доверять, – сказал Рэльдо II.

– Доверять тебе? – сказал Рэльдо I про себя. – Ну, я еще не сошел с ума.

Нужно бы поддерживать контакт с близнецом, подумал он. У Рэльдо II все еще может быть идея украсть у него мир. Вот если бы поймать его крадущимся к складу за едой, то он знал бы это наверняка. И не было бы больше всей этой ерунды о задержке самоубийства. Я бы тут же сформировался в быструю змею и навсегда избавился от конкурента.

Но Рэльдо II не делал ничего подозрительного. Когда Рэльдо I пробирался к центру управления движением, он услышал голос близнеца:

– Я на позиции, первый.

– Прекрасно. Там и оставайся. А когда начнем двигаться, сообщишь мне, куда мы идем.

– Принято, – ответил Рэльдो II.

Пока Рэльдо II лежал возле большой и сложной сетчатки глаза хозяина, наблюдая изображения внешнего мира, проникающие через нее, его мысли подтвердили бы подозрения Рэльдो I, если бы тот знал о них. Он действительно думал о том, что можно сделать, чтобы этот мир стал его собственностью. Самоубийством в равной степени мог покончить и его близнец. У него не было слишком пылкой сыновней или братской любви, так что он предпочел бы жить, а Рэльдо I пусть умрет.

Хороший мир это существо, которое населяли сейчас оба Рэльдоды. И плохо, что в нем не хватит места для двоих.

В тяжелом скафандре из гибкого свинца, Чао с отвращением, смешанным с изумлением, смотрел через освинцованное стекло на мертвое существо, лежащее перед ним. Оно распростерлось на большой плите в одной из временных построек неподалеку от корабля. Капитан Гонзалес не допустил его на борт, и Чао его не винил. Вскрытие похожего на медведя животного семи футов длиной должно быть в любом случае грязной работой. А тот факт, что труп радиоактивен и оперировать предстояло в толстых перчатках, был еще неприятнее. Однако, это далеко не первое существо, которое препарировал Чао, так что предыдущий опыт должен ускорить дело.

Он начал резать. Тончайшие ножи достаточно легко пронзали плоть. Помощник, одетый в такой же скафандр, принимал удаленные органы, проверял их, паковал и приклеивал бирки. Второй ассистент делал пометки, а издали за всем этим наблюдали капитан Гонзалес и Маккензи.

– Ни в одном органе я не нашел повышенный концентрации радиоактивных веществ, – сказал Чао. – Уран и продукты его распада одинаково распределены по всему животному.

– Как и во всех других, которых вы препарировали? – спросил капитан.

– По существу, да. И я не могу найти ни малейших следов деятельности паразитов, которых мы ввели ему. – Он замолчал, прорезая мускулы и разделяя их по слоям. – Ага, вот что-то интересное. Мертвый паразит. Не из тех, что мы вводили, а совсем другого вида. – Он захватил дисковидную каплю в полдюйма длиной. – Позже я исследую его.

– Вы думаете, именно это вызвало смерть такого крупного существа? – спросил капитан.

– Я в этом весьма сомневаюсь. Не могу быть, конечно, уверен-

ным, но... Привет, а вот еще один! Этот похож на червя или змею. А вот что-то странное. Диск, сужающийся в змееподобный хвост. Немного напоминает головастика.

– Или гибрид из двух прежних форм, – предположил Маккензи.

– Может, и так. Возможно, это существо погибло в процессе перехода из одной формы в другую. Ну, клеточная экспертиза это покажет.

– И по-прежнему нет никаких признаков, – спросил капитан Гонзалес, – тех паразитов, которых вводили мы?

– Вообще ни одного. Я понятия не имею, что произошло. Конечно, я могу предположить разные варианты, но не смогу доказать или опровергнуть ни один из них, пока в нашем распоряжении не будет точных фактов.

– Лично я сомневаюсь, – сказал Маккензи, – что паразиты, которых мы ввели, кого-то убили. Мы же не находим этих мертвых животных больше, чем прежде. Должно быть, у них есть какая-то защита от паразитов.

– Ваша логика, Маккензи, не вполне безупречна, – отозвался Чао. – А почему мы должны находить мертвых животных больше, чем раньше? Они же не приходят к нам, чтобы умереть. Они отправляются в какое-нибудь уединенное место, где спокойно погибают.

– Давайте не будет спорить на основе одной только логики, – сказал капитан Гонзалес. – Как и вы, Чао, я всегда предпочитаю рассматривать факты. У вас есть что-нибудь серьезное?

– Я жду, чтобы получить твердые данные...

– Ждете. Но сейчас у вас ничего нет, – сказал Маккензи. – А вот у меня кое-что есть.

Все посмотрели на него.

– И вы держали это в тайне, Маккензи? – спросил капитан.

– Никаких тайн, капитан. Я молчал, чтобы не повлиять на суждения Чао. Мне хотелось увидеть, к каким выводам он придет независимо от меня. Факт, что эти существа более умные, чем мы думали.

Чао поднял брови.

– Чепуха, – сказал он. – О неразвитости их ума мы можем судить не только по их поведению, но это же подтверждает и анатомия. Это верно, у них большой мозг, но крупными и чрезвычайно развитыми в нем являются лишь центры управления мускулами. Та же часть мозга, какой обычно думают, очень маленькая и вообще не развитая. Кроме того, у этих существ нет никакой системы коммуникации, которая могла бы быть названа языком. Их голосовые органы жесткие и негибкие, способны воспроизводить лишь очень маленькое разнообразие звуков.

– Мне ничего не известно об их анатомии, – сказал Маккензи, – но вы не правы относительно того, что они не общаются. Они общаются даже больше, чем мы. По радио.

– Этот человек просто безумен, – самодовольно сказал Чао. – По радио? У них нет ни рук, ни иных внешних органов, способных создавать сложные аппараты.

– По внутреннему радио, – пояснил Маккензи. – Мой высокоученый друг, слезьте, наконец, с вашей профессорской лошади, пока она не сбросила вас, выслушайте кое-что для разнообразия, и тогда поймете. Как вы знаете, они радиоактивны. А радиоактивность, как вы тоже можете знать, это лучи разной волновой длины.

– Давайте не тратить напрасно время, рассказывая об азбуке радиоактивности, – холодно сказал Чао. – Приступайте к сути.

– Сейчас. Я подумал, что было бы интересно проанализировать электромагнитный спектр леса, который окружает корабль. Большинство животных и растений в лесу тоже радиоактивны, хотя и в несколько меньшей степени, и, если слушать на правильных длинах волн, то можно поймать целое столпотворение сигналов.

– Эта правильная длина волны, случайно, не гамма-лучи?

– В большинстве случаев, – признал Маккензи. – Однако, я зарегистрировал несколько случаев, когда гамма-лучи модулировались волнами видимого и ультрафиолетового спектра.

Брови Чао полезли вверх.

– Вы уверены? – спросил капитан Гонзалес.

Настала очередь Маккензи выглядеть самодовольным.

– Наверняка, – сказал он. – Кроме того, эти модуляции не остаются неизменными. Они то исчезают на много часов, то опять возвращаются. У них множество волновых форм, что может соответствовать лишь количеству слов в языке. И есть еще один момент, который может заинтересовать вас.

– Не томите, – сказал Гонзалес. – Выкладывайте.

– Ладно, я буду краток, – со скрытым раздражением сказал Маккензи. – У этих модуляций много источников. В их поисках я обнаружил, что они не стоят на месте, как было бы, если бы источниками были растения. И они идут не снизу от земли, как было бы, будь источниками мелкие зверушки.

– А если они лазают по деревьям? – спросил Чао.

– И они не поднимаются высоко в воздух, как было бы, будь источниками древолазы или птицы, – отрезал Маккензи. – Они находятся постоянно на высоте шести футов. Их источники – эти животные, одно из которых вы сейчас вскрываете.

Раздражение Чао достигло такой степени, что он вульгарно присвистнул, что вовсе не подобало профессору.

– Я знаю, о чем говорю, – вспыхнул Маккензи. – Радиосигналы испускают эти животные. И если бы вы более тщательно проводили ваше проклятое вскрытие, то уже сообщили бы мне, каким органом оно это делает.

– Я могу вам категорически заявить, что оно не делает этого никаким органом. Кроме того, я не нашел у него ни единого органа, каким можно осуществить что-либо подобное, – заявил Чао.

– Ну, Чао, вас слишком легко запутать, – сказал капитан Гонзалес. – Конечно же, источником несущей волны является распад урана. А животное, посылающее такие сигналы, может в какой-то степени управлять им, разделяя и комбинируя изотопы урана и, таким образом, ускоряя или замедляя ядерный распад.

– А как оно модулирует волну?

– Конечно же, химическими реакциями. Вам ведь знакома биолюминисценция? Из-за простой химической реакции живое существо испускает свет, обычно, из внешних органов. Ну, а в нашем случае волны испускаются внутренними органами, и при этом используется химическая энергия, чтобы модулировать несущую частоту.

Чао потрясенно уставился на него.

– Ей-Богу, – насмешливо сказал Маккензи, – вам приходится растолковывать азбучные истины. Это даже я знаю, а ведь я инженер, а не биолог.

– Никто не может помнить массу элементарных вещей, которые преподают в начальной школе, – запальчиво сказал Чао, явно пытаясь защищаться. – Но все равно, капитан, я не понимаю... Я не могу найти никакого органа... Секундочку! – его лицо внезапно прояснилось.

– Что-то не так, – сказал Маккензи. – Кажется, у него появилась идея.

– Конечно, у меня появилась идея. Паразиты, которых я нашел!

– Паразиты? – спросил капитан Гонзалес. – Вы думаете, это они посылают сигналы?

– Но все прочее я уже изучил. Неизученными остались лишь эти паразиты. Пришло время заняться ими вплотную.

– Займитесь ими, Чао, – сказал Гонзалес. – Займитесь ими.

Они все еще находились поблизости, Маккензи нервно расхаживал взад-вперед, когда микроскальпель Чао разрезал тонкую

клетку. Биолог поместил ее на стеклышко и стал рассматривать в микроскоп.

– Да будь я проклят...

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – проворчал Маккензи. – Однако, меня интересует не кем вы будете, а что вы там увидели.

– Нервную систему! Я понятия не имею, как оно модулирует волны, но нет никакого сомнения, что у него настоящая нервная система... или мозг, рассеянный по всей клетке, если хотите, можете назвать это и так. Вот, посмотрите пока что, а я приготовлю змееподобную штуку...

Капитан все еще наблюдал в микроскоп, когда из леса донесся странный звук. Он напоминал странный ритмический грохот, который становился все громче.

– Происходит что-то необычное, – сказал капитан, отрываясь от микроскопа. – Нужно посмотреть, что это. – И он вышел наружу.

Земля задрожала, в общем гуле различались теперь отдельные звуки – низкий рев крупных животных, охваченных яростью, пронзительные крики мелких, спасающихся бегством, треск ломающихся растений.

– На нас напали! – закричал капитан. – Все быстрее на корабль!

Он еще не успел закончить, как все побежали. Чао и Маккензи стартовали последними, но, едва они увидели, что происходит, то прибавили скорости. Из леса, прямо на них неслась стремительная волна медведеподобных существ, а за первой волной надвигалась вторая, третья... Существ, казалось, подгоняла паника, но двигались они с точностью боевых машин. Чао, не только выбросивший свой микроскальпель, и, которому сильно мешал освинцованный костюм, увидел, что Маккензи его обогнал, и понял, что никак не успеет вовремя добраться до корабля. Тогда он метнулся за дерево и растянулся на земле сразу за его стволом буквально перед самым носом летящих на него передовых животных. Тварь, мчавшаяся на

человека, остановилась, словно разочарованная, а затем развернулась и помчалась за своими товарищами. Чао, лежа в своем костюме, задыхался и потел.

Кто-то из людей выхватил оружие и стал стрелять, но капитан Гонзалес велел прекратить.

– Вам не перестрелять их всех! – крикнул он и толкнул подчиненного к кораблю.

Одно из существ, получивших пулю, пошатнулось и упало, но остальные продолжали бежать, не обращая внимания на упавшего.

Когда рев животных замер вдалеке, Чао встал и вышел из-за дерева. Остальные выбрались из корабля и подошли к нему.

– Они глупые, не так ли? – мрачно спросил Маккензи. – Да они чуть не убили нас всех.

Капитан Гонзалес оценивал повреждения. Все кругом было разворочено.

– Погибло два человека, – спокойно сказал он, – и ранено семь. К тому же, разрушен лагерь.

– Они уничтожили экземпляры, которые я изучал, – обвиняющим тоном добавил Чао, словно это стало большим бедствием, чем убийство и разрушение.

Все на мгновение уставились друг на друга. Гонзалес пожал плечами.

– С этого момента необходимо принимать меры предосторожности. Мы ведь понятия не имеем, какую форму примет следующее нападение. Вообще, происходит что-то странное.

К ним подошел один из команды.

– Капитан, – взволнованно заговорил он, – помните, Клей попал в одну из зверюг? Она не может двигаться, но все еще жива.

– Живая или мертвая, она опасна. Убейте ее.

– Минутку, капитан, – нетерпеливо сказал Чао. – Живой экзем-

пляр нам полезнее мертвого. Давайте спасем его и поместим в клетку. В свинцовую клетку.

– Зачем? И как это сделать?

– Сначала я отвечу на ваш второй вопрос, капитан. Я могу усыпить животное пульверизатором с анестезирующим средством, – сказал Чао. – Уверю вас, с этим не возникнет никаких сложностей. Что же касается вопроса «зачем?»... Ну, мне очень не хочется этого делать. Но я вынужден согласиться с Маккензи. По многим причинам. Во-первых...

– Пропустим это, – сказал Гонзалес. – Вам нужна эта зверюга для изучения. Хорошо, забирайте ее. Но будьте осторожны. Это здоровая скотина, а нам не нужно, чтобы с вами произошел несчастный случай. Вы нам необходимы в рабочей форме.

– Спасибо, капитан.

– Ничего личного. В настоящий момент вы важны для нас, только и всего.

– Небольшая ошибочка, капитан, – вмешался Маккензи. – Насчет важного на этой стадии игры. В первую очередь мы должны исследовать радиоактивные излучения от той твари. А радиация – мой конек.

Чао стал готовить анестезирующий пульверизатор, а Маккензи – собирать волновой анализатор. Немного спустя животное усыпили и затащили в прозрачную клетку из армированного сталью пластика, помещенную в стакан из оцинкованного стекла. Пока оно еще лежало без сознания, Маккензи вошел в клетку и принялся устанавливать в разных местах волновые приемники так, чтобы животное, когда очнется, не заметило их и не сломало.

– Смотрите! – внезапно завопил Гонзалес.

Маккензи резко обернулся. Большие глаза существа были открыты. Оно все еще лежало на полу клетки в том же положении, как его оставили, но теперь безучастно уставилось на него. Мак-

кензи стал отступать к двери, и голова животного внезапно повернулась, чтобы держать его в поле зрения. Затем задергались ноги, огромное животное, по-прежнему с пустыми глазами, стало подниматься, пошатнулось и ударилось о стенку клетки. Затем оно упало и опять замерло неподвижно.

Маккензи захлопнул за собой дверцу и тщательно запер ее. Потом вытер рукой вспотевший лоб и обвиняюще посмотрел на Чао.

– Я думал, вы действительно усыпили его!

– Я так и сделал. Смотрите, оно все еще без сознания.

– Но оно же попыталось встать. Не могут же его мускулы двигаться сами по себе.

– Возможно... – неуверенно начал Чао. – Возможно, те паразиты... у них есть нервная система... Нет, это слишком уж фантастично!

– Не бойтесь фантастичного, Чао, – сказал капитан Гонзалес. – Вы думаете, что они не были усыплены и управляли животным изнутри?

– Именно эта мысль пришла мне в голову, – признался Чао. – Однако, это полный бред.

– Спаси меня, Боже, от ученых, – жестко отчеканил Маккензи, – которые боятся собственного воображения. Это вовсе не бред, и я собираюсь это доказать.

Он подбежал к волновому анализатору и стал вращать ручки регулятора.

– Мы принимаем гамма-волну, – сообщил он. – И она модулирована.

– Быстрее записывайте их! – сказал Гонзалес. – Я хочу во всем разобраться.

– Я так и делаю, капитан. Минутку. Появилась вторая волна. Немного иной длины, чем первая. Сейчас я попробую определить источник... Да, кажется, я нашел. Он в другой части животного.

– В той же самой, – поправил Чао, глядя ему через плечо. – В голове.

– Да нет, есть небольшие различия. Источники волн находятся в разных частях головы. Один на задней стенке глаза, чтобы наблюдать за происходящим. Другой в мозгу, чтобы управлять движениями зверя. Вас это поражает, капитан?

– Действительно, бред.

– Это факты.

– Не прекращайте прием, Маккензи. Может, мы сумеем хоть что-нибудь понять.

– Я не вижу ничего полезного, – сказал Рэльдो II. – Тебе нужно опять повернуть голову.

– А смысл? – спросил Рэльдо I. – Я не могу поворачивать голову и одновременно управлять мускулами. Когда наш мир смотрит и перемещается сознательно, я могу легко управлять его движениями. Но я не могу контролировать одновременно дюжины разных групп мускулов.

– Ты даже не попробовал, – укоризненно произнес Рэльдо II. – Потрудись немного. Используй побольше энергии.

Используй побольше энергии, подумал Рэльдо I. Вот что тебе нужно. Чтобы я расходовал свои запасы, и ты оказался в лучших условиях, чем я. А затем ты скажешь, что это я должен совершить самоубийство, потому что не достаточно силен, чтобы сопротивляться. Ах, ты грязный...

Он позволил мускулам мира расслабиться и ушел из мозга, стараясь не испускать никакой радиации, чтобы не обнаружить своего местоположения. А потом со всей прыти направился к складу.

– Они прекратили посылать сигналы, – сказал Маккензи. – Но у меня есть идея, как заставить их возобновить передачу. А пока

что я хочу собрать автоматический анализатор, который будет преобразовывать модулированные волны в звуки. А затем нам придется разобраться в их языке.

– Но мы можем попробовать поговорить с ними на нашем, – предложил капитан Гонзалес.

– Bravo, капитан! Так и сделаем.

Рэльдо I не одному пришла в голову эта прекрасная идея. У склада он встретил своего близнеца. Они хранили напряженное молчание, пока набивали себя едой, запасов которой, как им было точно известно, надолго для двоих не хватит.

– Нужно вернуться на посты, – сказал, наконец, Рэльдо I. – На тот случай, если наш мир проснется и появится возможность убежать, мы должны быть готовы использовать это в своих интересах.

– Разумно, – признал Рэльдо II.

И они поплыли назад, каждый внимательно наблюдая за другим.

Капитан Гонзалес ломал голову, как ускорить изучение волнового языка. Когда животное открыло глаза, они с Чао стали подносить к нему разные вещи. Тем временем, Маккензи пытался уловить связь между сигналами, идущими из головы животного, и действиями людей.

– Любые паразиты, настолько умные, что способны управлять движениями своего хозяина, должны понять, что мы пытаемся сделать, – сказал Гонзалес. – Один из сигналов, несомненно, будет означать «они пытаются общаться с нами». И если они захотят сотрудничать, то мы изучим их язык в мгновение ока.

– Слишком уж большое «если», – сказал Маккензи. – Однако, попытка – не пытка.

Через некоторое время закончилось действие анестезирующе-

го препарата, мир двух Рэльдо очнулся и стал бродить по клетке. Однако, это не касалось непосредственно Рэльдо, и можно было следить за их переговорами так же легко, как тогда, когда животное находилось без сознания.

Но из его поведения последовало одно важное открытие. Когда Чао принес из леса охапку радиоактивных растений, разумеется, держа их руками в свинцовых перчатках, животное рванулось к нему и попыталось разбить преграждающий путь пластик.

– Какая странная реакция, – заметил Чао.

– Что же в ней странного? – спросил Маккензи. – Тварюга хочет жрать. А это, должно быть, то, чем она обычно питается. Отдайте ему растения.

Маккензи оказался прав. Теперь они знали, чем животное питается, и натаскали ему вдоволь еды. Когда животное наелось, оказалось, что это очень послушный зверь, которым легко управлять изнутри. И одновременно усилившиеся сигналы явно означали возросшее волнение.

– Питание паразитов зависит от их хозяина, – заметил Чао. – Они, должно быть, тоже счастливы, когда он сыт.

– Ну, раз они счастливы, то счастлив и я, – сказал Маккензи. – Поэтому что так мы можем ускорить изучение их языка.

К концу недели они предприняли первые попытки общения с паразитами. Некоторые разговоры сначала были бессмысленными или чрезвычайно запутанными, но постепенно ученые исправляли свои ошибки. Еще пара дней, и эти два мира действительно начали понимать друг друга.

– Зачем вы пришли в эту часть пространства? – потребовал ответа Рэльдо I. – Оно принадлежало нам с тех времен, когда наши предки были бессмысленными, простейшими животными. Так что оно наше.

– Оно наше, – эхом повторил Рэльдо II.

– Заткнись, Второй! Здесь говорю я!

– Мы понятия не имели, – ответил капитан Гонзалес, – что на этой планете есть разумная жизнь.

– Теперь имеете. И вам будет лучше, если вы оставите нас в покое и вернетесь туда, откуда пришли.

– Маленький свирепый дьяволенок! – прорычал Маккензи, включив микрофон. – Представьте себе размеры этой штуки, что угрожает нам!

– Возможно, – убедительно сказал Гонзалес, – мы сумеем найти способ, который позволит нам совместное существование.

– Нет никакого иного способа, кроме как вернуться в свое пространство. Само существование наших миров несет нам угрозу. Радиоактивны они сами, радиоактивна их еда, радиоактивна их среда обитания. Они распространяют радиацию. Вам придется избавиться от них ради вас самих. А это означает гибель для нас.

Все это, подумал Гонзалес, неприятно похоже на правду.

– Наш мир у вас в плену, – продолжал Рэльдó I. – Но другие миры свободны и останутся свободными. Мы станем защищаться и сопротивляться. Мы научимся управлять нашими мирами лучше прежнего и очистим от вас наше пространство.

– Это будет не так уж легко, – холодно ответил Гонзалес. – У нас гораздо большие возможности, чем вы можете предположить.

– И наши возможности больше, чем вы считаете.

Наступила неловкая тишина.

– Черт побери, – пробормотал Маккензи, – возможно, эта штука может исполнить свои угрозы.

– Я вас предупредил, – сказал Рэльдó I. – Уходите сами, а то мы выгоним вас.

Но они не ушли. Они провели несколько совещаний и отправили послание на Землю для получения дальнейших инструкций.

Время от времени они получали идущие из животного сигналы, но теперь они были совершенно непонятны.

— Они сменили код, — с тревогой сказал Маккензи. — И теперь не станут помогать нам расшифровать его.

Время от времени в лесу замечали или слышали других больших животных, но только в отдалении. Что бы ни планировали паразиты, вряд ли это будет массовое нападение, как в прошлый раз. Капитан Гонзалес укрепил обороноспособность, чтобы не оказаться снова пойманным врасплох.

Тем временем он продолжал совещаться с Маккензи и Чао. Война серьезно повредила бы обеим сторонам. Следовало сотрудничать, но сперва предстояло найти основу для взаимодействия. Какую пользу могли извлечь паразиты из сотрудничества с людьми? Чао, со своим академическим умом, начал перечислять все их выгоды.

Но трудность была не в этом.

— На самом деле, насущным вопросом, — сказал Маккензи, — является: а что мы можем получить от них?

— Ничего, — ответил ему Гонзалес. — Они лишь помеха и всегда останутся помехой. Они со своими хозяевами просто занимают землю, которую хотим заселить мы.

— В таком случае, никакое сотрудничество невозможно, — сказал Чао.

— И они достаточно умны, чтобы понимать это, — добавил Маккензи. — Именно поэтому они никогда не станут нам доверять. Они знают, что нам всегда будет мешать их присутствие, и что мы всегда будем расценивать их как неизбежное зло.

— Потому что, — сказал Гонзалес, — так оно и есть.

— Значит, вы думаете, капитан, — спросил Чао, — что война до полного истребления неизбежна?

— Так мне кажется.

– Ничего не неизбежно, – раздраженно сказал Маккензи. – Мы уже беседовали с ними. Давайте попробуем снова.

– А если они не ответят? – спросил Гонзалес.

– Тогда это будет односторонняя беседа.

– И что вы скажете? Что вы предложите им?

– Я им не стану ничего предлагать. Я спрошу, что предложат они.

– Нет, – сказал Гонзалес. – Это плохая тактика. Вы предлагаете что-то, они предлагают что-то, и, в конечно итоге, вы идете на компромисс. Но вы не можете прийти к ним без малейшей идеи, чего вы хотите.

– Конечно, нет, – согласился с ним Чао. – Это было бы признанием интеллектуального поражения.

– Вы что, хотите, чтобы мы открыли счет в интеллектуальном банке, мистер Могучий Ум? – насмешливо спросил Маккензи.

– Плевать мне на ваши насмешки, – с достоинством возразил Чао. – Мне просто нравится указывать, что академическое мышление, на которое вы привыкли клеветать, ведет к тщательному рассмотрению всех точек зрения прежде, чем прийти к ответу. Оно принимает во внимание самые различные аргументы, даже те, которые вам кажутся вульгарными и незначительными. В нашем предыдущем диалоге с этими разумными паразитами я отметил некоторые интересные явления. Во-первых...

– Пропустите это и переходите к сути дела, дружище, – огрызнулся Маккензи. – Что бы конкретное вы предложили им?

– У меня нет ничего конкретного в перспективе. Я просто сделал некоторые общие наблюдения, которые считаю уместными.

– Ничего конкретного, да? Вы вообще знаете что-нибудь, Чао? А знаете, что я думаю об академическом мышлении?

– Мне это не интересно.

– Короче говоря, все это – глупости.

И Маккензи довольно заржал, в то время, как Чао скривился с отвращением. У этого человека плебейское чувство юмора.

Но Чао не стал возмущаться. Он видел, как Маккензи управляет анализатором, и знал, что сумеет справиться с ним и сам. Отлично, подумал он, пока так называемые практичные мужи пребывают в замешательстве, я пойду дальше и снова свяжусь с этими существами. Ведь прежде, чем принимать какое-либо решение, следует собрать как можно больше информации. А кто является самым опытным сборщиком информации, как не человек с академическим мышлением и опытом? Ни Маккензи, ни Гонзалес для этого непригодны.

Гонзалес присутствовал, когда Чао предпринял попытку связаться с парочкой Рэльдо. Какое-то время он думал, что ответа не будет. Волны радиации все время регистрировались, но модулированные неизвестным кодом. Но, наконец, из анализатора раздалась осмысленные звуки.

— Что вы хотите от нас?

Его тут же прервали:

— Заткнись, Второй! Я же велел тебе не отвечать!

Чао спокойно улыбнулся. На это он и рассчитывал. Он был в контакте, по меньшей мере, с двумя существами, и еще в первый раз заметил, что между ними присутствуют разногласия. Если умело стимулировать их, то результаты последуют быстро.

— Твои распоряжения больше ничего не значат для меня, Первый, — сказал Рэльдо II. — Что вы хотите, Внешний Мир?

— Хочу обсудить с вами кое-какие дела для нашей взаимной выгоды.

— Мы ничего не обсуждаем с врагами, — вмешался Рэльдо I.

— Но мы не враги. Лично я нахожу, что вы, эндос, в основном весьма интересные существа — я должен сказать, люди, — уважают чужой разум. Конечно, некоторые наиболее глупые члены нашей группы могут захотеть истребить вашу расу. Но, несомненно,

имеются серьезные основания для того, чтобы вы жили и дальше, и я хочу отыскать их.

– Мы не зависим от вашей доброй воли, – сказал Рэльдо I. – Что бы вы ни предприняли против нас, мы выживем. И нанесем ответный удар.

– Давай, не будем спешить, Первый, – сказал Рэльдо II. – Учти, что большие размеры дают им преимущество.

– Я уже говорил, Второй, не встречай! Ты живешь лишь благодаря моему попустительству, и я передумую, если станешь и дальше вмешиваться.

– А удастся ли тебе передумать? – холодно заметил Рэльдо II. – Я, как и ты, пытался в нашем складе, но я сохранил свою энергию. И я, по меньшей мере, столь же силен, как и ты.

– Ты неблагодарный негодяй! – взъярился Рэльдо I. – Мне не следовало доверять тебе!

– Или ты должен был доверять мне больше. Твоя беда, Первый, состоит в том, что ты слишком глуп, чтобы кому-нибудь доверять. Ты можешь думать только о том, что один мир может прокормить лишь одного эндо. Но это было традицией прошлого, но никакие традиции не живут вечно. Трех Пенко удастся жить вместе, и так же обстоят дела в других группах. И я не вижу причин, почему мы не можем жить рядом с этими странными мирами. Раз они потрудились изучить наш язык, значит, их намерения не обязательно враждебны.

– Вы наиболее проникательны, друг мой Второй, – снова вмешался Чао. – Мы оба с вами дружелюбно настроены. Но я вижу, что с обеих сторон нам хотят помешать. Именно поэтому мне нужна дополнительная информация. Я знаю, как помочь вам. Но чем вы можете помочь нам?

Возникла пауза. Чао терпеливо ждал ответа.

– Мы не можем помочь вам, – наконец, сказал Рэльдо I. – И у нас нет никакого желания делать это.

– Но у нас есть такое желание, – возразил Рэльд II. – Так же, как в наших интересах сотрудничать с вами.

– В твоих интересах, – неприязненно сказал Рэльд I, – потому что это отложило бы твое самоубийство.

Весьма интересно, подумал Чао. Как я правильно понял ранее, они терпеть не могут друг друга. И Второй решительно умнее своего товарища.

– Дурак ты, Первый, – сказал Рэльд II. – Среди всех эндос ты являешься выдающимся глупцом. Ты думаешь, мое самоубийство поможет тебе? Или твое поможет мне? Если один из нас избавится от другого, как ты предлагаешь, как оставшийся сможет управлять нашим миром? Для этого нужен один эндо у экрана, чтобы видеть, куда мир направляется, и еще один у него в мозгу, чтобы управлять движениями. Двое в мозгу было бы еще лучше. А если бы имелся еще один эндо, чтобы вовремя доставлять им всем еду, исчезла бы постоянная опасность умереть с голоду, пока трудишься. Помнишь, в каком затруднительном положении мы оказались, перед тем, как встретили вторгшихся паразитов и разделились? Будь несколько эндо, этого бы не произошло.

Да он обдумывает преимущества сотрудничества, изумленно подумал Чао. Если рассмотреть ситуацию в целом, то это крошечное существо – настоящий гений!

– Но у нас нет достаточного количества еды... – начал было Рэльд I.

– Если мы сумеем лучше управлять движениями нашего мира, то сможем приводить его к еде. И наш мир вполне способен прокормить нас четверых.

Рэльд I замолк. Он мог под влиянием традиций и опасений выставить себя в глупом свете, но дураком он не был. И теперь все обдумывал.

– Все, что вы сейчас сказали, Рэльд II, соотносится с урока-

ми нашей собственной истории. Когда-то на нашей родной планете лишь несколько сотен тысяч особей могли выжить на одном континенте, но мы научились поддерживать там жизнь миллиардов. Не обязательно придумывать лучшие способы находить еду. Гораздо выгоднее научиться выращивать растения, которые послужат пищей.

– О, ты слышишь, Первый?

– Мы могли бы помочь вам в этом. Мы разделили бы эту планету между нами. Мы проследили бы, чтобы растения, в которых вы нуждаетесь, росли бы только в тех областях, где высокая концентрация залежей урановых руд. И мы бы позаботились, чтобы ваши миры не разносили уран по нашей части планеты. Ваши животные-миры тоже не проиграют. На квадратной миле пространства их могло бы жить больше, чем теперь их живет на тысячу миль.

– И в каждом мире жило бы много эндос! – подхватил Рэльдо II.
– Ты слышишь, Первый?

– Слышу.

Наступила минута молчания, пока Рэльдо I все обдумывал.

– Кажется, это неплохо, – неохотно согласился он, наконец. – Мы можем извлечь из этого много пользы. Остается вопрос, что получат от нас эти внешние миры? Какую пользу мы можем принести им, чтобы они всегда были готовы помочь нам?

– Могу я задать вопрос? – спросил Чао. – Ваши отношения с существами – мирами, в которых вы обитаете, – являются паразитарными. Вы живете за их счет, разве не так?

– Не так, – ответил Рэльдо II. – Они служат нам, но и мы служим им.

– Ага, именно это я и хотел узнать. Значит, подлинное описание ваших отношений не паразитизм, а симбиоз. Вы живете вместе ради взаимных преимуществ. Я был бы благодарен, если бы вы перечислили их.

– Это просто, – быстро ответил Рэльдो II. – Во-первых, мы защищаем хозяев от вторжения вредных эндос.

То, что он сказал «во-первых», покорило сердце Чао.

– Только недавно, – продолжал Второй, – мы уничтожили армию маленьких захватчиков из космоса.

Так вот что произошло с теми паразитами, которыми я попытался заразить больших животных, подумал Чао.

– Мы также отыскиваем опасные опухоли, – продолжал Рэльдो II, – и уничтожаем их, прежде чем они разрастутся. Мы способствуем росту здоровой ткани, если она случайно повредилась, а также стимулируем метаболизм всего организма, когда он чересчур понижается.

– Действительно, вы играете весьма полезную роль, – медленно произнес Чао, и затем сделал паузу.

Ему в голову вдруг пришла самая очевидная и в то же время самая замечательная мысль, столь естественная и одновременно столь смелая, что он не сразу решился обдумать ее. Но воспоминание о Маккензи подтолкнуло его к этому. По мнению Маккензи, академическое мышление слишком робко, академическое мышление вечно боится делать заключения? Тогда только вперед, и будь что будет!

– Возможно, – сказал он, наконец, – вы таким же образом смогли бы жить в симбиозе и с нашей расой.

Возникла удивленная пауза. Эта идея слишком смелая и для них, с удовлетворением подумал Чао. Значит, она будет слишком смелая и для Маккензи, когда я выскажу ее. Пусть увидит, что такое академическое мышление в действительности.

– Мы приспособлены к нашим мирам, – медленно сказал Рэльдо II. – Но наши предки свободно плавали, и мы все еще обладаем способностью жить в той странной среде, хотя и недолго. Да, я предполагаю, мы могли бы делать для посторонних миров то, что делаем для наших собственных. Возможно, мы даже смогли бы приспособиться к таким хозяевам, как вы.

– Это неприятно даже слышать! – ворвался в разговор Рэльдо I.
– Почему мы должны приспособливаться?

– Для нашей собственной выгоды, Первый. А также для их выгоды – ведь мы можем решить для них проблему радиоактивности. Правда, эти миры чувствительны к тем лучам, которые испускаем мы сами.

– Это беспокоит меня, – признался Чао. – Но я надеялся, что вы умеете управлять своей радиацией.

– Да зачем нам вообще такая проблема? – заорал Рэльдо I.

– Да, я согласен, это проблема, – сказал Рэльдо II. – Но на нее стоит потратить усилия. Чтобы уменьшить нашу радиоактивность, мы должны перейти в другую форму и в течение продолжительных периодов оставаться неподвижными, потребляя только химическую энергию. Тогда постепенно произойдет уменьшение излучения нейтронов, нейтрино и радионуклеонов. Но эту форму мы принимаем крайне неохотно.

Чао были известны нейтроны и нейтрино, но о радионуклеонах он услышал впервые, и этот новый термин ему понравился. Даже с научной точки зрения, подумал он, им есть чему научить нас. Осталось высказать заключительные аргументы, чтобы окончательно убедить эндос.

– Наша численность гораздо больше, чем численность ваших нынешних хозяев, – сказал он. – Если бы вы действительно сумели приспособиться к нам, то тоже могли бы размножиться. – А затем он добавил решающий довод. – Кроме того, ни у одной группы эндос не было бы никакой потребности совершать самоубийство из-за отсутствия пищи.

– Никаких самоубийств? Ты слышишь, первый? Никаких самоубийство ни для кого из нас! Это решает все! – выкрикнул Рэльдо II. – Я убежден.

– Очень хорошо, – сказал Чао. – Я сообщу об этом своим товарищам.

С большим трепетом в душе Чао рассказал капитану Гонзалесу и Маккензи о своем открытии. Маккензи сперва уставился на него, точно Чао рехнулся.

– Носить в себе эту тварь? – спросил он. – Всю жизнь?

– Никто вас не просит развлекать эндо, – сказал Чао. – По-моему, я заслужил честь поставить эксперимент сперва на себе – если вы можете назвать это экспериментом. Не думаю, что тут существует какая-нибудь опасность.

– Я не хочу, чтобы во мне ползали паразиты!

– Подождите, Маккензи, – сказал капитан Гонзалес, – вы еще не осознали всего. Если у вас в теле будет один из этих эндо, он станет лечить вас от всего, что вас беспокоит. Без всяких больниц, врачей и диагнозов, только эти маленькие существа. Им же ничего не стоит найти источники любых болезней.

– Правильно, капитан, – сказал Чао. – Кроме того, имеются и другие преимущества. Вы можете вообразить себе колоссальное удовольствие от бесед с таким интеллектуальным симбионтом, как Рэльд II? В будущем ни один человек никогда не останется одиноким.

– А кто одинок? – спросил Маккензи. – Если мне нужна компания, я знаю, где ее найти. Я не нуждаюсь для этого в паразитах.

Как я и ожидал, он тупой и ограниченный весело подумал Чао.

– Есть и еще, в чем могут быть полезны эндос, – сказал он вслух. – Даже в вашей собственной области. Представьте, чего вы сможете достигнуть с крошечной передающей станцией, электронным фильтром, транзистором – любым электронным устройством, только живым? Да вы бы смогли изучать то, что сейчас кажется невозможным.

– А это ваша идея? – спросил Маккензи.

– Разумеется. Не ваша же. А сказать вам, почему она не пришла в голову вам? Вы знаете, Маккензи, мое мнение о неакаде-

мическом уме, таком, как ваш? О вульгарном, ограниченном, я бы сказал, тупом умишке?

– Не вздумайте тут посориться, – вступился Гонзалес. – Вы сделали свое дело, Чао. А теперь давайте побеседуем с этими эндос.

Через несколько минут он уже разговаривал с парочкой Рэльдо.

– Мы принимаем ваше предложение симбиоза. Вы сообщите об этом всему вашему роду?

– Мы пытались связаться с ними, – сказал Рэльдо II, – но не получили ответа.

– Мы уберем изолирующий экран, – сказал Гонзалес. – Конечно, тогда нам придется носить свинцовые костюмы вблизи от вас, но зато вы сможете пообщаться со своими друзьями. – Он повернулся к остальным. – Вот и все, – сказал он и счастливо вздохнул. – Проблема решена.

– Но может, – сказал Маккензи, – другие паразиты не согласятся.

– Не будьте пессимистом, Маккензи. Они уже склоняются к сотрудничеству. Они слишком разумны, чтобы не понять, что им предлагают выгодную сделку. Даже Рэльдо I согласился, а он был одним из самых ярких индивидуалистов. Они согласятся с нами, и вам это известно.

– Мне кажется, что мы получим из этого соглашения гораздо больше выгоды, чем они.

Что касается Рэльдо I и Рэльдо II, они смотрели на это несколько по-иному. Они собирались покинуть Старый Мир, где родились, и рискнуть пойти завоевывать новые. А затем, возможно, участвовать в завоевании космоса.

Так что они явно получили гораздо больше выгоды.

Fantasy and Science Fiction, 1954, № 4

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ТЕМНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Маленький призрак сообщил, что не намерен причинять вред. Да и как такое мелкое, туманное существо, со смехом возразил он, может навредить такому большому и сильному человеку?

– Нет никакой опасности, – настаивала крошечная призрачная фигурка, с которой общался Джеральд Уэлдон. – Вообще никакой.

– Ты лжешь, – слегка печально улыбнулся Уэлдон. – Ты лжешь, как и все другие. А ведь речь идет о моей жизни.

– Нет, – настаивал его собеседник. – Мы не лжем. Мы просто

хотим, чтобы вы пришли к нам. Это нелегко, но если вы добьетесь успеха, то станете самым блестящим человеческим существом, когда-либо существовавшим.

– Вот теперь ты говоришь правду, – кивнул Уэлдон. – Я знаю, это будет кульминационный момент всей моей карьеры. Что же касается опасности, я также уверен, что ты лжешь.

И он вспомнил всех тех, кто лгал ему и кто завел его жизнь, его такую многообещающую жизнь в полный тупик, да так ловко, что даже он сам не сразу понял, как потерпел неудачу.

Первый раз он испытал шок тридцать лет назад, когда из подростка он превратился в долгоязого студента, полного жизненного любопытства и необычно сильной научной любознательности. Он закончил среднюю школу и хотел изучать химию в колледже, но не хватало денег на жизнь, так что ему пришлось устроиться подручным в университетскую лабораторию. И он считал, что ему повезло, раз ему позволили впитывать в себя научную атмосферу.

Трудясь в лаборатории, он учился сам и ставил опыты, когда студенты расходились по домам. Однажды, профессор Гэмпер, которому в то время едва исполнилось тридцать лет, обнаружил, чем занят Уэлдон, и оказал ему некоторую поддержку. Это было все, в чем Уэлдон нуждался.

Через несколько месяцев он обратился к профессору Гэмперу и показал ему несложный эксперимент, который должен был стать основой для того, что чуть позже стало известно, как реакция Гэмпера. Тогда он еще думал, что профессор Гэмпер, несмотря на то, что был слишком молод для своего высокого положения, походил на великих ученых, и одновременно являлся постоянной мишенью для студенческих шуточек – безобидный, рассеянный человек с блестящим умом, который постоянно витал в облаках чистой науки.

А позже Уэлдон прочитал о своем открытии в статье, напи-

санной Гэмпером, и услышал, как Гэмпера поздравляли другие преподаватели. Когда Уэлдон стал возмущаться, то Гэмпер сперва лишь рассмеялся.

– Что вы о себе воображаете, Уэлдон? – сказал Гэмпер. – Я открыл эту реакцию еще два года назад и с тех пор применял ее к различным реакциям.

– Но, профессор Гэмпер, вы разве не помните, что это я показал вам ее? Вы тогда еще сказали: «Как неожиданно!» И сначала вы не понимали, что там к чему... пока я... пока я не объяснил...

Уэлдон стал что-то бессвязно бормотать, окончательно сбился и замолчал.

– Мой дорогой юноша, – холодно сказал Гэмпер, – да вы страдаете галлюцинациями. Очень жаль, поскольку вы прилежно работали, но сами понимаете, опасно позволять находиться в лаборатории такому больному человеку, как вы. Вам заплатят за две недели вперед, и, боюсь, что с сегодняшнего дня вам придется искать другое место.

Это кое-чему научило Уэлдона, но одного урока оказалось ему недостаточно. Три года спустя он встретил человека, который был высокого мнения о его научных способностях. К тому времени Джеральд Уэлдон работал помощником швейцара. Он получал маленькую зарплату, но ему не о ком было заботиться, кроме себя, поэтому у него получалось откладывать деньги, чтобы купить кое-какое оборудование. В доме, где он снимал комнату, молодой человек повстречал Арнольда Клейтона, которому поверил в историю о том, что произошло у него с профессором Гэмпером. Клейтон громко возмущался, и Уэлдон почувствовал, что ему приятно сочувствие приятеля. В ответ Клейтон рассказал ему, что тоже стал жертвой наглого воровства: у него украли сюжет сценария, по которому поставили ставший знаменитым фильм.

Через два года сочувствие Клейтона принесло ему немалую

выгоду. Он запатентовал на свое имя небольшое устройство, над которым Уэлдон работал в свободное время. К тому времени, как Уэлдон узнал об этом и захотел встретиться с ним и высказать свой протест, у Клейтона уже служил дворецкий, и этот дворецкий красиво, как в кино, выкинул изобретателя из особняка.

После этого Уэлдон сделался скрытным. Двух уроков оказалась достаточно, и Уэлдон решил, что третьего не будет. Но то, над чем он работал, не могло принести ему быструю славу или миллион долларов. Когда же Уэлдон посылал свои статьи в научные журналы, их всегда отвергали. Никто даже не делал ему комплимента в виде попытки украсть его идеи.

Когда Уэлдону стукнуло тридцать, он бросил попытки стать успешным. У него зародилось смутное понятие, что есть люди, которым, несмотря на их способности, чего-то не хватает, чтобы стать богатыми и знаменитыми. Тогда Уэлдон нашел себе работу ремонтником на фабрике бумажной тары, и проработал там свыше пятнадцати лет. В свободное же время он занимался тем, что его интересовало, больше не волнуясь, заинтересует ли это еще кого-нибудь.

И вот теперь, в сорок девять лет, к своему собственному изумлению, он совершил подвиг, который, как он был уверен, затмит все его прежние научные открытия. Если бы люди только узнали о нем, то посчитали бы его самым выдающимся человеком, существовавшим когда-либо. И теперь на его пути стоял лишь страх сделать заключительный шаг, который докажет истинность его открытия. Он боялся, так как был уверен, что не сможет пережить собственное доказательство.

Его успех воплощался, если можно так выразиться, в тени, в тeneвом существе на столе. Тень была такая маленькая, что никто бы, войдя в комнату, и не заметил ее, если бы Уэлдон сам на нее не указал. Крошечное, бесформенное, темное пятнышко, едва ли с дюйм в самом большом диаметре, пульсировало перед ним, колеблясь и

меня форму, пока он смотрел на нее. Сама тень не издавала ни единого звука, а общалась при помощи аппарата, построенного Уэлдоном. Это был маленький, но мощный источник странного первичного поля, сила которого изменялась не обратно пропорционально квадрату расстояния, подобно обычному полю тяготения или электромагнитному полю, а обратно пропорционально его кубу. Обычного среднего ученого больше взволновало бы открытие этого невероятного поля, чем просто какой-то тени. Уэлдон же разволновался настолько, что первым его порывом было вообще отрицать существование всего этого.

— На этот раз я защищу свое открытие, — сказал Джеральд Уэлдон, должно быть, самому себе. — Поэтому никак нельзя спешить с доказательствами.

— Вы защитите его от нас? — в вопросе крошечной тени крылась насмешка.

— От моих собратьев, — огрызнулся Уэлдон. — Я загрузил данные в компьютер, где разумеется есть датировка, а также распечатал их. Один экземпляр подписали владелица дома и один квартирант — разумеется, они не понимали, что именно подписывают. А другой я послал заказным письмом самому себе. Оба письма я положил в банковский сейф. Да. Теперь это невозможно будет украсть.

— Все это не имеет значения. Просто придите к нам, и вся Вселенная станет считать вас самым блестящим человеком из всех когда-либо живших, независимо от того, украдены ваши предыдущие изобретения или нет.

— Возможно, за это стоило бы отдать жизнь, — глубокомысленно заметил Уэлдон. — Однако, я хочу остаться живым, чтобы насладиться славой, которую принесет моя гениальность. Я не из тех людей, что с удовлетворением мечтают о посмертной славе.

— Для чего все эти разговоры о смерти? Вы же знаете, какие мы маленькие. Даже тень, которую вы видите, сильно увеличивает нас.

Marvel SCIENCE FICTION

NOV. 25¢

THE MOST
DANGEROUS LOVE
BY PHILIP LATHAM

BRADBURY
ASIMOV
LEIBER
PRATT
GALLUN
VANCE
TENN
OTHERS

Вы по отношению к нам, – тут существо сделало паузу, и тень мерцала, пока оно подыскивало надлежащее сравнение, словно боялось, что неправильное слово вызовет у Уэлдона нежелательную реакцию, – ну, как кит по отношению к человеку, – закончило оно, наконец.

– Как кит? Ну, нет. Я гораздо крупнее вас.

– Во всяком случае, вы для нас слишком большой, чтобы мы могли вам навредить, даже если бы пожелали. Но мы даже не помышляем об этом. Вы нам очень нужны.

– Почему?

– Из-за вашей невероятной силы. Мы столкнулись с ужасным бедствием...

– С каким именно?

Целую минуту не было никакого ответа. Уэлдон терпеливо ждал.

– Вы не поймете объяснений, – сказала, наконец, существо. – Вы должны прибыть сюда, чтобы увидеть все своими глазами.

– Это не ответ. Но я не обвиняю вас в том, что вы не ответили. Вам, наверное, трудно придумать ложь, которая убедила бы меня. А если бы вы сказали правду, я мог бы догадаться, какая меня ждет опасность. Возможно, я догадаюсь о ней и без вашей помощи.

– Мы расскажем вам все в свое время.

– В вашей Вселенной не хватает энергии, – задумчиво сказал Уэлдон. – Это я точно знаю.

На этот раз ответ последовал быстро, очень быстро.

– Вам не стоит бояться. Вы не замерзнете до смерти.

– У вас там есть кислород?

– Все живое нуждается в кислороде.

– Его достаточно для такого существа, как я? Мне ведь его нужно больше, чем миллиону ваших собратьев.

– Его более чем достаточно, так что не придется экономить. Мы не испытываем недостатка ни в кислороде, ни в еде.

— Значит, я не буду нуждаться в кислороде и пище в вашей Вселенной?

— Там будет все, что вам действительно необходимо.

Уэлдон помолчал. В этот словесном поединке крошечная тень не сказала ему ничего, что бы он уже и так не знал. И Уэлдон был уверен, что она и не скажет ему ничего, сколько бы времени они не беседовали. Но он был также абсолютно уверен, что все это опасно.

Десять лет назад, когда его ожесточение против таких, как Клейтон и Гэмпер, достигло пика, он напал на след странной силы, которая и доставила ему это существо. Только в ядрах атомов ученые могли найти доказательства существования простых сил, изменяющих мощность обратно пропорционально кубу расстояния. Уэлдон подозревал, что эти силы можно зарегистрировать и использовать и на большем расстоянии, чем внутриядерные отношения, и нашел способ подтвердить свои подозрения.

Он был настолько взволнован, что на какое-то время мысли о людях, которых он ненавидел, вылетели из головы. Сначала у него появилась идея попытаться опубликовать свои результаты, но затем он вспомнил обо всех предыдущих попытках, о редакторах научных журналов, и заколебался. А потом осознал и другую причину того, почему следует быть осторожным. Пока что он обнаружил лишь начало, самый краешек чего-то совсем неизведанного. Нужно работать дальше, но для этого необходимо сложное и дорогое оборудование, на это потребуются время и силы. Если объявить о своем открытии сейчас, то другие, со своими хорошо оснащенными лабораториями и целыми командами помощников, тут же налетят и украдут у него открытие. Его имя в истории науки станет фигурировать лишь в крошечном примечании.

Вот такие размышления заставили его сохранить открытие в тайне, а вскоре после этого он уже радовался, что сделал это. Новые силы, которые он обнаружил, оказалось очень трудно иссле-

довать. Ему понадобилось целых два года до того, как он сумел увеличить их мощность за пределами молекулярных расстояний.

В этой точке он понял, что впереди его ждет еще более значительное открытие, и продолжал лихорадочно работать. Когда он его сделает, никакое другое имя в мире науки не сможет сравниться с его именем. Кража идей будет уже невозможна. Все люди ждали бы каждого его слова, как откровения гения – а в эти откровения он намеревался включить и жестокие обвинения Клейтона и профессора Гэмпера.

Но трудности были огромны, и лишь за последние два месяца ему посчастливилось их преодолеть. Но даже в этом случае, он задавался вопросом, а сколько человек поверят ему, если доказательством послужит просто крошечная тень, мерцающая на столе. И он также спрашивал себя, а стоит ли отдать жизнь, чтобы получить решающее доказательство?

Тень все еще ожидала его ответа, и Уэлдон понял, что для этого крошечного существа с ускоренным ходом времени, его молчание, должно быть, длится уже долгие часы, если не дни.

– Я вам не верю, – сказал он, наконец. – У меня уже имелся горький опыт с лжецами, и они преподали мне хорошие уроки. Но есть другие, которые вам поверят.

– Они не смогут прибыть к нам!

– Смогут, если я научу их, как это сделать. И я научу вас, как им лучше солгать, как обратиться к их слабостям. Один ищет славу и положение в обществе. Другой – прибыль...

– Мне не нужно лгать. Достаточно славы и денег. И вы тоже сможете их получить.

– Приберегите ложь для других, – заключил Уэлдон и нажал выключатель, положивший конец их беседе.

Он прикинул, что существуют два человека, которые наверняка знают, что у него есть способности, и поверят ему, если он

скажет, что обнаружил нечто важное. Этими двумя, у которых имелись все причины в мире верить ему, были... Клейтон и профессор Гэмпер.

Неделю спустя он встретился с ними. Они с большой опаской приняли его приглашение засвидетельствовать великое открытие, но все-таки прибыли. Прошедшие годы изменили их даже сильнее, чем предполагал Уэлдон. Как и его самого. Из долговязого юноши Уэлдон стал немного сутулым, но крепким мужчиной средних лет. В Арнольде Клейтоне изменения были менее приятными. Время превратило его в борова с заплывшими жиром глазками. А Гэмпер, которому уже перевалило за пятьдесят, стал лощеным администратором, который всю свою власть использовал лишь в собственных интересах.

Уэлдон поздоровался с ними, улыбаясь и всячески демонстрируя сердечность.

– После стольких лет вы могли бы ожидать, что я ожесточился, – сказал он.

– Только не я, – проворчал Клейтон.

– Ожесточились? – сказал с удивлением прежний профессор, а ныне декан Гэмпер. – Но по какой причине?

Казалось, он совершенно забыл о краже, которую совершил много лет назад.

– Я не собираюсь обсуждать это, – с улыбкой сказал ему Уэлдон.

– Вы мне написали, – сказал Клейтон, – что у вас есть нечто выгодное. Иначе бы я не стал тратить время впустую, приезжая сюда.

– У меня есть нечто невероятно выгодное. Как для вас, так и для меня. Но на сей раз я не намерен остаться в дураках. Мы все поделим на троих, причем поделим поровну.

– С чего это так щедро? – спросил Клейтон.

– Потому что у меня недостаточно денег и репутации, чтобы самому эксплуатировать свое открытие. У вас, Клейтон, есть деньги. А у декана Гэмпера есть репутация. Это и будет вашим взносом.

– И вы не боитесь, что мы вас обманем?

– Я принял меры предосторожности, так что, фактически, не боюсь. Однако, не стоит это обсуждать. Позвольте мне объяснить вам суть своего открытия.

И он быстро описал им открытие сил, обратно пропорциональных кубу расстояния. Закончив, он почти смог прочитать мысли Гэмпера, сперва недоверчивые, а затем, по мере того, как он начал верить, тут же охватывающие различные аспекты сказанного, которые можно использовать в эгоистичных целях его, Гэмпера. Клейтон, менее впечатленный научным значением того, что услышал, думал, конечно же, о деньгах, которые можно заработать на этом.

– Минутку, джентльмены, – радостно сказал Уэлдон. – Это еще не все, далеко не все. Используя эту новую силу, я нашел ключ к четвертому измерению.

И это чуть было все не испортило. Уэлдон увидел, что они вот-вот решат, что его разум не выдержал натиска долгих лет разочарований.

– Эйнштейн и его рассуждения о пространственно-временном континууме, – высокомерно бросил декан Гэмпер.

– Нет, не Эйнштейн, – возразил Уэлдон. – Речь идет о четвертом пространственном измерении, перпендикулярном к трем нам известным.

– Вы уже оформили права на какие-нибудь четырехмерные объекты? – с глумливым смешком спросил Клейтон.

– Ничего такого, что могу предъявить вам, – ответил Уэлдон. – Но я нашел новую трехмерную Вселенную. Два ее измерения

совпадают с нашими, а третье находится к нашим под прямым углом. Следовательно, любые объекты этой новой Вселенной могут появиться у нас лишь как тени.

– Занятно, – сказал декан Гэмпер, интонацией выражая полное отсутствие интереса ко всему этому. – Казалось бы, такое значительное открытие уже давно должно быть сделано.

– Так бы и случилось, если бы не две причины, – продолжал Уэлдон. – Прежде всего, масштабы этой вселенной значительно меньше наших, практически микроскопические, и в результате, тени ее объектов тоже очень крошечные. Вторая причина состоит в том, что эти тени мерцают и исчезают в тот момент, когда объект отходит в сторону. Таким образом, даже если эти тени и появлялись прежде, их или не замечали, или объясняли их появление источниками в нашем собственном мире.

– Как я понимаю, – вежливо, но таким тоном, словно все это его веселило, резюмировал декан Гэмпер, – вы научились управлять этими объектами и удерживать их в поле зрения, чтобы тени могли быть замечены.

– Вы быстро схватываете суть, декан Гэмпер, – доброжелательно сказал Уэлдон.

– Я даже могу предположить, что используемая тут сила обратно пропорциональна кубу расстояния.

– Верно. Все известные нам силы проходят только через наши три измерения. Эта же проходит через четыре и зависит от природы координат измерений.

Если декан Гэмпер пытался казаться всезнайкой, то Клейтон выглядел откровенно изумленным этими объяснениями. Однако, оба не сводили с Уэлдона глаз.

– Все это выглядит сумасшествием, – сказал Клейтон, – но давайте предположим, что вы действительно что-то такое обнаружили. И что нам с этого? В начале разговора вы намекнули на про-

мадную выгоду для нас, но не поведали нам ничего, чтобы в это поверить.

– Если все объекты такого уж маленького масштаба, – кивнул декан Гэмпер, – то, казалось бы, какая может быть ценность в этой другой Вселенной?

– Не делайте поспешных выводов, – тихо сказал Уэлдон. – Ядерные и химические реакции протекают в этом месте с иной скоростью. Мои вычисления позволяют мне предположить, что такие элементы, как, например, уран и нептуний там чрезвычайно устойчивы при всех условиях.

Две пары глаз слегка прояснились.

– Продолжайте, – попросил Клейтон. – Четвертое там измерение или нет, это становится интересным!

– Оказывается, в том мире тоже живут разумные существа. И я связался с ними. Они хотят нашей помощи и обещали взамен помочь нам.

На сей раз они оказались слишком поражены, чтобы насмеяться.

– Живые – и разумные – существа? – воскликнул Клейтон.

– И вы связались с ними? – спросил Гэмпер.

Уэлдон кивнул, наслаждаясь их удивлением и неуверенностью, которые сменили прежнее недоверие.

– Это было нелегко, но у меня все же получилось.

– Ну вот что, – сказал Клейтон, – вы должны доказать это. Вы покажете мне этих существ.

– Вы увидите их тени.

– Теней недостаточно, чтобы убедить меня, – покачал головой Клейтон.

– Но только тени могут появиться в нашем измерении. И мне кажется, вы найдете их достаточно убедительными.

Ум декана Гэмпера работал в совершенно ином направлении.

– Почему они нуждаются в нашей помощи? – спросил он.

– Хороший вопрос, декан Гэмпер. Фактически, мы намного крупнее и сильнее, чем они. Им нужна наша сила.

– А какие у них возможности? Почему они не могут помочь себе сами?

– Пусть это будет моей тайной какое-то время. Пока я не вернусь из их мира.

– Пока вы не вернетесь?..

– Разумеется. Мне нужна помощь, чтобы построить более крупный аппарат, но с деньгами, которые даст мистер Клейтон, это не займет много времени. А затем, я настаиваю, чтобы первым позволили отправиться туда мне. Имя первого исследователя новой Вселенной навечно останется в истории. И я намереваюсь стать этим исследователем, господи!

Взгляды Клейтона и декана Гэмпера на мгновение встретились. Уэлдон наблюдал за ними и понял, что его расчеты верны. Действительно, здесь трудно было просчитаться. Он следил за их карьерами и помнил многочисленные истории, связанные с ними. О людях, которые сторели заживо в одном из особняков Клейтона, пытаясь спасти ценные произведения искусства, которые Клейтон ценил больше, чем их жизни. О партнерах, которых он довел до самоубийства, как чуть было не довел самого Уэлдона. О пациентах, которые умерли от болезни, болезни, что могла бы стать излечимой, если бы декан Гэмпер направил своевременно деньги на исследование этого метода лечения, а не придержал их в своих интересах.

– Зачем кому-то нужно отправляться туда? – спросил Клейтон.

– Потому что это не может сделать никакая машина. Переход между мирами должен преодолеть лишь живой человек, ощущающий, что нужно сделать. В настоящее время невозможно переправить из нашей вселенной в другую любую неодушевленную материю. При переходе исчезнет моя одежда и обувь, а также, возможно, волосы и ногти. Но живые части моего тела пройдут без проблем.

– В таком случае, как мы можем ожидать появления чего-то ценного из того мира?

– Вся трудность в движении, а не в возвращении. Промежуток между мирами напоминает одностороннюю мембрану.

Клейтон уставился на него.

– Хотел бы я поговорить с одним из тех существ, о которых вы упоминали.

Уэлдон щелкнул выключателем, и на столе замерцала тень.

– Это оно? – спросил Клейтон. – Это не что иное, как оно?

– Да, оно. Пройдите вперед и говорите. Изобретенное мною устройство переведет ваши слова на их язык, а потом переведет на ваш их ответы.

– Послушайте, вы что, думаете, я собираюсь поверить всему этому? Положим, я действительно получу ответы. Но кто даст эти ответы?

– Вы думаете, здесь какой-то фокус? Тогда откуда здесь эта тень?

– Просто какой-то объект, помещенный перед источником света там, где мы не можем видеть его, – сказал Клейтон.

Уэлдон улыбнулся, достал фонарик и направил его прямо в лицо Клейтона. Свиные глазки сощурились и стали еще меньше.

– Прекратите светить мне прямо в глаза, – прорычал Клейтон.

– Я просто хотел убедить вас, что свет достаточно яркий, – сказал Уэлдон и направил луч фонарика на тень. Часть стола, окружающая ее, осветилась, но тень продолжала мерцать, еще более темная и четче обрисованная, чем прежде.

Лицо Клейтона побледнело.

– Замечательно! – сказал Гэмпер.

– Позвольте мне показать вам еще кое-что. У меня здесь счетчик Гейгера. Сейчас я поднесу его к тени...

Прибор быстро защелкал.

– Вы не возражаете, если я немного побалуюсь с этим? – спросил декан Гэмпер.

Не дожидаясь ответа Уэлдона, он нажал выключатель. Тень исчезла, и щелчки тут же прекратились. Гэмпер снова нажал выключатель, и щелчки возобновились.

– У существа, ждущего, чтобы вступить с вами в контакт, в теле есть нептуний. В том мире он устойчив, но мономолекулярный слой, который с моей помощью проектируется в наш мир, распадается, как обычный нептуний.

– Я все еще думаю, что это какая-то уловка, – уперся Клейтон.

– Можете доставить сюда собственный стол, если не верите этому.

– Это лишнее, – нетерпеливо сказал Гэмпер. – Я не могу представить, каким образом это можно подстроить.

– А я могу, – улыбнулся Уэлдон. – Однако, я не вижу необходимости ни в каких фокусах. Можете подойти и сами пообщаться с этим существом.

Так они и сделали. С существом разговаривал и Клейтон, и декан Гэмпер. И чем больше они беседовали, тем сильнее начинали мечтать о том, о чем Уэлдон и хотел заставить их грезить. Декан Гэмпер видел себя в роли Колумба новой Вселенной. Клейтон – монополистом по продаже урана и нептуния, которые сделают его богатейшим человеком на планете.

Уэлдон не рассказал им о том, как защитил свои открытия. И существо, с которым они говорили, позаботилось не упомянуть об этом. Кроме того, Уэлдон заранее рассказал чужаку кое-что о человеческой психологии. И на сей раз существо не стало решительно настаивать, что нет никакой опасности.

– Есть один шанс из сотни за то, что человек, переходящий между Вселенными в трудном направлении, может подвергнуться опасности, – сказала существо с кажущейся откровенностью.

– По моим прикидкам, десять шансов из ста, – сказал Уэлдон. – Но я все равно собираюсь пойти туда.

– Ради такой славы, – сказал декан Гэмпер, – это не слишком большой риск.

— За все те деньги, — добавил Клейтон, — стоит рискнуть. Вы ничего не добьетесь, если не станете время от времени делать ставки на удачу.

— Эта моя игра, — твердо сказал Уэлдон и последний раз щелкнул выключателем. — А теперь, господа, давайте начнем работать.

Если бы Уэлдон действовал серьезно, то торговля между ними продолжалась бы много часов, если не дней, до заключения соглашения. И условия, которые ему бы в конце концов навязали вышли столь же грабительскими, как и все предыдущие сделки этой парочки. Клейтон выложил на стол одну за другой пять тысячедолларовых банкнот, с драматической внезапностью сдался. Клейтон знал, что вид живых наличных оказывает на людей, не приученных к большим деньгам, парализующее действие. К тому времени, когда они разъехались, партнеры вынудили Уэлдона передать им львиную долю коммерческих прав, вытекающих из открытия.

В течение следующего месяца они несколько раз встречались в комнатах Уэлдона, пока все не было готово для первого перехода в другую Вселенную. За это время Уэлдон, используя оборудование, купленное на деньги Клейтона, построил аппарат, который, как он уверял, станет работать. На первый взгляд аппарат выглядел не диковиннее сложного радиоприемника, хотя Уэлдон знал, что ни один радиотехник в мире даже приблизительно не сможет разобрать в нем.

— Вы действительно намерены сами довести это дело до конца? — спросил Клейтон.

Уэлдон кивнул.

— Слава дороже опасности. И если быть с вами откровенным, шансы на мое возвращение даже меньше, чем десять к одному.

— Все равно я не понимаю, почему нельзя нанять кого-нибудь для такого опасного дела, — проворчал Клейтон.

— Лично я могу понять слова Уэлдона о славе, — глубокомысленно заметил декан Гэмпер. — Однако, мне кажется, эту славу вам даст уже само открытие.

– Открытие следует доказать, – сказал Уэлдон.

– Естественно. Но вы уверены, Уэлдон, что нет никакой иной причины для вашего рвения провести испытание самостоятельно?

– А что, если есть другие причины?

– Мой дорогой друг, вы с нами не откровенны, – укоризненно сказал Клейтон.

На его толстом, лоснящемся лице появилось наиболее редкое выражение: выражение сочувствия, которое Уэлдон видел последний раз двадцать пять лет назад.

Уэлдон улыбнулся и подумал, в скольких же смертях повинен Клейтон?

– Правда? – задумался он. – Можете держать пари, что я не... – он подошел к аппарату, и на столе замерцала тень. – Но я не собираюсь обсуждать это с вами. Я собираюсь договориться с одним из существ – из третьего поколения, между прочим, считая от того, с которым вы разговаривали месяц назад, настолько быстро они живут и умирают, – а затем перейду к ним.

Декан Гэмпер действовал быстро, и движения его выглядели самыми что ни на есть неакадемическими. Он достал револьвер и ударил Уэлдона рукояткой по голове. Оглушенный и истекающий кровью, Уэлдон рухнул на пол. При этом он заметил, что в пухлом кулаке Клейтона тоже зажат револьвер. Нет, он был абсолютно прав относительно них.

Вооруженные мужчины уставились друг на друга.

– Может быть, мистер Клейтон, мы пройдем туда вместе? – мягко спросил декан Гэмпер.

– Ну, это значительно лучше, чем палить друг в друга. Но вам не кажется, что сначала стоит задать этой тени парочку вопросов – без участия в этом Уэлдона?

– Естественно, – сказал декан Гэмпер и обратился к крошечному мерцанию. – Есть ли какая-нибудь опасность в переходе в вашу Вселенную?

– Ни малейшей.

Оба обменялись взглядами.

– А нам говорили, что есть, – сказал Гэмпер.

– Это было два поколения назад. С тех пор метод усовершенствован, и больше нет никакой опасности.

– Что вы собираетесь сделать с чужаками, которые придут в вашу Вселенную? – быстро спросил Клейтон.

– Мы сделаем, что обещали, – сказала существо. – Нам велели собрать все запасы плутония, нептуния и ряда других более тяжелых элементов. Они будут принадлежать тому, кто придет и сможет нам.

Глаза Клейтона заблестели.

– Целые склады, забитые самыми драгоценными из всех существующих металлов! – воскликнул он. – И они ждут, когда мы заберем их. Неудивительно, что Уэлдон хотел проникнуть туда первым!

Глаза декана Гэмпера поймали взгляд Клейтона.

– Мы отправимся вместе, – тихо сказал он, и его благородное лицо пожилого человека стало таким же жестким, как и у компаньона. – Там хватит нам обоим.

Уэлдон медленно пошевелился и застонал. Гэмпер наклонился к нему.

– Пожалуйста, дайте инструкции... А, вот они!

Инструкции лежали возле большой машины, которую построил Уэлдон.

– Подождите, не надо, – сказал Уэлдон. – Тень лжет. Это опасно.

– Заткнись, – огрызнулся Клейтон.

– Инструкции для перехода и возвращения, – стал читать Гэмпер, – независимо от того, остается кто-нибудь с аппаратом или нет. Потяните рычаг А. Когда на шкале возникнет цифра 100, нажмите рычаг В... – Он осмотрел машину. – Мне это нравится. Все очень просто.

– Тогда нет смысла ходить вокруг да около, – нетерпеливо сказал Клейтон, ноздри его подергивались, точно он уже чувствовал запах соковок. – Давайте быстрее.

Декан Гэмпер потянул рычаг А. Стрелка на шкале стала медленно подниматься... Рычаг В – кнопка С – кнопка D.

Они замерцали и исчезли. Все закончилось.

Уэлдон встал на ноги и выключил машину. Он заранее ожидал нападения, поэтому удар причинил ему меньше вреда, чем им показалось. Тень все еще танцевала на столе.

– Они уже прибыли? – быстро спросил Гэмпер.

– Еще нет. Они пока что находятся в промежутке между нашими трехмерными мирами.

– Вы получили то, что хотели. Все прошло так, как я планировал.

– Вы знали, что они не вернутся. И станет известно, что они исчезли из вашей квартиры. Это вы тоже учли?

– Конечно, – улыбнулся Уэлдон. – Я записывал на диктофон все, что происходило в этой комнате – пока только что не выключил его. Я могу доказать, что хотел пойти туда сам, что предупреждал их об опасности, а они напали на меня. Меня не смогут обвинить в том, что случилось с ними.

– Вы оказали нам большую услугу, – сказала тень. – Но сами упустили удобный случай. Вы не станете известны, как самый блестящий человек в нашей Вселенной.

– Только в моей собственной. Но я буду удовлетворен и этим.

– Не думаю, что необходима дальнейшая связь между нами. Вы не понадобитесь нам еще много поколений. И никто не сможет прийти друг к другу в гости. Как вы уже наверняка предположили.

– Предположил, – согласился Уэлдон. – Только живые существа могут пройти между Вселенными. Но после перехода они попадают под действие законов другой Вселенной. В вашей Вселен-

ной такие элементы, как уран, нептуний и плутоний, из которых состоят ваши тела, устойчивы. У нас вы бы мгновенно распались и погибли.

Его прервал странный ослепительный свет, который, в отличие от луча фонарика, который Уэлдон когда-то использовал для демонстрации, совершенно уничтожил тень. Это был странный свет, скорее, тень света. Он сиял свирепо и холодно, а затем разделился на два огонька, полетевших в разных направлениях. Когда огни постепенно исчезли вдаль, на столе опять замерцала тень.

– В нашей Вселенной, – продолжал Уэлдон, словно его не прерывали, – такие элементы, как углерод, азот и кислород, из которых состоят наши тела, являются устойчивыми изотопами и могут просуществовать хоть миллиарды лет. Но в вашей Вселенной они быстро распадаются, образуя своего рода ядерный реактор.

– Да, – подтвердила тень. – Наше солнце умирало, и мы нуждались в новом. А в нашей Вселенной очень мало материи. Именно поэтому мы заманивали вас к себе. Для нас вы размерами не с кита, вы размерами с солнце. И вы бы вспыхнули, достигнув нас. Но вы были слишком осторожны. Однако, мы счастливы, что, благодаря вам, у нас теперь двойное солнце.

Самые блестящие люди во Вселенной, подумал Уэлдон. Они были ворами и убийцами, достигшими высокого положения, и я счастлив, что помог им стать, в конце концов, очень полезными людьми. И на этот раз я даже прощаю им воровство моего света.

Он нажал выключатель, и тень исчезла. Но Уэлдон еще долго не мог избавиться от мыслей о Клейтоне и Гэмпере, освещавших Вселенную.

Marvel Science Fiction, 1951, № 11

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Джордж читал книгу, сборник старинной поэзии, и был весь поглощен рифмами, когда с криками «Папа!» к нему вбежал Джерри.

– Разве я не говорил, что не хочу, чтобы меня прерывали во время чтения? – нахмурился Джордж.

– Да, папа, но я подумал, что это очень важно. Регистраторы отметили увеличение гравитации на одну десятую «же».

– Планета или Солнце?

– Планета, но какая-то очень большая. Двигатели не справляются, нас притягивает к ней, и мама начинает волноваться. Она сказала...

– Не обращай внимания. Я схожу посмотрю.

Он отбросил поэтический сборник, даже не запомнив страницу, и вышел вслед за Джерри из комнаты. Когда они добрались до коридора, он уже шагал впереди. Почему, черт побери, мальчишка с самого начала не сказал, что Сабина нервничает. Он бы сразу понял, что это не пустяки, и не стал бы зря тратить время, раздражаясь и задавая глупые вопросы.

Остальные члены семьи уже собрались в пилотской рубке. Сабина сидела за управлением, Лестер выглядывал у нее через плечо, а Карл пытался отпихнуть Лестера.

Сабина обернулась, когда он стремительно вошел в рубку.

– Не думаю, что мы в опасности, Джордж, – сказала она. – Но я решила, что ты должен об этом знать.

– Конечно, – кивнул он. – Не то, чтобы я волнуюсь, когда ты управляешь кораблем, но все же...

Он посмотрел на приборную панель.

– Уже три «же», – сказала Сабина. – Что-то притягивает нас.

– Что с двигателями?

– У них не хватает мощности бороться с этим притяжением. Может, забился топливопровод, или что-то стряслось с ураном?

– Судя по приборам, все в порядке. Но они сами могут работать неправильно.

Сабина раскраснелась и выглядела очень симпатичной, как и тогда, когда она много времени проводила возле электронной плиты.

– Я думаю, стоит приземлиться, Джордж. Вспомогательные двигатели в порядке, я проверила их. Мы сядем на их тяге.

– Хорошо, но что это за планета?

– Диаметр двенадцать тысяч миль, плотность одна и пятьдесят семь сотых, – затараторил Лестер. – Давление атмосферы...

– Ладно, ладно. Я и сам вижу показания приборов.

Лестер тут же надулся.

– Джордж, – укоризненно сказала Сабина, – он лишь пытается помочь.

Мы слишком долго пробыли тут взаперти, подумал Джордж. Никакая семья не должна проводить на корабле без перерыва дольше месяца. А мы здесь действуем друг другу на нервы уже полгода. Но Сабина права, я слишком груб с ребенком. Ему всего лишь восемь лет, и мне не следует задевать его самолюбие.

– Извини, Лестер, – сказал он вслух. – Продолжай, Что там еще?

– Давление атмосферы...

– Атмосферное давление, дорогой, – поправила его Сабина.

– Тысяча семьсот двадцать два миллиметра на уровне моря.

– Ничего себе, – сказал Джерри, которому исполнилось один-

надцать, и он уже знал, что атмосферное давление на уровне моря на Земле всего лишь семьсот шестьдесят миллиметров ртутного столба. – Это много.

– Состав атмосферы: кислорода – двадцать девять и семь десятых процента, азота – тридцать один процент...

– Пригодна для дыхания, – сказал Джордж. – Слава Богу, мы можем выходить наружу безо всяких проблем, и не придется тащить тяжелые скафандры.

– Не обещай того, чего не сможешь потом выполнить, – предостерегла его Сабина. – Ты же знаешь, что сначала следует проверить воздух на наличие микроорганизмов...

Карл, трехлетний мальчишка с ясными глазами, слушал все это молча, но теперь, наконец, протянул:

– Мама!

– Да, Карл?

– Я хочу домой.

– Конечно, Карл, мы полетим домой.

– Но я не хочу никакую посадку...

– Нам придется сначала сесть на эту планету, – объяснил ему Джордж. – Без этого не получится. Папа должен исправить двигатели.

– Я хочу домой, не хочу на посадку. Хочу домой, не хочу на посадку, хочу домой, не хочу... – завелся Карл.

Джордж закрыл глаза и глубоко вздохнул. Если я еще когда-нибудь скажу, что нужно взять детей на каникулы в космическое путешествие, то буду знать, что пора мне проверить мозги.

Сабина выглядела такой же измотанной, как и он сам.

– Возьми управление на себя, Джордж, – сказала она. – А у меня есть для Карла шипучка. Хочешь шипучку, Карл? Замечательная шипучка, да еще с малиновым вкусом! Хочешь с малиновым вкусом, Карл? Или с другим?

— Я хочу домой, — сказал Карл.

Сабина крепко взяла его за руку и почти утащила из рубки. Джордж сел за управление.

Планета была огромная, но с небольшой плотностью. Это означало, что гравитация на поверхности будет низкой. Детям это понравится, подумал Джордж. Не будет ощущаться разницы после искусственной гравитацией на корабле. Высокое атмосферное давление и содержание кислорода сделают их сперва легковозбудимыми, но в итоге все будет хорошо. У них появится возможность вдоволь набегаться кругами для разрядки. Да, там найдется где поноситься, если не окажется опасных животных. И они, наконец, слезут с меня. Как только я думаю, что предстоит еще целый месяц лететь на Землю, у меня ёкает селезенка. И ведь это я сам придумал, как нам провести отпуск!..

Планета росла на глазах, синевато-серый шар, постепенно заполонивший обзорный экран. Высотомер заработал на высоте 500 000 футов, тогда Джордж включил вспомогательный двигатель и стал медленно снижаться. Сквозь плотные облака поверхности планеты совсем не было видно.

На высоте 100 000 футов радар начал показывать поверхность. Сначала тянулся океан, затем они полетели над сушей. Но через минуту с высотомером стало твориться что-то не. Световая стрелка начала вдруг прыгать. 80 000 футов — 70 000 — 80 000 — 69 000 — 78 000 — 69 000 — 76 000...

Горы, подумал он, такие вот странные горы, что понатыканы поодиночке по всей поверхности. Из-за них будет трудно приземлиться. Снижаться нужно крайне осторожно, медленно и плавно, пока мы не пролетим через толстый слой облаков и не увидим своими глазами, что там на поверхности.

Джерри и Лестер стояли рядом с ним, зная по опыту, что лучше отцу не мешать. Джордж услышал шаги возвратившейся Сабины.

– Карл заснул, – сказала она. – Он всегда начинает ныть, когда голодный и сонный. На планете с ним все будет в порядке. Просто, когда мы летим в космосе, здесь нет смены дня и ночи, и Карл не может к этому приспособиться. Я думаю...

Не оборачиваясь, Джордж взял ее за руку.

– Пожалуйста, Сабина, не сейчас. Там происходит что-то странное.

Сабина замолчала. Джордж всматривался в экран, но свет, приходящий снизу, был слишком серым и неясным. Радар тоже не давал четких показаний, а стрелка высотомера по-прежнему прыгала. 59 000 – 48 000 – 58 000 – 48 000.

Горы, повсюду горы. Высокие горы с острыми пиками и глубокими долинами, отделяющими каждую от соседних. И не видно никаких равнин, подходящих для приземления.

Есть ли они здесь вообще? 46 000 – 45 000 футов – показания высотомера стали теперь устойчивыми. Но внезапно стрелка на миг опустилась до 31 000 футов, и Джордж повернул корабль. Он углядел одну равнину, а второй могло и не быть. Нужно приземляться здесь.

Они, наконец, прорвались через облака, и внезапно дети громко вздохнули.

– Папа, смотри! – воскликнул Джерри. – Это же деревья-горы!

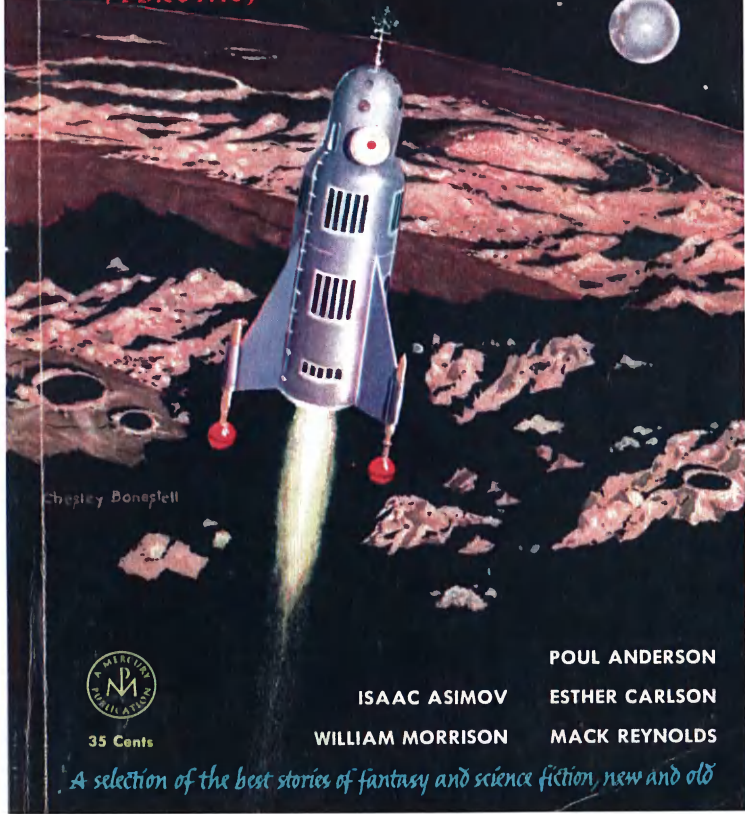
Мальчишка прав, подумал Джордж. Это действительно громадные деревья, высокие, как горы. Именно поэтому они вздымались в небо поодиночке, и не было здесь никаких горных цепей. Они простирались кругом, насколько он мог видеть. Хорошо, сказал себе Джордж, что мы не попробовали приземлиться между ними. Это закончилось бы катастрофой.

Чистая удача, что они все же нашли равнину. Это оказалась гигантская поляна, места там в дюжину раз больше, чем нужно для приземления, и Джордж мог посадить корабль прямо посередине.

ANC

Fantasy and Science Fiction

FEBRUARY

Chepley Boneflett

35 Cents

POUL ANDERSON
ESTHER CARLSON
ISAAC ASIMOV
WILLIAM MORRISON
MACK REYNOLDS

A selection of the best stories of fantasy and science fiction, new and old

– Это там что, трава? – спросила Сабина.

– Да, она здесь довольно высокая, но я полагаю, что это трава. Сабина, здесь, кажется, все слишком большое.

– Черт побери, пап, – сказал Джерри, – ты думаешь, что звери здесь такие же большие?

– Наверное. Но я думаю, нам не стоит о них волноваться. Атомные винтовки смогут их отпугнуть.

– Ты разрешишь мне пострелять из винтовки, папа? – нетерпеливо спросил Лестер.

– Нет, – коротко ответил Джордж. – И больше меня не проси.

– А я смогу стрелять, папа? – спросил Джерри. – Мне уже одиннадцать лет, почти двенадцать.

– Никто не дотронется до винтовки, кроме вашей матери и меня, – сказал Джордж. – А теперь, если вы позволите, я пойду на посадку. И я не хочу, чтобы кто-то отвлекал меня, пока я приземляюсь.

Он без проблем приземлился почти в самом центре поляны и отправился взять образцы воздуха и почвы. Дети нетерпеливо ждали результатов, стремясь оказаться на свежем воздухе. Сила тяжести здесь была низкой, чуть ли не в половину земной. Они замечательно проведут время, бегая и прыгая вокруг – если не будет никакой опасности.

Но пока что придется подождать, подумал Джордж. Потребуется три часа, чтобы закончить анализы, и хотя на корабле имеется широкий набор антибиотиков, было бы глупо рисковать. Не стоит гнать лошадей. Пока они не убедятся наверняка, что здесь нет никаких вирусов или прочих чужих форм жизни, с которыми не смогли бы справиться их лекарства.

Сабина провела это время, готовя обед. Потом все посмотрели стереофильм, а после просто глядели на Джорджа, ни слова не говоря, но раздражая его простым присутствием. Джордж и без этого волновался, а когда проснулся Карл и начал плакать, он был готов выпустить всех наружу, не дожидаясь завершения анализов.

Но он этого не сделал. Он честно прождал все три часа, и, наконец, сказал:

– Хорошо, можете идти... Но только с матерью. Сабина, возьми винтовку, а им раздай карманные пистолеты. А я тем временем займусь ремонтом.

– Но, дорогой, ты не сможешь добраться до двигателя, пока он не остынет.

– Знаю, но я хочу пока приготовить инструменты. А теперь, Джерри и Лестер, запомните. Нигде ни на секунду не оставляйте свои пистолеты. Направляйте их в землю, а не целитесь друг в друга. И держитесь поближе к матери.

– Хочу пистолет! – тут же завопил Карл.

– Можешь вопить хоть до хрипоты, дружище, но ты не получишь пистолет. По крайней мере, еще два года. Убери его, Сабина, пока это жужжание не подействовало мне на нервы, а то я могу его прихлопнуть, приняв за марсианского москита.

Сабина поспешно увела Карла, и Джордж глубоко вздохнул. Ах, моя долгожданная тишина, подумал он. Плохо только, что долго она не продлится.

Джордж достал ремонтный комплект. Затем открыл антирадиационный пакет и сделал себе укол. Следовало сделать их Сабине и детям, подумал он. На всякий случай, если они будут крутиться возле двигателя, пока я его ремонтирую, и случайно получат дозу радиации. Даже Карлу... особенно Карлу. С ребенком, который сует свой нос куда угодно, нельзя рисковать. К тому же, возможно, укол убедит его, что я говорю серьезно, когда заявляю, что меня нельзя беспокоить во время работы.

Они оставили корабельный люк открытым, и густой воздух планеты ворвался внутрь. Сначала было немного трудно дышать, но Джордж знал, что вскоре привыкнет к этому без всяких последствий. Ему приходилось привыкать и к худшему воздуху. Но поче-

му, черт побери, снаружи так тихо? Чем там занимаются Сабина и дети? Хорошо, что его оставили в покое, замечательно, что Сабина позаботится обо всем, подумал Джордж, я должен признать, что она мила, но все-таки это странная планета, и тут может быть опасно. В конце концов, она лишь слабая женщина, а дети – ну, всем прекрасно известно, что дети всегда суют свои сопливые носы, куда не следует. А такая глубокая тишина уже кажется зловещей.

Джордж взял винтовку со стойки и вышел наружу.

Снаружи все было спокойно, но странно. Трава – красно-зеленые стебли с необычными сочленениями, толщиной в фут и даже больше, тянулись на пятьдесят футов вверх и колыхались там выше корабля, который при приземлении прожег в них широкую полосу. Ветерок не утихал, и стебли шелестели вверху, когда он шел среди них. Трава была влажной, словно недавно прошел дождь. Вероятно, поэтому огонь не распространился далеко.

Через прожженную в траве просеку он видел, как в дюжине миль отсюда вздымаются ввысь деревья-горы. Они больше походили на громадные марсианские кактусы, чем на деревья. Если ветер вообще мог их поколебать, то столь незначительно, что этого невозможно было увидеть. Они стояли неподвижные, точно замороженные.

Однако, встревожили его не растения, а животные. Сперва Джордж услышал отдаленный шум, словно что-то ломилось через заросли. Затем все стихло, но чуть позже шум возник снова, уже громче и ближе.

Затем из леса-травы выпрыгнуло маленькое красноватое существо. Оно бежало настолько быстро, что у Джорджа остались лишь смутные представления о форме его головы. Но не о количестве ног. А за ним гнался великий охотник Карл, который указывал на него пальцем и вопил: «Бах! Бах!». За Карлом выбежал Лестер, вскинул пистолет, и раздался гораздо более громкий и зловещий звук выстрела.

Стебель травы, разорванный пулей пополам, согнулся, сломался и полетел вниз, чуть было не прибив нетерпеливо рвущегося вперед Карла.

– Лестер! – закричал Джордж. – Прекрати стрелять! Остановись, слышишь?

За Лестером появился Джерри, и позади всех – Сабина.

– Что здесь происходит? – спросил Джордж.

Дети сразу же принялись объяснять, причем все трое сразу, но Джордж велел им заткнуться.

– Они гнались за животным, – сказала Сабина.

– Оно напало на них?

– Да нет. Джерри шел впереди, Лестер за ним, а мы с Карлом позади всех. Я чуть обогнала Карла, который остановился, чтобы глотнуть лимонада из бутылки, и тут же услышала, как он кричит: «Плохая собака! Плохая собака!».

– Плохая собака, – подтвердил Карл. – Украла шипучку.

– Да, какое-то медное животное выхватило бутылку прямо у него из рук и побежало сюда. А мы все за ним.

– Но оно не навредило никому из детей?

– Вообще-то нет.

– Будем надеяться, что другие животные столь же безобидны. Но мне кажется, Сабина, с этого времени детям лучше держаться поближе к кораблю. По крайней мере, до тех пор, пока мы лучше не узнаем здешнюю фауну.

– Но им так нравится бегать кругом, – задумчиво сказала Сабина.

– Слишком опасно бегать там, где мы их не видим. Трава закрывает обзор во всех направлениях, остается лишь просека, которую прожег двигатель корабля при посадке. Так что мы не увидим заранее, если кто-то вздумает напасть на нас.

– Я не боюсь опасности, – сказал Лестер. – Знаешь, что я сде-

лаю, пап, если какое-нибудь животное схватит меня? Я нанесу ему двойной удар, а затем выхвачу свой пистолет и... а-а-а-а... – вскричал он, когда Джордж отвесил ему подзатыльник.

– Никогда не направляй пистолет на меня! – рявкнул Джордж.
– Дай сюда! Твой пистолет угрожает нам больше, чем любые животные. И давайте вернемся на корабль...

Мы оставили дверь корабля открытой, внезапно ударила Джорджа страшная мысль. Было бы неприятно обнаружить, как какой-нибудь хищник пробрался внутрь и подстерегает их там. Нужно спешить.

Какая-то громадная тень закрыла свет. Затем, когда тень стремглав понеслась вниз, раздался глухой удар, и нос корабля явственно покачнулся. Корабль содрогнулся, затем замер, слегка накренившись на бок.

Джордж и Сабина поглядели друг на друга.

– Что это было, пап? – спросил Джерри.

– Не знаю. Помолчите минутку. Не шевелитесь.

Послышался рев, словно стадо коров ломилось через заросли травы, и еще одна тень закрыла свет.

Джордж посмотрел вверх и увидел то, что показалось ему величиной с гору.

– Вниз! – закричал он. – Все ложитесь!

Они бросились на землю, и когда сделали это, Джордж засомневался, насколько умно было так поступать. Если этой горой был гигант, подумал он, то единственный его шаг мог раздавить всю семью. Тень исчезла, они услышали шум ломающейся травы, который затем тоже смолк, и вновь засиял яркий дневной свет.

– Надо убираться отсюда, – сказал Джордж.

Снова появилась тень. Она быстро промелькнула, и Джордж увидел ее край, скользящий по траве. Он был круглый, словно предмет, отбрасывающий ее, являлся шаром. Он ударился о землю, на

этот раз не в корабль, но все равно от удара задрожала земля, и опять взлетел в воздух.

– Все на корабль! – закричал Джордж. – Быстрее!

Они ринулись на корабль, и Джордж запер люк. Снаружи опять содрогнулась земля, на сей раз слабее. И наступила тишина.

Джордж никогда не видел детей такими испуганными. Со страху они даже замолчали. И я не могу винить их, подумал он. Я чувствую то же самое.

Первым в себя пришел Карл.

– Плохая собака украла шипучку, – по новой завел он. – Хочу домой!

– Молчи, Карл, – внушительно сказал Лестер.

– Замолчите вы оба, – сказал Джерри.

Мы возвращаемся к норме, подумал Джордж. Сухость в горе-ле прошла, и он произнес:

– Кажется, все закончилось. Будем надеяться, что это не повторится.

– Как ты думаешь, Джордж, что это было?

– Ну, эта штука ударилась сперва о корабль, затем о землю и подпрыгнула. У нее был закругленный край. Я думаю, это что-то вроде мяча.

– Мяч, папа? – воскликнул Джерри.

– Ты же слышал. А гигантская фигура, ломающаяся через траву, была, должно быть, ребенком, играющим этим мячом.

– Ребенком! – повторил Лестер. – Черт побери, папа, он был огромный, как дом.

– Огромный, дорогой, – поправила его Сабина.

– Он был больше дома. Он был, по меньшей мере, тысячу футов высотой, – сказал Джерри.

– Ну, может, и поменьше, – сказал Джордж. – Признаюсь, я слишком спешил, чтобы разглядывать его – если это он. Может, это была девочка, а может, ни то и ни другое.

– Это глупо, пап, – недоверчиво сказал Лестер. – Ребенок должен быть кем-то. Если не мальчиком, то девочкой, а если не девочкой, то мальчиком. Мама как-то показывала нам стерео, где рассказывали все о половинках различий...

– О половых различиях, милый, – поправила его Сабина.

– Давайте обсудим все это не сейчас, – сказал Джордж, чувствуя себя измотанным. – Когда я сказал, что считаю это ребенком, я говорил приблизительно. Возможно, следовало сказать, что это была молодая особь существа с зачатками разума. Не знаю. Насколько именно молодая, даже предполагать не берусь.

– Но тысяча футов высотой, пап! – сказал Джерри. – Какой же он будет, когда вырастет?

– Я уже говорил, что он был не тысячу футов. Не больше восьмисот, хотя у меня не было времени оценивать его. Но даже если взрослая особь не больше тысячи футов, а рост среднего человека составляет шесть футов, то эти существа больше нас в сто шесть раз.

– Мы для них как насекомые, – сказала Сабина. – Меньше чем полдюйма длиной.

– Держу пари, они вообще не знают о нас, – сказал Джерри.

– Но корабль достаточно большой, чтобы они увидели его, – сказал Джордж. – И если они заметят...

Карл внес свою лепту в беседу, внезапно завопив:

– Хочу домой! Хочу домой!

– Я тоже, – сказал Лестер. – Это место полно опасений.

– Опасностей, Лестер, – машинально поправила его Сабина.

– Мы все полетим домой, – сказал Джордж. – Но сначала нужно чуток поработать над двигателями. А они еще не совсем остыли. Так что, тем временем...

Должно быть, в его голосе появились угрожающие нотки, поскольку Джерри тревожно сказал:

– А тем временем я пойду смотреть стерео, папа.
– Нет, ты останешься здесь, – заявил Джордж. – Вы все остаетесь здесь.

– Зачем?

– Антирадиационные инъекции. Сейчас я только приготовлю иголки.

– Ой, папа, – сказал Джерри. – Я же только на прошлой неделе получил укол.

– Получишь еще один. Но сперва я сделаю укол себе.

– У меня от него жар во всем теле, – начал было Лестер.

– Ничего подобного. Прекратите нести ерунду. Вы оба уже большие, и вам должно быть стыдно поднимать шум из-за небольшой инъекции. Даже Карл так себя не ведет.

Услышав его слова, Карл тут же завопил:

– Не хочу иглу! Хочу домой, хочу домой, хочу домой...

Джордж намеревался оставить Карла напоследок, чтобы он послужил примером для подражания старшим братьям. Но его крики вызвали изменение в плане. Он схватил трехлетку и, хотя тот вырывался и дергался, воткнул иглу в пухлую ручку. Карл завопил так, как могли бы вопить демоны в аду, и Сабина поспешно отобрала сына у Джорджа.

– Можно подумать, это действительно больно, – с отвращением пробормотал Джордж. – Хорошо, Лестер, тебе уже почти десять лет, так что ты следующий.

– Мне только восемь, и я... я младший, пап! Старший Джерри!

– Я сказал, ты следующий.

Игла куснула Лестера и наступила очередь Джерри. Джерри, как и приличествует его возрасту, сказал только: «Ой!»

– Что значит «ой»? – проворчал Джордж. – Это вообще не больно.

– Это тебе не больно, а мне больно.

– Не будь бабой. – Джордж повернулся к двигателю. – Ну вот, он остыл. Сейчас я буду ремонтировать его. Кто хочет мне помочь?

Джерри сделал вид, что не слышал, но Лестер, по доброте душевной, предложил свои услуги, и когда Джерри услышал его, то вызвался помогать тоже. Как обычно, через пять минут оба сына решили, что устали, и ушли, оставив Джорджа одного.

Джордж поворчал о современных детях, которые ни на что не годятся и мечтают, чтобы все делали за них, а потом углубился в работу.

Снаружи все стихло. Никто не ломился сквозь траву, не появлялись никакие зловещие тени, не возникало никаких землетрясений.

– Тебе нужна помощь, дорогой? – спросила, появившись, Сабина.

– Нет, спасибо. Только держи детей подальше от меня.

– Наверное, я выпущу их на улицу. Кажется, опасность миновала.

– Точно мы этого не знаем. Так что не разрешай им уходить далеко от корабля.

– Не волнуйся, дорогой.

Она наклонилась и небрежно чмокнула его в щеку. Джордж что-то проворчал и продолжил работу.

Трудясь, он краем уха услышал, как Сабина говорит детям, понизив голос, что они не должны лезть к отцу. И даже Карл, после опыта с уколом и ужасной иглой, держал рот на замке и по пути к выходному люку обошел отца как можно дальше.

Главная линия подачи топлива оказалась забита. В самом топливе обнаружилась какая-то примесь, и теперь предстояло заняться его дистанционной очисткой. А еще при осмотре Джордж обнаружил небольшое пятнышко коррозии, которую нужно лик-

видировать, пока она не разрослась. Это еще десять часов дополнительной работы, подумал он, даже если ему будет сопутствовать удача. И чуть ли не двадцать, если удачи не будет.

Он был настолько поглощен работой, что не заметил, как пролетело время, и удивился, увидев, как Сабина с детьми всей гурьбой лезут в корабль.

– Хорошо провели время? – спросил он.

– О, замечательно, – сказала Сабина. – Дети так не наслаждались целую вечность.

– Что они делали?

– Ну, они нашли небольшой бассейн, вероятно, созданный дождем, прошедшим перед нашим прилетом, и наплавались там вдоволь.

– Они плавали?

– Не беспокойся, Джордж, сперва я продезинфицировала воду. Если бы ты видел, как они там плескались, тебе бы тоже захотелось с ними поплавать.

– Наверное, ты тоже купалась?

– Немного, – призналась она. – В следующий раз, Джордж, мы возьмем тебя с собой.

– Может быть. Вы видели каких-нибудь животных?

– Только то, что в первый раз украло у Карла бутылку с водой. Но оно убежало, едва заметило нас, а больше никто не попался.

– И никаких гигантов с мячами?

– Ни души, ни большой, ни маленькой. Похоже, тут лучшая детская площадка, которую я когда-либо видела.

– Превосходно. Но, если не возражаешь, мне нужно продолжить работу.

– Уже темнеет, Джордж. Снаружи заходит солнце.

– И что с того? Работу нужно делать, а мы все равно живем не по времени этой планеты.

– Но тебе придется включить свет. И если ты не хочешь запускать воздухоочистители, то оставишь открытым люк, и какой-нибудь гигант сможет увидеть свет из него и найти корабль.

– Они подумают, что это светлячок.

– Откуда мы знаем, если ли здесь светлячки? До сих пор мы не видели тут ни одного насекомого.

– Тогда я буду держать люк закрытым.

– Ты такой упрямый, – вздохнула Сабина. – С тобой бесполезно спорить.

– Ты это знала, когда выходила за меня.

– Я надеялась, что ты изменишься. Ладно, пойду готовить ужин. Джордж продолжал работать, пока не наступило время ужина. А после ужина он внезапно почувствовал себя уставшим.

– Я уже давно бодрствую, – зевнул он. – Так что пора поспать.

– Я тоже устала, – призналась Сабина.

Спать хотели даже дети, все – кроме Карла, который выспался днем. Он один был полон сил и завел свою вечную песню про то, что хочет домой.

– Клянусь, больше никогда не увезу этого ребенка с Земли, – сказала Сабина. – У него совершенно нестандартный ритм жизни.

– Положи его в качалку с невесомостью, – предложил Джордж. – Может быть, там он уgomонится.

Это сработало, и, наконец, все заснули.

Разбудило Джорджа землетрясение. Он ощутил вертикальные точки, потом корабль стал вращаться вокруг оси. Когда он остановился, все внутри оказалось разбросанным.

Карл вопил, остальные дети кричали.

– Что случилось? – вяло спросила Сабина, чуть приоткрыв глаза. – Тревога миновала?

– Нет, но так или иначе пора вставать, – сказал Джордж.

Земля перестала трястись, и Джордж взглянул на экраны, показывающие панораму местности вокруг корабля.

- Будь я проклят! Уже утро!
- Уже? Я только закрыла глаза!
- Или у этой планеты небывало короткий период вращения, или сейчас лето, а мы ближе к одному из полюсов, чем мне казалось. Во всяком случае, мы проспали лишь пять часов, но уже – утро.
- А из-за чего тряслась земля?
- Не знаю. Подожди минутку, может, я что-нибудь выясню. Все столпились вокруг, глядя вместе с ним на экраны.
- Какое-то животное, довольно далеко, – сказал Джордж. – Попробую-ка с ним разобраться. – Он настроил диапазон искателя.
- Расстояние пять тысяч футов. И эта штука пятьсот футов в высоту!
- Это гигант, – воскликнул Лестер. – Это он скакал вокруг. Из-за него и произошло землетрясение.
- И есть еще существо, должно быть, ребенок, – продолжал Джордж. – Семьсот восемьдесят футов в высоту – я вчера почти не ошибся. А меньшее существо, наверное, домашнее животное.
- Но что это за существа? – спросила Сабина. – Я не могу разоб-
раться.
- Тот, кого я называл ребенком, похож на человека... как мне кажется. По крайней мере, у него две ноги.
- Они странной формы, папа, – заметил Лестер.
- Широкие, более тяжелые у основания, чем наверху. И тело, по-моему, тоже сужается. Я думаю, иначе он был бы слишком тя-
жел, и ноги не выдержали бы его даже на планете с низкой силой тяжести, как эта.
- Я вижу четыре руки, пап! – воскликнул Джерри.
- А я вижу лицо! – закричал Лестер.
- Если это можно назвать лицом, – сказал Джордж. – Ну, бу-
дем великодушными и скажем, что это лицо. Там есть глаза...
- Три глаза, папа! – объявил Джерри.

– Я умею считать до трех. Кажется, есть полдюжины носов и несколько ртов. Но я не уверен, что могу определить, что есть что.

– Все равно это ребенок, – сказала Сабина. – Смотри, дорогой, у него что-то в руке. Это какая-то палка. Он лупит ею по верхушкам травы... А теперь бросил ее!

– Животное бросилось за палкой! – сказал Джерри. – Точь-в-точь как собака... только прыгает, словно лягушка!

– Черт возьми! – сказал Лестер. – Надеюсь, он не бросит палку сюда. Мне бы не хотелось, чтобы это животное стало нас плющить!

– Раздавило нас, дорогой, – поправила его Сабина.

– Хочу домой! – объявил Карл.

– Хорошая идея, – согласился Джордж. – Ладно, пока мама готовит завтрак, я позанимаюсь с двигателем. Вчера поздно вечером я нашел там еще пятно коррозии, так что работа займет больше времени, чем я предполагал. А пока что, ребята, я хочу, чтобы вы следили за теми гигантами снаружи.

– Хорошо, папа, – сказал Джерри и задумчиво добавил: – Хорошо ему там. А вот у меня нет собаки и не с кем играть.

Это было старым, больным предметом обсуждения. Но Джордж давно решил, что собака в космическом корабле неуместна, так что проигнорировал намек сына и пошел работать. Он стал напылять тонкий слой металла на пятна ржавчины, стараясь не спешить. Халтурить тут нельзя, иначе ржавчина разест металл, и двигатель попросту развалится в космосе. А в следующий раз под рукой может не оказаться такой удобной планеты, как эта.

Он прервался на пять минут, чтобы поесть, а затем продолжил ремонт. Гигантский ребенок и его собака исчезли, и Сабина вывела детей на улицу. Они снова отправились купаться, и Джордж, слушая их удаляющиеся голоса, почувствовал сильное желание последовать их примеру. Но на первом месте должна быть ра-

бота, серьезно сказал он себе. Работа всегда на первом месте. Гигантский ребенок и его собака-лягушка не выглядят злобными чудовищами, но они опасны просто из-за своих размеров. Так что чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше, подумал Джордж.

Пять часов спустя, за обедом, он отметил, что у всех троих детей здоровый румяный вид.

– Солнце здесь дает красивый загар, – сказала Сабина. – Это замечательное место для каникул.

– Конечно, если никто не наступит на тебя, – проворчал Джордж.

– А, я больше этого не боюсь, – отмахнулась Сабина.

– Проблема в том, – сказал ей Джордж, – что человек привыкает к опасности и начинает думать, что это все пустяки. Только потому, что до сих пор ему сопутствовала удача.

– Трудно осознать, что опасность может нести ребенок, даже если он гигант, – призналась Сабина. – И он так по-человечески играет со своим любимцем.

– Но его лицо не походит на человеческое...

– Эй, смотрите все! – внезапно завопил Джерри, наблюдавший за экранами. – Еще один!

Все подбежали к нему. Кроме меньшего гиганта, которого они уже видели, появился еще один, раза в полтора больше первого. Тысяча сто шестьдесят семь футов высотой – сообщил дальномер. Оба гиганта стояли близко друг к другу, и Джордж почувствовал, как содрогается пол корабля под его ногами.

– Еще одно землетрясение? – с тревогой спросил Лестер.

– Нет, я думаю, это звуковые волны от их разговора. Они настолько крупнее нас, что издают звуки гораздо ниже, чем мы. Вероятно, эти звуковые волны воспринимаются вообще не как колебания воздуха, а как иные ощущения.

– Знаешь, – сказала Сабина, – в этом есть что-то знакомое...

Ну, я не могу, конечно, утверждать, но мне кажется, что этот второй гигант – его мать.

– Вряд ли тебе удастся это доказать, – сказал Джордж. – Как сказал бы Лестер, я не вижу никаких «различий половинок».

– Кажется, она кричит на него. И куда-то показывает одной из своих рук. На что она показывает, Джордж?

– Минутку, я настрою резкость. Сейчас... Странно!

– Что странно, папа? – тут же спросил Лестер.

– Стена. Ее не было, когда мы приземлились. Просто красная стена перед деревьями-горами. А дальше она синяя.

– А еще дальше – желтая, – закричала Сабина.

– Давайте подумаем. Вчера этого там не было, значит, это сделали они. Но зачем? Что-то мне кажется в этом знакомым...

Он замолчал, задумчиво уставившись вдаль.

– Конечно, как я сразу не догадалась! – произнесла вдруг Сабина. – Это выстиранное белье, которое повесили сохнуть.

– Ты хочешь сказать, что гиганты стирают свою одежду? – спросил Джерри. – Но зачем они это делают?

– Тебе не понять, – отрезала Сабина, – но, думаю, им не нравится грязь. Действительно, они очень похожи на людей.

– Они просто сошли с ума, – сказал Джерри. – Кто боится грязи?

– Мама, но почему она указывает туда? – спросил Лестер.

– Да, и почему она кричит на него? – спросил старший сын.

– Когда ты кричишь на нас, мамочка... Эй, что она делает?

Джордж снова сосредоточился на гигантах и увидел, что большой взмахнул рукой и вступил в контакт с лицом меньшего гиганта. Тот рухнул на землю, отчего корабль подскочил на пару дюймов. А затем весь задрожал от продольных колебаний.

– Отвратительно! – сказала Сабина. – Она ударила его по лицу и сбила с ног. И теперь он плачет! Из-за его плача и трясется корабль.

– Ну, так он должен прекратить реветь, – раздраженно сказал Джордж. – Как можно работать при такой тряске?

– Но почему она ударила его, мама? – продолжал спрашивать Джерри.

– Потому что у нее поганый характер, – с бешенством сказала Сабина. – Хотела бы я высказать ей свое мнение.

– Ну, не сердись, – сказал Джордж. – Наверное, у нее нашлись серьезные причины. – Он снова стал осматривать стену. – Посмотрите-ка туда, на зеленую часть. Посреди нее большой коричневый участок. Это грязь! Он испачкал только что выстиранное белье!

– Но это еще не причина бить ребенка! Такое все время случается.

– Может, у нее нет книг по детской психологии, – сказал Джордж. – Прекрати, Сабина, не надо лезть в дела других людей. Лично я могу понять ее чувства. Иногда, когда Карл начинает ныть, мне и самому хочется его треснуть.

– Ты не посмеешь поднять руку на бедного ребенка, – предостерегающе сказала Сабина, и Карл, почуяв опасность, придвинулся к ней поближе.

– Я и не собираюсь. Я только говорю, что иногда чувствую. И держу пари, ты чувствуешь то же самое – иногда.

– Никогда, – отрезала Сабина. – Признаюсь, иногда Карл меня достает, но я никогда не била его.

– Я припоминаю, как примерно неделю назад...

– Эй, пап, – сказал Джерри, – она ушла. А ребенок встал и гладит свое животное.

– По крайней мере, ваша мать зря потратила на него свое сочувствие. Так или иначе, корабль больше не трясется. Я отправляюсь работать.

Некоторое время между ним и Сабиной висела какая-то на-

пряженность. Но потом Джордж втянулся в работу и забыл обо всем. Проработав несколько часов, он позволил Сабине уговорить себя пойти купаться. Что-то ремонт замедлился, подумал Джордж. Нужно работать быстрее и эффективнее. Карл снова заснул, и Сабина была уверена, что он не проснется, по крайней мере, час. Так что они оставили его на корабле с открытым люком, а сами пошли к бассейну посреди леса из травы. Для гигантов, вероятно, это была просто лужа, оставшаяся после дождя. Но для людей это был бассейн тридцати футов в длину и двадцать в ширину. И только в самой середине глубина накрывала Джорджа с головой. Оставив винтовки по краям бассейна, с обеих сторон, чтобы успеть быстро добраться до оружия, с какой бы стороны ни появилась опасность, они залезли в воду. Нырнув, Джордж позабыл обо всех опасностях. Такого удовольствия он давно не испытывал. У него было мало практики, но из-за низкой гравитации не требовалось много сил или умения, чтобы прыгать в воду и нырять, а плавать оказалось так восхитительно, как и рассказывала Сабина.

Только он вылез из воды, чтобы обсохнуть, как услышал зловещий звук раздвигающейся травы. А в следующую секунду появились тени.

Это шел гигантский ребенок со своим зверем. Джордж схватил винтовку и развернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с опасностью и защитить свою семью. Земля задрожала от прыжка животного, и ветер ударил прямо в лицо. Зверь прыгнул прямо на них.

Джордж поднял винтовку, прицелился, — хотя едва ли это было необходимо из-за размера мишени, — и выстрелил. Животное заревело (наверное, для гигантов это просто визг, подумал Джордж), отпрянуло, остановилось и стало корчиться от боли.

Джордж хотел крикнуть всем, чтобы бежали к кораблю, но

услышал крик гиганта, резво повернулся в сторону корабля и застыл от ужаса.

Гигантский ребенок нашел корабль. Он схватил его и стал осматривать, поднеся к глазам примерно на высоту шестисот футов. Слишком высоко, подумал Джордж, чтобы можно было увидеть крошечную фигурку Карла у открытого люка. В любую секунду Карл мог добраться до люка и вылететь с корабля.

Джордж снова поднял винтовку, но Сабина схватила его за руку.

– Не стреляй, – воскликнула она. – Пуля причинит ему боль, и он выронит корабль. Нужно ждать.

Но ждать оказалось не легко. Ребенка-гиганта корабль заинтересовал. Он вертел его в руке, пытаясь рассмотреть, что там внутри. Затем прижал его к боку головы. К уху, подумал Джордж, хотя оно невидимо или непохоже на человеческое.

Сам Джордж Карла слышать не мог, но хорошо представлял себе, как тот вопит в корабле. Гигант, конечно, не мог его слышать – голос Карла издавал слишком короткие для него звуковые колебания. Но что-то его все же привлекало.

Наконец, гиганту вроде бы надоело. Он наклонился и положил корабль в траву. Но сделал это небрежно. Корабль упал с высоты нескольких футов, так что Джорджу оставалось надеяться, что Карл внутри серьезно не пострадал.

Когда гигант ушел, Сабина закрыла глаза. Джордж почувствовал, что она собирается упасть в обморок – он и сам был на грани этого. Но Сабина выдержала. Она просто открыла глаза и сказала:

– Идем быстрее. Я должна узнать, что там с Карлом.

Когда они примчались к кораблю, Карл встретил их воплями.

– Хочу домой! Хочу домой! Хочу домой! – кричал он.

– Я его не виню, – сказал Джордж. – Я сам хочу домой. – Он упал в кресло, потому что ноги его внезапно ослабели. – Когда я думаю, что мог сотворить гигантский ребенок...

– Но не сотворил, – сказала Сабина. – Он любопытен, но не злобен. Многие из человеческих детей не стали бы вести себя так хорошо, Джордж. Когда некоторые считают кого-то маленьким и беспомощным, то мучают его и разрывают на части.

– Давай не будем об этом, – сказал Джордж. – Карл в безопасности. Ну, так будем благодарны и приложим все усилия, чтобы больше не столкнуться с такой проблемой. Купаться я больше не пойду, а стану работать без отдыха, чтобы поскорее закончить ремонт.

– Но я не могу не думать об этом ребенке, – сказала Сабина. – Он такой воспитанный и деликатный. Представить себе не могу, какая женщина может ударить его. Я даже не думаю, что это вообще его мать.

– Это не твое дело, и все равно, ты ничего тут не сможешь изменить, – сказал Джордж. – А теперь замолчи, уведи детей и не мешайте мне работать.

– Мы не будем мешать тебе, папа, – сказал Лестер.

– Все, больше ни слова. Сабина, пожалуйста...

– Хорошо, хорошо. Но мне кажется, что ты сам болтаешь больше всех. Ну-ка, дети, оставьте отца в покое.

– А почему я не могу помогать ему, мама? – спросил Джерри.
– Я бы подавал ему инструменты...

– Хорошая идея, – сказал Джордж. – Пусть Джерри останется.

– А почему он, а не я? – спросил Лестер. – Мама, я тоже хочу остаться. Я имею такое же право остаться, как и он.

– Он старший, – сказал Джордж.

– Все всегда достается ему, раз он старший! – заупрямился Лестер. – Это несправедливо! Если он останется...

– Ну, все! – рявкнул Джордж.

Он слышал, что ссора продолжалась, когда они перешли в соседнее помещение, потому что забыли закрыть дверь. Джордж захлопнул ее. И все стихло.

Это был длинный день. Джордж закончил работу только тогда, когда солнце уже касалось горизонта, и детей отправили спать. Ремонт закончен, корабль снова готов к полету.

Теперь он мог подняться в воздух, а затем улететь в космос. Если бы не одна трудность.

Гигантский ребенок поднял корабль, а затем снова положил его, и теперь тот лежал так, что корма задралась в воздух, а нос уткнулся в землю. Перед взлетом необходимо приподнять его нос.

– Мне потребуется выйти наружу, – сказал Джордж Сабине. – Потребуется около получаса, чтобы изменить положение корабля.

– Можно использовать дополнительные двигатели, – сказала Сабина. – Но, Джордж, ты кое о чем не подумал. Мы посреди зарослей травы. Она уже не влажная, какой была, когда мы приземлились. Двигатели могут поджечь ее. Фактически, они наверняка ее подожгут.

– Ну и что? Когда корабль закрыт, высокая температура ему не повредит.

– Ты что, ничего не понимаешь? Пожар может распространиться и сжечь дома бедных гигантов и их самих.

– Послушай, Сабина, чего ты волнуешься о них? Я думал, та женщина тебе не понравилась.

– Не понравилась, но все равно, так делать неправильно. Даже такая, как она, не заслуживает подобной участи. И ее ребенок тоже пострадает. И отец, если у них есть отец.

– Но, Сабина, если для них это просто беспокойство, то для нас это вопрос жизни и смерти. Нам надо убраться отсюда.

– Я знаю, но...

– Только не начинай опять сентиментальные причитания о семейке гигантов. Нам нужно блюсти свои интересы. Даже если начнется пожар, они смогут потушить его. Они легко его потушат, просто затопчут огонь своими большими ногами... минутку... дай подумать...

– Об их ногах?

– Да. Пожар начнется быстро, но мы не сможем сразу взлететь, а сперва при помощи двигателей придется ставить корабль прямо. Это займет примерно полчаса. Предположим, они прибегут сюда, чтобы затоптать огонь... и нас заодно.

– Да, это вполне возможно. Джордж, лучше бы нам не устраивать пожар.

– А что я могу сделать? Вырубить лес вокруг корабля? Это займет много дней. А кроме того, это привлечет их внимание не меньше, чем пожар. Они начнут исследовать местность, чтобы понять, почему вдруг исчезла трава посреди поляны.

– Не знаю, что тебе посоветовать, – сказала Сабина. – Почему бы не подождать до утра? За ночь мы отдохнем, а утро вечера мудренее, тогда и решим, как поступить.

– Мне бы очень не хотелось оставаться здесь еще на одну ночь.

– Джордж, прошлой ночью ничего не происходило. Гиганты спали. А если они пойдут сюда, то нас разбудит сотрясение земли от их шагов.

– Я действительно устал, – сказал Джордж. – Хорошо, Сабина, раз ты так хочешь, мы выспимся, а утром решим, что делать дальше.

Короткая ночь прошла спокойно. Будильник выставили так, чтобы разбудить их с усилением света от восходящего солнца. Оказалось, что они спали лишь четыре часа. Джордж встал с кровати, зевая. Сабина этого не услышала, но ее разбудили крики Карла. Джерри затеял с Лестером возню, и Лестер, как младший, по обычаю проиграл и решил отыграться на своем младшем брате. Оттого по всему кораблю и разносились жалобы Карла.

Гиганты не появлялись. Сабина поспешно приготовила завтра, и они поели.

– Я чувствую себя, как после наркоза, – сказал Джордж. – Го-

лова ватная, глаза закрываются сами собой. Как ты там говорила, утро вечера мудренее?

– Не помню. А я такое говорила?

– Нам нужно изменить положение корабля, чтобы он мог взлететь. Помнишь? И мы не хотим использовать для этого двигатели из страха устроить пожар и привлечь к себе внимание гигантов.

– Мама, можно, мы пойдем купаться? – спросил Джерри.

– Больше никаких купаний.

– Мам, ну что за дела? Только разочек окунемся...

– Перестань ворчать на мать, – сказал Джордж. – Вы никуда не пойдете.

– Интересно, – сказала Сабина. – Гигантский ребенок...

– Что еще?

– Если бы он знал, чего мы хотим, то легко бы нам помог.

– Если бы он знал, чего мы хотим... в этом что-то есть... Но откуда ему это узнать? Мы никак не можем связаться с ним. Даже нашим лингвистам потребовались бы недели, чтобы изучить их язык.

– Да, я знаю. Но... должен же быть какой-то способ, Джордж.

– Если придумаешь, скажи мне о нем.

Сидевший на коленях Сабины Карл сполз на пол и внезапно схватил маленький зеленый предмет в несколько дюймов длиной.

– Колабль, – сказал он. – Лететь.

– Что это, Карл? – спросил Лестер. – Дай-ка посмотреть!

– Мама, он хочет отнять! – тут же завопил Карл.

– Я только хотел посмотреть, мама, – закричал в свою очередь Лестер. – Я хотел посмотреть, что это такое!

– Дай сюда, я сама посмотрю, – сказала Сабина, осмотрела предмет и отдала его Карлу. – Наверное, семечко травы, – сказала она. – Очевидно, прицепилось к одежде, и мы пронесли его на корабль.

– Правильно, мама, – подтвердил Джерри. – А вот еще одно.

– Колабль, – стоял на своем Карл. – Лететь домой.

– Он думает, что семечко – этот корабль, – сказал Джордж. – И готов держать пари, тому гигантскому ребенку наш корабль наверняка показался забавным семечком.

– Надеюсь, он не схватит нас снова, – сказал Джерри.

– Почему бы и нет? – сказала Сабина. – Джордж, может быть, вот он – ответ! Если бы мы могли заставить гиганта поднять корабль и подержать его в воздухе, он стал бы вертеть его, как до этого, и, рано или поздно, мы оказались бы ориентированы так, что смогли бы стартовать.

– Но остается затруднение, о котором мы уже говорили, – ответил Джордж. – Как мы заставим его поднять корабль, если не можем ничего объяснить?

– Нам и не потребуется ничего объяснять. Например, ты пустишь из дюз облака дыма. Ты ведь можешь сделать это, не так ли, Джордж?

– Конечно, могу.

– Он должен быть любопытным, как все дети, и наверняка придет посмотреть, что здесь такое. А затем подберет нас...

– Он может причинить нам боль, – сказал Джерри.

– Мы заранее пристегнемся к креслам. А папа будет сидеть за управлением, готовый моментально стартовать.

– Это возможно, – признал Джордж. – Давайте попробуем. Начинай пристегивать их к креслам, Сабина, а я пойду наберу травы.

Через четверть часа они были готовы. И примерно в этот время появились молодой гигант и его животное, примерно, в десяти тысячах футов от корабля.

Джордж притащил в корабль огромные стебли травы, сунул их в химическую камеру сгорания и, когда они там загорелись, выпустил через сопла ракетного двигателя облако дыма. Молодому гиганту, подумал он, это покажется лишь тоненькой стружкой. А может, он вообще не обратит на нее внимание.

Какое-то время ничего не происходила. Потом Джордж, следивший за ними на экране, заметил, как дергается морда животного.

— Он фыркает! — тут же закричал Джерри. — Он чувствует запах дыма!

Животное прыгнуло к ним, потом вернулось к хозяину. Теперь и гигантский ребенок заметил дым и замер, приглядываясь. Джордж начал выпускать как можно больше дыма.

Гигант осторожно подошел поближе и наклонился, словно боялся, что его ужалит какое-нибудь насекомое. Его лицо закрыло весь экран.

Потом он поднял корабль. У Джорджа все завертелось в глазах, но, как и остальные, он был надежно пристегнут к креслу, висеть вниз головой при пониженной силе тяжести оказалось не так уж плохо. Зато Карлу это не понравилось, и он завопил, зовя мать.

Потом секунд десять все шло очень плохо, когда гигантский мальчишка затряс корабль, чтобы послушать, не стучит ли что внутри. Все почувствовали себя ужасно, а Карл завопил еще громче. Затем корабль выровнялся, на мгновение его нос оказался направленным вперед и вверх, и...

Джордж нажал кнопку экстренного включения двигателя. Корабль рванулся вперед, оставив позади мальчишку-гиганта, изумленно разинувшего все свои рты.

Они летели на высоте 400 футов над вершиной травы. Красная стена тянулась впереди более, чем на 1000 футов вверх, и не было никакой возможности перескочить через нее. И они пролетели сквозь нее, едва почувствовав слабый толчок, а затем Джордж задрал нос корабля еще более круто вверх, и вскоре они поднялись над кромкой деревьев-гор, все больше и больше набирая высоту.

Джордж облегченно вздохнул и стал отстегиваться от кресла.

— Ну, вот, — сказал он, — мы сделали это. Теперь можем лететь домой.

— Бедный ребенок, — сказала Сабина.

– Ты о чем? – спросил Джордж. – Я уверен, что не причинил ему боль. Он держал корабль посередине, и дюзы послали выхлоп просто в воздух. Он даже не ощутил тепла. В самом худшем случае, он получил крошечный ожог, который быстро пройдет.

– Я имею в виду не это, – сказала Сабина. – Красная стена... Мы прошли сквозь нее. Мы порвали какую-то одежду – неважно, что именно это было.

– Думаю, его мать сумеет ее заштопать.

– Я не это имею в виду, – покачала головой Сабина. – Не делай вид, что ничего не понимаешь, Джордж. Они ничего не знают о нас, и, когда ребенок попытается ей все объяснить, она ему не поверит. Боже, да эта противная женщина наверняка обвинит во всем его. Она его избьет.

– Мне очень жаль, – вздохнул Джордж. – Но, может, все обойдется?

– Ты же видел, что эта женщина плохо обращается с ребенком. А он такой милый ребенок, задумчивый и мягкосердечный. Мне бы не хотелось думать, что она может превратить его в забитое существо.

Ну, что сказать жене, которая утверждает такое? – подумал Джордж. Он ничего не мог ей ответить, и только невнятно что-то проворчал.

– Не хочу домой! – внезапно завопил Карл. – Хочу на детскую площадку! Хочу купаться!

– Заткнись, Карл! – с внезапным ожесточением закричала Сабина. – Заткнись, или я тебя так отшлепаю, что ты никогда не забудешь этого! Я сыта по горло твоими воплями!

Пораженный внезапной вспышкой родительницы, от которой он ждал сочувствия, Карл спрятал язык за зубами.

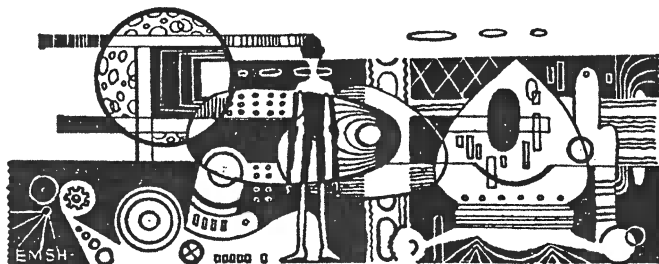
– Он настоящий ангел, – внезапно сказала Сабина.

– Карл? – не понял Джордж.

– Нет, конечно же, тот гигантский ребенок. И такая ужасная мать!

Ситуация нормализуется, подумал Джордж и направил корабль домой.

The Magazine of Fantasy and Science Fiction, February 1954

Galaxy

SCIENCE FICTION

OCTOBER 1953

35¢

ANC

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ЭТАЛОН СУДЬИ

Ронар был преобразован, если это подходящий термин, но видел, что они не доверяют ему. Беспокойство чувствовалось в нервных движениях, когда они подошли к нему, страх сиял в их глазах. Ему пришлось заверить себя, что это постепенно пройдет. Постепенно они научатся относиться к нему, как к своему, и забудут, кем он когда-то был. Но сейчас они все помнили. И он тоже.

Миссис Клеймор, председательница комитета, была многословной.

– О, миссис Сильвер, так мило с вашей стороны, что вы приехали. Вы тоже приняли участие в соревнованиях?

– Совсем чуть-чуть, – со скромным смешком ответила миссис Сильвер. – Конечно, я не собираюсь выигрывать у всех этих очаровательных женщин, участвующих в соревновании. Я только подумала, что немножко попробую – чисто для интереса.

– Это очень любезно с вашей стороны. Но не надо так скромничать. Я все еще помню некоторые из блюд, которые вы приготовили на обед в тот раз, когда мы с Джорджем нанесли вам визит. М-м-м... Они были восхитительны!

– Всего лишь обычные рецепты, – еще более скромно произнесла миссис Сильвер. – Но я так рада, что вам понравилось.

– Конечно, конечно. И я уверена, что судье тоже понравится ваш пирог.

– Судье? Разве не будет обычной комиссии?

Он слышал каждое слово. Они понятия не имели, насколько острый у него слух, а у него не было ни малейшего желания смущать их, распространяясь об этом. Он слышал все разговоры, ведущиеся обычным тоном в большой гостиной. А сосредоточившись, он мог разобрать даже шепот. И сейчас пришлось сосредоточиться, потому что миссис Клеймор наклонилась чуть ли не к самому уху подруги.

– Мой дорогая, вы разве не слышали? У нас были такие проблемы из-за комиссии. На нее посыпались обвинения в том, что она продвигает любимцев. Это ужасно!

– В самом деле? Но тогда где вы нашли судью?

– Только не оборачивайтесь... Нет, я вам скажу, как надо. Притворитесь, что я сказала что-то смешное, откиньте голову и засмейтесь. А когда засмеетесь, быстро взгляните вон туда. Он сидит там один на сцене.

Миссис Сильвер очень мило засмеялась, как было сказано, и бросила взгляд на сцену. И увиденное настолько поразило ее, что она даже забыла шептать.

– Да ведь он...

– Тс-с-с... Говорите тише, моя дорогая!

– Зачем?.. Но ведь он не человек!

– Он считается человеком – теперь. Но, конечно, это спорный вопрос!

– И кто на Земле додумался выбрать его судьей?

– На Земле – никто. Но профессор Холдер, живущий на большом астероиде в противоположной стороне от вашего, услышал о наших проблемах и предложил решение. Сперва это показалось абсурдным...

– Мне и сейчас это кажется абсурдным! – вставила миссис Сильвер.

– Но этот единственное, что мы могли сделать. Больше нет никого, кому мы могли бы доверять.

– Но что он знает о пирогах?

– Моя дорогая, у него самый утонченный вкус!

– Я все еще ничего не понимаю.

– У него сверхчеловеческое восприятие. Прежде, чем принять предложение профессора Холдера, мы провели несколько тестов. Результаты получились просто поразительные. Мы смешали все виды специй – от самых тонких экзотических трав с Венеры и Марса до самых сильных, грубых ароматов с Земли и еще одно растение, которое выращивают только на астероидах, – и он перечислил нам все, что мы добавили, и в каких количествах.

– Мне кажется, Матильда, в это трудно поверить.

– Правда? Это совершенно невероятно! Если бы я не видела это сама, то ни за что бы не поверила.

– Полагают, что у него не может быть человеческих предпочтений. Но ведь он... Он же не...

– Плотоядный? О, да! Мне сказали, что это самое свирепое существо, какое только можно вообразить. Если какое-нибудь животное появится в пределах мили от него, он учует и бросится за ним. Он и другие представители его вида сделали астероид, где они обитают, не пригодным для проживания никакой другой разумной жизни. А может, они живут на том самом спутнике, где мы сейчас находимся, не знаю точно...

– Вот как?

– Ну, здесь, или на какой-нибудь другой луне Сатурна. Нам нужно было что-то с ними сделать. Естественно, мы не хотели их уничтожить – это вышел бы самый легкий способ, но такой нецивилизованный! И, наконец, ученые придумали для них метод психического преобразования. Профессор Холдер рассказал нам, насколько трудно это далось, но все же сработало. По крайней мере, в его случае.

Миссис Сильвер бросила украдкой еще один взгляд.

– Действительно? Что-то я не замечаю никого возле него.

– О, мы не собираемся искушать судьбу, Клара. Но если бы существовала хоть малейшая опасность, то я уверена, что психологи не выпустили бы его из своих лап.

– Надеюсь, что так. Но психологи частенько опрометчиво рискуют чужими жизнями.

– Однако, нашелся психолог, который рискует собственной жизнью – и собственной женой, к тому же. Вы же знаете доктора Кэбэниса, не так ли?

– Слегка. Это не у него такая самодовольная, высокомерная жена?

– Да, это она. Доктор Кэбэнис – именно тот, кому поручили преобразовать его. И он собирается присутствовать здесь. А его жена тоже готовит пирог.

– Только не говорите, что она действительно надеется победить!

– Она хорошо стряпает, моя дорогая! Оставьте же ей хоть какие-то достоинства. Иначе как такой умный человек, как доктор Кэбэнис, мог выдерживать ее столько лет? Ну, в конце концов, психолог он, а не я, и он мог бы объяснить все это лучше меня.

Внимание Ронара разделилось.

Значит, доктор Кэбэнис тоже здесь. Ронар стал озираться, но психолог не появлялся в его поле зрения. Вероятно, он прибудет попозже.

В мысли Ронара вторглась странная смесь эмоций. Некоторые из самых болезненных моментов его жизни были связаны с присутствием доктора Кэбэниса. Молодость Ронара, жившего жизнью хищника, протекала легкомысленно счастливой. Он подумал, что мог бы назвать и свою нынешнюю жизнь тоже счастливой, если не слишком придирается к этому слову. Но вот промежуточный период!

Мало сказать, что он был болезненным! Долгие сеансы с доктором Кэбэнисом расшевелили самые глубины его души, о которых он даже не подозревал. Он даже столько не думал об электрошоковой терапии и лекарственных препаратах. А постепенная перестройка всей его психики, особенно период базисного инструктажа, когда его заставили так возненавидеть свою прежнюю жизнь, что он больше не смог бы вернуться к ней, даже если путь был бы открыт, а также создание нового, полезного проживания рядом с человеческими существами – все это стало пыткой в чистом виде.

Если бы он заранее знал, что ему предстоит, то не захотел бы пройти через это. Он бы сражался. Пока не погиб, как многие другие представители его вида. Однако, теперь, когда все закончилось, он полагал, что результаты стоили боли. Теперь у него было более важное положение, чем казалось на первый взгляд. Он контролировал изрядную часть поставок продовольствия, предназначенного для внешних планет, и его слову слепо доверяли. Он мог браковать намеченные грузы без формального подтверждения лабораторными исследованиями. Им восхищались. Но его и боялись.

Но у здешних людей были к нему другие чувства. Ронар вдруг услышал перешептывание, которое его удивило.

– Моя дорогая, мне кажется, он действительно красив.

– Но, Шарлотта, как ты можешь говорить такое о том, кто даже не является человеком!

– Но он более похож на человека, чем многие люди. И одежда соответствует ему. Интересно, у него есть хвост?

– Об этом я ничего не знаю.

– А-а!.. – В этом звуке слышалось разочарование. – Он похож на пирата.

– Мне говорили, что он нечто вроде волка. Ты ведь никогда не подумала, что он мог бегать на четвереньках, не так ли?

– Конечно же, нет! Он держится так прямо и с таким достоинством...

– Это только показывает, чего может достичь психология.

Психология и целый ряд операций, дорогие леди, саркастически подумал он. При помощи одной только психологии я не был бы способен ходить на двух ногах.

Из-за марсианского орехо-кактуса, растущего в большом горшке, донесли два голоса, и на этот раз они не шептались. Между голосами распознавалось различие в паре октав. Один был мужской, а другой – женский.

– Не волнуйся, любимая, – сказал мужчина. – Я всегда предпочту твою стряпню и сдобу всем остальным.

Раздался любопытный звук, нечто среднее между щелчком и шипением. Люди называют это поцелуем, подумал Ронар. Между полами всегда возникают привязанности или страсти. Иногда, особенно это касается женского пола, соблюдаются формальности, за пределами которых отношения могут быть сугубо враждебными.

– Но у этих женщин столько опыта, – дрожа, сказала девушка. – Они столько готовили и пекли на протяжении многих лет...

– Но ты же делала то же самое в семье.

– Да, но это не одно и то же. Я училась по кулинарной книге. И у меня не было опытных учителей.

– Зато ты все узнала сама, и никакая старая клуша не стояла сзади и не диктовала тебе, что надо делать. Ты готовишь так хорошо, что я скоро растолстею.

– Твоя мать так не думает. И твой брат что-то пробурчал о булочках новобрачной...

– Это всего лишь старая шутка, которая нравится Чарльзу. Не волнуйся об этом. – Он снова поцеловал ее. – Будь уверена в своих силах, дорогая. Ты обязана победить.

– О, Грегори, ужасно приятно, что ты это говоришь, но я чувствую такую неуверенность...

– Если бы судья был человеком и увидел тебя, то сразу стало бы ясно, кто получит первый приз. Я ведь уже говорил тебе, что ты прекрасна...

Ронар перестал к ним прислушиваться. Он считал человеческие любовные ласки такими же отталкивающими, как и человеческую еду.

Он прослушал еще несколько перешептываний. А затем вошел доктор Кэбэнис.

Он поглядел вокруг доброжелательным взглядом профессионального врача, улыбнулся, поздоровался с несколькими знакомыми леди так, словно был свидетелем частного стриптиза их душ, а затем пошел прямо к сцене.

– Как вы, Ронар?

– Прекрасно, доктор. Вы здесь для того, чтобы наблюдать за мной?

– Мне кажется, это едва ли необходимо. Меня интересуют результаты соревнования. Моя жена тоже испекла пирог.

– Я и понятия не имел, что изготовление сладких пирогов является такой важной частью человеческой деятельности.

– Все, что требует мастерства, может стать у нас популярным. Между прочим, Ронар, я надеюсь, что вы не чувствуете себя обиженным.

– Обиженным, доктор? Что вы имеете в виду?

– Ну-ну, вы отлично меня поняли. Люди все еще не доверяют вам. Я могу судить об этом потому, что они держатся от вас на расстоянии.

– Я принимаю во внимание человеческие слабости. Слабости и недостаток уверенности в себе. У этих мужчин и женщин не было возможности пройти углубленный курс психологического лечения, который прошел я. Я не ожидаю от них слишком многого.

– Вы заработали очко, Ронар.

– Но можно что-нибудь сделать для них, доктор? Какое-нибудь лечение, которое можно им законно устроить?

– Можно, но оно должно быть строго добровольно. Видите ли, Ронар, вас считали животным, и психообразование было необходимым, чтобы спасти вам жизнь. Но эти люди изначально имеют права. В том числе и право оставить их в покое со всеми их болячками. Кроме того, никто из них не болен настолько тяжело, чтобы представлять опасность для окружающих. Они никому не наносят вреда.

Насчет последнего Ронар чисто по-человечески сомневался. У него так и вертелся на языке вопрос: «И ваша жена, доктор? Люди задаются вопросом, как вы можете с ней жить». Но он поборол это искушение. Он мог сопротивляться и более серьезным искушениям.

Гонг издал мягкий, глубокий звук.

– Надеюсь, Ронар, – сказал доктор Кэбэнис, – у вас нет никакой обиды на меня на этой сцене. Я бы очень не хотел думать, что моя жена не заняла первое место только потому, что судья оказался пристрастен.

– Не беспокойтесь, доктор. Я горжусь своей работой. Я выберу действительно лучшего.

– Конечно, и то, что пироги только пронумерованы, а не подписаны именами своих создателей, весьма упрощает дело.

– Это имело бы значение для человеческих судей. Но не для меня.

Снова прозвучал гонг, на этот раз более громко. Постепенно все смолкли. На сцене появился человек при полном параде, с желтыми шевронами на боках шорт и хвостами, свисающими с боком и спереди. Глаза его сияли настолько теплым приветствием, что почти скрывали страх.

– Как поживаете, Ронар? Я счастлив вас видеть.

- Все хорошо, сенатор. А вы?
- Лучше и быть не может. Хотите сигару?
- Нет, спасибо. Я не курю.
- И правильно делаете. Кроме того, я бы зря потратил сигару.

Вы ведь не голосуете! – И он сердечно рассмеялся.

– Как я понимаю, готовятся принять специальный закон, позволяющий таким...м-м... людям, как я, принять участие в следующих выборах.

- Я за это, Ронар, я за это. Можете рассчитывать на меня.

На сцене появилась председательница, дородная и величавая женщина, которая улыбнулась сенатору и Ронару, и обменялась с обоими рукопожатиями, так же не выказывая признаков отвращения. Конкурсанты и зрители заняли свои места.

Председательница откашлялась.

– Дамы и господа, давайте откроем нашу встречу исполнением «Гимна Всех Планет».

Все поднялись на ноги, Ронар тоже. Его голос был плохо приспособлен к пению, но то же самое можно было сказать и о большинстве голосов собравшихся в этом зале. По крайней мере, Ронар знал слова наизусть.

Потом председательница поприветствовала собрание формально, от имени руководящего комитета.

Затем она представила сенатора Уиттена. Она лукаво упомянула о том, что сенатор давно достиг возраста неосмотрительности и до сих пор избегал брака. Очевидно, он враг женского пола, но все же собравшиеся женщины дают ему слово.

Сенатор Уиттен столь же лукаво принял вызов. Да, ему удачно, – если здесь уместно слово «удача» – удавалось избежать брака. Но он убежден, что если бы ему не выпала честь присутствовать здесь сегодня, познакомиться с красивейшими леди и испробовать плоды их таланта, он счел бы себя обездоленным. А вообще, он давно горой стоит за многоженство.

Затем сенатор Уиттен начал оду древнему искусству приготвления пищи.

Внимание Ронара рассеялось и стало блуждать по всему залу. Случайно его уши уловили перешептывания сидящих в первом ряду мужчины и женщины.

– Мне следовало поставить на пироге твое имя, а не мое, – сказал мужчина.

– Это глупо. Все мои подруги знают, что я не умею стряпать. И выглядело бы очень странно, если бы я вдруг победила.

– Будет выглядеть еще более странно, если победу одержу я. Представляю себе, что скажут мои парни в магазине.

– О, они просто глупы. Что плохого в кулинарном искусстве?

– Я не мечтаю о такой славе.

– Многие из лучших поваров мира были мужчинами.

– Но я не повар.

– Прекрати волноваться по пустякам, – в ее шепоте послышалось раздражение. – Во всяком случае, тебе все равно не победить.

– Этого я не знаю. Шейла?

– Что?

– Если вдруг я получу приз, ты станешь всем объяснять, какой я на самом деле мужественный? Ты будешь свидетелем моего твердого характера?

Она подавила смешок.

– Если ты не станешь мне помогать, – продолжал мужчина, – мне придется предоставить доказательства твердости моего характера самому.

– Тс-с-с, нас могут услышать!

Сенатор Уиттен продолжал пустое словоизвержение.

Ронар вспомнил прежние времена, когда он скитался по поверхности своей родной луны. У него больше не было старых желаний и прежних склонностей. Только их слабые отголоски все еще не

хотели исчезать, призраки прошлого, не имеющие власти, чтобы причинить кому-нибудь вред. Но Ронар помнил старое чувство удовольствия, с каким он вонзал зубы в животное, которое победил самостоятельно, и с какой дикой радостью он глотал вкуснейшую плоть. Он больше не ел сырого мяса. Он не ел мяса вообще. Его тренировали против этого. И теперь он питался наполовину вегетарианской, наполовину синтетической пищей. Он был сыт. Вполне доволен, и когда-нибудь сможет совсем забыть о прошлой жизни.

Он не испытывал настоящего удовольствия в дегустации пирогов и других деликатесов, которые обождали люди. Но вкус его, по-прежнему сверхутонченный, служил теперь для выгоды других. А для него самого это выглядело насмешкой.

Голос сенатора Уиттена внезапно смолк. Раздались аплодисменты. Сенатор сел, поднялась председательница. Настало время оценить результаты.

Пирогов было больше сотни, облитых глазурью всевозможных цветов, благоухающих невысказанными ароматами. Председательница представила Ронара и похвалила его беспристрастность и остроумие вкуса.

У них была готовая судейская карта. Ронар медленно шел вдоль столов с пирогами.

С тем же успехом пироги могли быть подписаны именами производителей, потому что, когда он брал кусочек и нес ко рту, то слышал при этом быстрый вздох женщины, испекшей его, улавливал шепот ее спутника. Мало что оставалось для него тайным.

Сначала все пристально смотрели на него. Но когда он подошел к пятому пирогу, в зале взметнулась чья-то рука.

— Госпожа председательница!

— Пожалуйста, леди, не нужно прерывать экспертизу.

— Но я не думаю, что она будет правильной. Мистер Ронар берет лишь крошку от каждого пирога.

– Минимум три крошки, – поправил ее Ронар. – Одну от самого пирога, одну от глазури и еще одну от пропитки между слоями.

– Но так же нельзя распробовать пирог. Вы должны съесть хоть кусочек, взять его в рот...

– Пожалуйста, миссис, дайте мне объяснить, – сказал Ронар. – Мне требуется только крошка. Мне хватит ее, чтобы проанализировать состав пирога. Вот, например, пирог номер четыре сделан по превосходному рецепту и хорошо испечен. Марсианская мука, перепелиные яйца, соль с тинганом, чуток венерианской апельсиновой специи и почти нет химических добавок. Глазурь сделана превосходно, редкого состава сахара с рибозой и ксилозой, который придает ей восхитительный аромат. Но, к сожалению, этот пирог не выиграет первый приз.

– Но почему? – раздался из зала крик измученной души.

– В изготовлении пирога нет никаких ошибок. Но пурпурные вишни, которые использованы в нем, не первой свежести. У них характерный запах заморозки.

– Продавец поклялся мне, что они совершенно свежие! Я убью его, убью!..

И леди разразилась слезами.

– Надеюсь, миссис, – сказал Ронар леди, которая попыталась опротестовать его дегустацию, – теперь у вас будет немного больше уверенности о моих способностях судить.

Она покраснела и ничего не сказала.

Ронар продолжил дегустацию. Девяносто процентов пирогов он отстранил сразу из-за ошибок при использовании сырья или в методе сдобнения теста. Одиннадцать пирогов прошли первый тур.

Ронар снова прошел вдоль них, на этот раз более медленно. Когда он закончил второй этап дегустации, остались только три пирога. Номер 17 принадлежал миссис Кэбэнис. Номер 43 был сделан муж-

чиной, который спорил с женой. И номер 64 был испечен молодой невестой, которая пряталась с женихом за кактусом, и Ронар ее так и не увидел.

Ронар объявил перерыв.

— Мой вкус немного притупился. Я вынужден попросить короткий перерыв, прежде чем продолжить.

Зал дружно вздохнул. Напряженность не спала, ее лишь чуть смягчили этой краткой передышкой.

— Мне бы хотелось глотнуть свежего воздуха, — сказал Ронар председательнице. — Это поможет мне восстановиться. Вы не возражаете?

— Конечно, нет, мистер Ронар.

Он вышел наружу. Сияющие сквозь тонкий слой воздуха, окружающий группу зданий, и пластиковый пузырь купола, не позволяющий воздуху улетучиться в космос, звезды выглядели грандиозно и умиротворяющие. Далекое солнце напомнило ему дом и отца, который был слишком добр, чтобы убить своих детей. Как странно вспомнить, подумал Ронар, что это его родной спутник. Всего лишь несколько лет назад это был совершенно иной мир. Что же касается его самого, то он прекрасно мог жить как под куполом, так и в разреженном воздухе снаружи. И предположим, он проделает в пластике купола дыру...

Запрещенные мысли! Он прогнал их и сосредоточился на трех пирогах и трех соперниках.

Предполагается, что я не могу позволить вмешиваться в оценку личным отношениям, подумал он. Предполагается даже, что я не знаю, кто состряпал эти пироги. Но ведь я прекрасно это знаю. И я не могу воспрепятствовать личным отношениям повлиять на мое суждение.

Любой из этих пирогов достаточно безупречен, чтобы победить. Какой-то из них я должен поставить на первое место, и никто не

будет иметь права критиковать мой выбор. Так кому я собираюсь присудить первый приз?

Номеру 17? Миссис Кэбэнис, как абсолютно точно назвала ее другая женщина, это сука на колесах. Если она победит, то станет просто невыносимой. И, вероятно, она заставит своего мужа страдать. Не то, чтобы он не заслуживал этого. Однако, он думает, что сделал мне одолжение. А разве я сделаю одолжение ему, если его жена победит?

Если победит номер 64, она станет невыносимо самонадеянной. Ее любовное щелбание с мужем, вероятно, было бы отвратительно даже для человеческих ушей. Но с другой стороны, если сделать ее победительницей, это разъярит остальных женщин. Подумать только, молодая, только что сыгравшая свадьбу, без реального опыта ведения домашнего хозяйства, уйдет отсюда с первым призом!

Но если дело только в том, чтобы распалить собравшихся, тогда почему бы не дать первый приз номеру 43? Все же просто с катушек съедут от ярости! Подумать только, обыкновенный мужчина побьет их на их собственном поле! Кто же такое сумеет выдержать? Но сам мужчина не будет слишком доволен. И выбрав его, я покажу всем, что действительно думаю о них.

С другой стороны, продолжал Ронар, предполагается, что я являюсь эталоном справедливости. Именно поэтому мне поручили это дело. Помнишь, Ронар? Давай-ка, иди и продолжи дегустацию. Откуси большой кусок от каждого пирога, потому что ты ненавидишь его вкус. И выбери действительно достойный.

Все болтали, но когда Ронар вошел, воцарилось молчание.

– Вы действительно готовы, мистер Ронар? – спросила председательница.

– Да, готов.

Перед ним поставили три пирога. Он откусил изрядный ку-

сок от номера 17, медленно прожевал и проглотил. За ним последовал номер 43, затем номер 64.

После третьего куска он стоял, пытаясь собраться с мыслями. Фактически, каждый пирог был не хуже других. И он все еще мог сделать выбор по его создателям.

Собравшиеся в зале умолкли, только наиболее заинтересованные нервно перешептывались.

– Если приз получу не я, – шептала миссис Кэбэнис своему мужу-психологу, – то это будет твоей ошибкой. И ты заплатишь мне за это!

Ошибка доктора? Да, подумал Ронар, если захотеть, то можно пойти именно этим путем. Если бы не доктор Кэбэнис, то Ронар не стал бы судьей. Если бы Ронар не стал судьей, тогда госпожа Кэбэнис победила бы. По крайней мере, так думала она сама. Значит, это будет ошибкой ее мужа.

– Если он отдаст приз мне, – шепнул кондитер-мужчина своей жене, – то я разможу ему голову. Напрасно я влез во все это.

– Теперь уже поздно об этом волноваться.

– Я мог бы закричать: «Пожар!», – прошептал он в ответ. – Я мог бы создать панику, все ринулись бы из зала, а я бы тем временем уничтожил свой пирог.

– Не глупи! И прекрати шептать.

Молодой, только что завершивший медовый месяц муж шепнул:

– Ты победишь, дорогая! Я чувствую это всем нутром!

– О, Грег, пожалуйста, не обманывай меня. Я уже смирилась с проигрышем.

– Ты не проиграешь.

– Мне страшно. Обними меня, Грег. Считаю меня глупой. Ты ведь по-прежнему будешь любить меня, если я проиграю?

– М-м-м... – Он поцеловал ее в плечо. – Ты же знаешь, что я

люблю тебя не за кулинарные способности, милая. Тебе не нужно печь мне пироги. Ты сама такая аппетитная, что я бы тебя съел.

А ведь он прав, подумал Ронар, уставившись на нее. Этот человек прав. Конечно, он совершенно не то имел в виду, но он прав.

И внезапно, в течение одной секунды, все прошлое пронеслось в голове Ронара.

Молодая невеста так никогда и не узнала, почему она выиграла первый приз.

Galaxy Science Fiction, October 1953

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

НЕНАВИСТНИКИ

– Мы им покажем, – сказал Керман.

Грэйсон не ответил. Керман был не просто полусумасшедший. Он говорил о том, что «покажет им», с тех пор, как они ступили на борт корабля. Грэйсон привык к нему так же, как ко всему остальному. В конце концов, нельзя же нанять совершенно нормальную команду для такого полета. Пришлось брать то, что можно было взять, и не обращать внимания на всяческие там причуды.

Однако, если когда-либо замечание Кермана соответствовало ситуации, то именно теперь. Потому что теперь есть планета, которую они искали, и никто не помешает завладеть ею.

Макгэнт, первый помощник, подошел и сказал:

– Мы хотим приземлиться, капитан.

– Погодите минутку, – ответил Грэйсон. – Я проверю данные.

– Нечего там проверять, – кисло сказал Макгэнт. – Кислород, температура, сила тяжести, атмосферное давление – все в норме. Радиоактивность немного повышена, но мы с этим справимся. Там нет ничего, что может нам навредить, но есть много чего обнадуживающего.

– Я не уверен насчет обитателей, – сказал Грэйсон.

Макгэнт посмотрел на него как-то странно. Нельзя заслужить уважение у такой команды, подумал Грэйсон. Некоторые были рабски преданы ему, но вообще-то удача, если вам вообще станут повинаться, а не сунут нож в спину. Макгэнт сейчас точно не был

полусумасшедшим, как во время полета. И он смотрел на Грэйсона так, словно считал его слабым на голову. Возможно, он что-то задумал, решил Грэйсон.

– От них нет никакой опасности, – сказал Макгэнт. – Один малочисленный разумный вид на стадии питекантропов.

– Я не уверен в этом.

– Клянусь Плутоном, капитан, это же очевидно! У них нет ни жилищ, ни лодок, ни каналов. Никаких признаков, что они когда-либо слышали об использовании инструментов. Никаких признаков, что они выращивают пищу или пользуются оружием, чтобы убить добычу. Чего вы еще хотите от меня? Чтобы я провел им тест на IQ?

– Было бы неплохо, – ответил Грэйсон. – За невозможностью этого я хочу еще раз просмотреть пленки, которые мы записали.

– Я видел их. На них нет ничего, что могло бы быть опасным.

– Я склонен с вами согласиться. Но это еще не причина быть небрежным.

– Все, что прикажете, капитан, – почтительным тоном произнес Макгэнт, умея лишь выражением лица показать презрение. – На любом корабле кто-то должен быть осторожным, точно также, как кто-то должен быть клоуном. Но ставлю два к одному, что вы лишь попусту потратите наше время. Через час мы начнем приземление, хотя можем сделать это сейчас.

– Не сомневаюсь относительно этого, – холодно отмахнулся Грэйсон. Ему не понравилось замечание о клоуне.

– И еще, клянусь Плутоном, нам предстоит собирать материалы. Мы должны показать этим грязным таким-сяким...

– Лучше придержи язык, – оборвал его Грэйсон.

«Грязные такие-сякие» Макгэнта, были, конечно же, марсианские туземцы. А для Кермана «ими» являлись чиновники Межпла-

нетной Транспортной Службы, которые уволили его по совершенно оправданным причинам.

Сам Грэйсон не настолько мелок. «Они», которым он собирался «показать», были не чем иным, как всем Родом Человеческим.

Он изучил записи, прогнав их раза три в поисках любой под-сказки, которая намекнула бы на скрытую цивилизацию, любого знака, что развитие высшей антропоморфной расы, или А-расы, продвинулось дальше стадии питекантропа. Но ничего не нашел.

Разумные существа не выглядели особенно внушительно. Они были футов пяти высотой, довольно тонкие в кости и вообще не с внешностью гуманоидов. Скорее, они походили на поднявшихся на задние лапы ящеров, которыми все же не являлись. У них имелись выдающиеся челюсти и скошенные лбы, как будто они больше полагались на зубы, чем на мозги. А Грэйсон знал, что у врагов опаснее всего именно мозги, чем все остальное.

Но нормальный он или нет, а Макгэнт все же оказался прав. Час спустя Грэйсон отдал команду, и корабль пошел на посадку. Он приземлился посреди ровного поля, покрытого красно-серой низкой растительностью.

Все вышли, держа наготове оружие и осматриваясь. Ничего не происходило, и Грэйсон задался вопросом, почему он не может избавиться от ощущения опасности. Конечно, растения выглядели необычными, но не более необычными, чем, например, на Венере. Высокие серые деревья, красно-серый кустарник, синяя трава. Они росли, как и подобает растениям, и Грэйсон не видел причин бояться их. Однако, необходимо сделать анализы.

Несколько человек, по приказу Макгэнта, уже собирали образцы. Они взяли пробы воздуха, образцы почвы, листья и кору различных растений. А судебной биохимик Стрэттон, милейший человек, кроме тех случаев, когда он считал, что Вселенная преследует его, прогнал все собранные материалы через электронно-химиче-

ROCKET STORIES

FIRST ISSUE • BERNHARD • DE ROSSO • JAKES • LESSER

ские анализаторы. Это заняло времени неизмеримо меньше, чем если бы он делал это вручную при помощи микроскопа.

– Никаких ядов или кожных аллергенов, – сообщил он, – за исключением одного вида деревьев, но я не думаю, что это окажется большой проблемой, капитан, для наших антитоксинов. Некоторые травы содержат умеренные аллергены, но наши препараты с этим легко справятся.

Значит, растения не грозят никакой опасностью. Что же касается животных... Грэйсон услышал сухой щелчок выстрела и увидел, как синий зверек выпрыгнул из травы и упал замертво. Керман с парой ребят нашли экземпляры покрупнее. Другая группа собирала местный эквивалент насекомых. Вскоре они наберут образцы многочисленных типов животных, поймут, как те реагируют на людей, и узнают, как их проще всего убивать. Электронные анализаторы проверят все это и сообщат все важные подробности людям.

Час спустя начали поступать полученные отчеты. К концу дня было изучено более ста мелких разновидностей и дюжина крупных. И тут не нашлось ничего, чего бы следовало бояться.

Тем временем, остальная часть команды не слонялась без дела. По приказу Грэйсона, дюжина человек полетела на разведку на одноместных вертолетах. Если планета действительно богата различными металлами, как это показалось при облете, они должны обнаружить такие месторождения, чтобы команда наживала себе по состоянию за каждый день работы в шахтах.

Когда по радио стали поступать отчеты, Грэйсон понял, что он прав. Похоже, состояния уже у них в кармане.

– Мы им покажем, – усмехнулся Керман, пуская слюни при мысли о деньгах, которые он заимеет.

На этот раз Грэйсон кивнул. Он тоже мечтал о том, как поступит со своим богатством, и жестокая привычная улыбка становилась все тверже. Он знал, кому и что он покажет.

Они наблюдали двадцатичетырехчасовой цикл, хотя период вращения планеты составлял почти тридцать часов. Было все еще темно, когда прозвонил сигнал пробуждения, и люди пошли готовить машины. Техник, относительно нормальный, но очень уж не приветливый, проверил электронные фильтры в баках, заменил один, показавшийся ему неисправным, сделал беглый осмотр механической части и сообщил:

– Готово, капитан.

– Начинаем разработку. – Грэйсон развернул карту, на которой были отмечены богатые рудой области, найденные вчерашними разведчиками, и показал на участок №1. – Попробуйте сначала его.

– Нужно было взять с собой побольше оборудования, – проворчал он.

– В этот полет мы взяли все, что могли. Зато в следующий раз у нас будет столько оборудования, что работа пойдет в десять раз быстрее.

Вертолет с группой шахтеров полетел в окружающую темноту, освещая прожекторами деревья на тысячу футов вперед. Все входит в свою колею, подумал Грэйсон. Все нормально, все спокойно. И нет никакой опасности.

Из корабля вышел Макгэнт.

– Какие проблемы, капитан? – усмехнувшись, спросил он.

– Да до сих пор никаких.

– Так я и думал. Эта А-раса вообще не опасна. Что же касается мозгов, надеюсь, у них этого добра достаточно, чтобы держаться от нас подальше.

– Мы вчера ни на кого не наткнулись?

– А их почти и нет поблизости. Один из наших вчера увидел единственный экземплярчик. Он выстрелил, но, видать, промахнулся, потому что существо бесследно исчезло.

– Скажите всем, чтобы в них не стреляли. Посмотрим, может, мы сумеем приручить их и как-нибудь использовать.

Но Грэйсон практически не рассчитывал на это. Будет вполне достаточно, сказал он себе, чтобы эта раса была безопасна. Теперь единственно важной становилась быстрота, с какой можно добывать в шахте металл и перевозить добычу на корабль.

Но он все равно почувствовал беспокойство, когда подслушал разговор двух парней.

– Только не говори, что ты промахнулся по нему, Ферланд, – сказал один из них. – Я же знаю, что из своей винтовки ты можешь попасть в цель хоть с расстояния в десять миль.

– В принципе, могу, – ответил Ферланд. – Но я не привык к здешней атмосфере. К тому же, мой дальномер барахлит: то ли я обо что-то ударил его, то ли что еще...

Затем они заметили Грэйсона, замолчали и поздоровались с ним. По кому промахнулся этот человек? – подумал про себя Грэйсон. Конечно, по животному. Но по какому животному? По одному из А-расы?

Дисциплина на корабле была и без того разболтана, так что не стоило давать им понять, что он услышал их разговор. Грэйсон прошел мимо, отметив, что когда он оказался вне пределов слышимости, парочка продолжила разговор полусшепотом.

Этот случай его насторожил, и на следующий день Грэйсон сам пошел с охотничьей группой. Животные уже получили первый урок и не спешили показываться. Одному из группы пришлось выгонять их из укрытий сильным ультразвуковым лучом, бьющим во всех направлениях, но тогда они бежали так быстро, что их трудно было убить. Пока их брали на прицел, они успевали изменить окраску и отыскать следующее укрытие. И приходилось начинать все снова и снова.

Примерно через час Грэйсон, наконец, получил шанс выстрелить самому. Тогда он, наконец, отыгрался на маленьком ящерицепоподобном зверьке всего лишь в фут высотой, который мирно

замер в тридцати футах от норы, словно не чувствовал раздражающей ультразвуковой луч, и с интересом поглядывал на людей.

Выстрел Грэйсона получился более мощным, чем он хотел использовать для такого маленького животного. Он попал ящерице в середину головы и сбил ее с ног. На мгновение Грэйсон испугался, что зверушку разорвало на куски.

Но этого не случилось. Грэйсон с изумлением глядел, как животное поднялось, совершенно невредимое, и медленно направилось в сторону норы.

– Вы не попали ему в голову, капитан, – встревоженно смеялся один из мужчин. – Вы только слегка задели его.

– Я попал ему точно в голову, – настаивал Грэйсон.

– А кроме того, – добавил другой его спутник, – такой мощный выстрел даже по касательной должен был убить его.

– Наверняка, – согласился Грэйсон. – А кто-нибудь вообще убил здесь хоть одного из таких зверьков?

– Я вчера стрелял в одного, капитан, но промахнулся.

Это был Ферланд.

– Вы уверены, что промахнулись? – резко спросил Грэйсон.

– Вот теперь не уверен, капитан. Но я так думал.

– Прентисс, – сказал Грэйсон, – выгоните этого зверька из норы ультразвуковым лучом. Я хочу еще раз посмотреть на него.

Ультразвуковой луч повысили до полной мощности, но никто не выскочил из норы.

Лоб Грэйсона стал влажным.

– Бросьте туда гранату, – велел он. – Уж тогда-то он вылетит оттуда, в крайнем случае, по частям.

Все отошли, и Ферланд бросил в нору гранату. Ему нравилось бросать гранаты. Фонтаны земли поднялись во всех направлениях и вскрыли нору на целую дюжину футов. И в глубине вскрытой полости они увидели ящерицу, взирающую на них. Зверушка каза-

лась раздраженной нарушением своей частной жизни, но не особенно расстроенной. Грэйсон стал рассматривать ее с близкого расстояния. Зверек помог ему, встав на задние лапки словно для того, чтобы его можно было получше разглядеть.

Выдающаяся челюсть, покатый лоб. Зверушка немного походила на искаженный облик представителя А-расы.

Вероятно, более древняя и мелкая форма, подумал Грэйсон. Наверное, она имеет такое же эволюционное отношение к А-расе, как обезьяны имеют к людям.

Глядя на него, зверек разомкнул челюсти. Грэйсон услышал тоненький писк. Большую часть звуков он производит, наверное, в ультразвуковом диапазоне, подумал Грэйсон.

Еще одна ящерица высунулась из норы рядышком и, игнорируя присутствие людей, оба зверька завели писклявую беседу. Затем оба повернулись и скрылись во второй норе.

– Хотите, я вскрою и ее, – нетерпеливо сказал Ферланд.

– Не стоит, – встревоженно сказал Грэйсон.

Нужно держать его под контролем, подумал Грэйсон, а то он слишком любит бросать гранаты.

– У меня есть кое-что немного получше гранат, капитан, – сказал один из членов группы. – Карманная ядерная бомба. Нам только нужно отойти подальше, если хотим ею воспользоваться.

– Давайте попробуем, – сказал Грэйсон.

Космонавт осторожно подошел к норе и сунул в нее бомбу. Все поспешно отошли. Когда бомба сработала, взрыв можно было ощутить на полмили вокруг. В воздух взметнулись земля и камни, а с ними две маленькие ящерицы.

Когда люди вернулись, обе зверушки снова стояли друг перед другом, все так же попискивая, как и прежде. Очевидно, взрыв им ничуть не повредил.

Грэйсон посмотрел на своих людей, те посмотрели на него, и никто ничего не произнес.

– Похоже, мы ничего не можем сделать этим тварям, капитан, – сказал Ферланд, перебирающий гранаты. – И это плохо. Возможно, нам лучше оставить их в покое.

– Боюсь, это лучше было сделать с самого начала. Возвращаемся на корабль.

Грэйсон говорил спокойно, но внутри у него было совсем не спокойно. Он оказался прав с самого начала. Здесь есть опасность, ужасная опасность. До сих пор, каким-то чудом, эти ящерки не выказывали склонности вредить им. Но что, если бомбежка нор разбудит их гнев?

На следующий день Грэйсон узнал, что маленькие ящерки весьма уязвимы.

Они поставили капкан в полмили от корабля, и когда прозвучал сигнал, Грэйсон поглядел на экран и увидел, что они поймали. На сей раз это оказалась большая ящерица, представитель А-вида. Она стояла на двух ногах между стенами из прозрачного металла и смотрела вокруг, словно задаваясь вопросом, что же произошло. Но не металась и не подавала никаких признаков паники. Она просто исследовала ситуацию, в которой очутилась, и Грэйсону показалось, что это очень по-человечески.

Что-то шевельнулось на краю экрана, и Грэйсон увидел, как маленькая ящерица рассматривает своего крупного родственника через прозрачную металлическую стену. Еще полдюжины ящериц присоединились к первой, и несколько секунд все спокойно глядели на пойманного.

Затем большой шевельнулся. Его лапы с силой ударили по металлической стене, и та разорвалась. Секунду спустя большой уже был на свободе и напал на мелких ящериц, окруживших его.

Стена, должно быть, полностью разрушилась, потому что экран внезапно погас. Грэйсон ошеломленно выругался, затем рывкнул:

– Макгэнт, Ферланд! Возьмите несколько человек с карманны-

ми ядерными бомбами, и за мной! Я хочу увидеть, что там происходит!

Через две минуты они уже сидели в вертолете и летели над местом, где валялись остатки сломанной ловушки.

– Здесь все уже кончено, капитан, – сказал Макгэнт.

Как только вертолет приземлился, Грэйсон выскочил из него и побежал к тому, что казалось рваной тряпкой. Это все, что осталось от маленькой ящерицы. Грэйсон уставился на нее, сердце его бешено колотилось от страха. Он не мог в это поверить.

– Мы не смогли ничего сделать этой тварюшке, капитан, – уныло сказал Ферланд, – а большой просто разорвал ее на куски в мгновение ока.

– А что будет с нами, если большой на нас нападет? – спросил Макгэнт.

– Лучше об этом не говорить, – покачал головой Грэйсон. – До сих пор мы удачно избегали их. Один Бог нам поможет, если вообще воспылает любовью к нашей компании.

– А вот еще один, тоже мертвый, – сказал Ферланд. – Похоже, его сожгли.

Кожа зверька действительно выглядела опаленной.

– Должно быть, это из той пары, которую мы пытались взорвать карманной бомбой, – сказал Грэйсон.

– Значит, бомба все же помогла, в конце концов, – заметил Макгэнт.

– К сожалению, недостаточно. Вот если бы у нас был заряд в натуральную величину...

– Но у нас его нет, капитан.

– У нас его нет. Но если бы был, мы бы сумели защититься. Поэтому что... – Он замолчал. – Мы улетаем с этой планеты.

– Нет, капитан! – воскликнул Макгэнт. – Клянусь Плутоном, мы же хотели здесь разбогатеть, чтобы вернуться и показать им... Мы не

можем теперь уйти, оставив нетронутым весь этот драгоценный металл.

Грэйсон стиснул губы.

– Будете нести эту чепуху в вертолете, – сказал он. – Мы возвращаемся на корабль и тут же улетаем с этой планеты. Если вам это не нравится, Макгэнт, можете оставаться здесь с этими ящерицами. И можете взять с собой любого, кто захочет остаться с вами.

Все покачали головами.

– Только не нас, капитан, – сказал Ферланд. – Мы здесь не остаемся после того, что только что увидели.

Обратный полет к кораблю проходил в полном молчании. Грэйсон вышел и увидел, что в люке по-дурацки торчит Керман.

– Все в порядке, Керман?

– Все спокойно, капитан.

– Возвращайтесь на корабль. Велите Спарксу связаться со всеми и вызвать разведчиков и шахтеров немедленно на корабль. Через пятнадцать минут мы улетаем. Кого к этому времени не будет на борту, тот останется на планете.

Грэйсон бросился по коридору и открыл дверь в свою каюту. И застыл в дверном проеме, словно парализованный. Потому что у стола, уставившись на него, стоял ящероподобный представитель А-расы. Отверстие, прорванное в металлическом полу, объясняло, как сюда попала эта тварь.

Рука Грэйсона метнулась к оружию, но тут же бессильно упала. Оружие тут бесполезно. Единственное, что могло его спасти, это голова, его мозги, хитроумные мозги расы, намеревающейся завоевать Вселенную.

Кто-то пронесся по коридору с криками:

– Капитан! Они прорвали отверстие в борту! Они срывают двигатель!

Внезапно еще одно животное А-вида открыло дверь склада и устало на него. Именно в этот момент Грэйсон осознал всю безнадежность ситуации. Но не совсем. Он знал, что корабль не сможет взлететь без серьезного ремонта, что он сам и остальные члены экипажа оказались, практически, во власти А-расы. Но самым важным было то, чего он не понимал.

Из смежного коридора раздался взрыв, затем панические крики. Наверное, это уничтожили оружейный склад, подумал Грэйсон. Все его знания были бесполезными, совершенно бесполезными. Никто не может повредить этим большим, ящерицеподобным существам. Их можно лишь взволновать, привести в ярость, заставить мстить.

Грэйсон заглянул за угол и увидел, что происходит. Парочка представителей А-расы спокойно надвигалась на дюжину съжившихся членов экипажа. Как воспитательницы, отбирающие у детей опасные игрушки, которыми те могли причинить себе вред, они отбирали у людей оружие и гранаты.

И в этот момент Грэйсон внезапно осознал истину. А-существа не собирались их убивать. Это ясно показывал способ, которым они уничтожили меньших существ с их собственной планеты. Напротив, они заботились о людях, и на это имелась причина – люди представляли для них ценность, потому что знали то, что те хотели узнать.

А раз они могли получить от людей знания, это подразумевало, что сами они разумны, весьма разумны. Это ужасная правда и ужасная опасность, которая парализовала ум Грэйсона. Колени у него подогнулись, и он, задыхаясь, прислонился к стене. Впервые с тех пор, как он вышел из тюрьмы, его страх за род человеческий стал таким большим, что затмил всю ненависть к нему.

А-существа были очень умными. Чтобы не дать людям убежать, они удалили двигатель с вертолета и ушли, оставив людям корабль, который не может взлететь, и часть оружия, чтобы за-

щищаться от мелких животных. К тому же, чтобы защитить людей от маленьких ящериц, против которых человеческое оружие оказалось бесполезным, они оставили двоих охранников.

Охранники выбрали Грэйсона и биохимика Стрэттона, осторожно привели их в капитанскую каюту и стали задавать вопросы.

Они показывали на различные предметы и хотели, чтобы люди произносили их названия. Капитан Грэйсон покорно стал давать им урок языка.

– Умно, – сказал он себе, – очень умно. Они выбрали нас обоих, как самых интеллектуальных из всего экипажа. Они решили, что мы будем лучшими учителями. Ну, не считая легкого безумия, мы действительно неплохи.

Стрэттон, казался напуганным его высказываниями в духе мании преследования. Но на этот раз никакой мании, подумал Грэйсон, только настоящее преследование.

– У них отличная память, капитан, – нервно сказал Стрэттон. – Они безошибочно повторяют слова, которые мы произносим.

Фактически, А-существа учились говорить очень быстро. Грэйсон не мог представить, что он сам изучает язык с такой быстротой и точностью.

Через три дня они уже могли общаться – достаточно свободно и бегло. И один из первых вопросов, который они задали, служил доказательством их ума.

– Почему у вас такие люди?

Стрэттон, естественно, понял вопрос неправильно.

– У всех людей разные обязанности, – принялся объяснять он. – Один прокладывает курс корабля, другой управляет двигателями...

– Это не то, что я хотел, – произнесло А-существо.

– Кажется, я понимаю, – кивнул Грэйсон. – Вы хотели узнать, почему у меня такая специфическая команда. Но сначала скажите, почему вы решили, что эти люди какие-то особенные?

– Нет никакой закономерности. Мы не знаем, каковы человеческие нормы. Но мы знаем, что эти не могут быть нормальными образцами. Слишком много моделей поведения. Одни унылы и безразличны, как Керман, другие легковозбудимы, как Макгэнт. Есть трусливые, а есть безразличные к потере жизни. Некоторые рабски повинуются, другие исполняют приказы лишь в крайнем случае.

– Прекрасный экипаж, не так ли? – горько усмехнулся Грэйсон.
– Но для такого путешествия эти люди оказались лучшими из всех, что я сумел найти.

– Они лишены логики. Они ненавидят. И они работают на свою ненависть.

– Да, мы ненавистники, – согласился Грэйсон. – Это единственная общая черта, которая есть у всех нас. Макгэнт ненавидит родную планету, которая выслала его за совершенные им преступления. Керман ненавидит Межпланетную Транспортную Службу, которая уволила его за мелкое воровство. Ферланд ненавидит суд, осудивший его отца за взятку. Некоторые ненавидят по причинам, существующим лишь в их больном воображении. У других, как и у меня, есть серьезные основания для того, чтобы ненавидеть весь человеческий род.

Оба А-существа обменялись взглядами.

– Не смотрите на меня свысока, – сердито сказал Грэйсон. – Если бы вы знали, что они сделали мне, то поняли бы меня. Я был признан виновным за убийство, которого не совершал. Меня выслали в исправительную колонию для переделки психики. После того, как я пробыл там десять лет – весь срок, – они нашли настоящего убийцу, который лежал к тому времени на смертном одре и умер, показывая им нос. Десять лет моей жизни – подумать только! – Он задыхался от гнева, вспоминая свои обиды. – Самые драгоценные десять лет! Конечно, они не могли вернуть их мне, но вся штука в том, что они

даже не попытались. И не думали пытаться. Мне просто сообщили, что с меня снимут судимость, и я смогу заниматься своим бизнесом, как и прежде, с незапятнанной репутацией.

Грэйсон не хотел столько рассказывать, но теперь, когда у него появились слушатели, он просто не мог сдержаться. И у него появилась еще одна причина, причина, только начавшаяся формироваться. Его ничто бы не остановило. Ничто, кроме...

— Они забыли, что изменили мне психику. Когда я прибыл в колонию, то был нормальным человеком. Когда же вышел из нее — сами видите, каким я стал. Я всех ненавижу. Первое, что я сделал, это решил немного сравнить счет. Я заплатил десять лет за человеческую жизнь, заплатил, так сказать, авансом. И я взял то, за что заплатил, убив самого жестокого охранника той колонии. После этого я почувствовал себя лучше, но все равно ненавижу людей. Пока же я томился в исправительной колонии, были изобретены межзвездные двигатели. Но их использование было почему-то запрещено. Власти рассудили, что другие звездные системы могут быть полны неизвестными опасностями, и не захотели навлекать их на Солнечную систему. Межзвездные исследования запретили всем кораблям, кроме принадлежащих государству, экипажи которых специально обучали всем мыслимым мерам предосторожности. — Грэйсон неприятно усмехнулся. — Лично мне было плевать, навлеку я опасность на Солнечную систему или нет. Я только знал, что существуют сотни тысяч, миллионы неизведанных планет, и на них найдется достаточно полезных ископаемых, на которых могут нажить состояния первых тысячи исследовательских команд. И я начал как можно быстрее собирать такую команду. Но оказалось, что я могу уговорить отправиться с собой только уголовных преступников. У них все равно слишком много грехов перед всем Человечеством, слишком много грехов. Именно поэтому мне пришлось набрать команду ненавистников.

По сравнению с ними – и со мной тоже, – даже дьявол покажется мелким жуликом.

– Именно это мы и хотели узнать.

А-существа снова обменялись взглядами, и Грэйсону показалось, что они сомневаются. Но ведь он говорил правду, по собственным причинам, конечно, но тем не менее, правду.

– Если вы не верите мне, спросите других, – резко сказал он. – Они вам скажут, лгу ли я. Нужно добавить лишь одно. Мы никак не рассчитывали на встречу с такими высокоразвитыми существами, как вы. И теперь мы не сможем вернуться на родную планету, чтобы насладиться найденным здесь богатством.

Если бы он только мог убедиться в этом! Но может, они еще вернутся. Вероятность этого существует. Двигатели корабля не разрушены, они просто удалены. Возможно, экипаж все же вернется в Солнечную систему, к людям, которых так ненавидит.

– Мы отремонтируем ваш корабль. Может, построим еще несколько таких же. И вы приведете нас в свою Систему.

Это было именно то, чего он боялся. Грэйсон уставился на этих существ и почувствовал панику. Он не сказал им, что уже передумал, что больше у него нет ненависти к Роду Человеческому. Он не сказал им, что человек может считать, что знает себя, знает свои самые сокровенные желания, – а когда сталкивается лицом к лицу с их реализацией, то понимает, что на самом-то деле он не хотел ничего подобного. Но именно это он не должен говорить. И должен молчать о том, что испугался того кошмара, который произойдет, когда такие неуязвимые существа придут к тем, кто называет себя Человечеством. На мгновение он испугался, что они прочтут его мысли.

Однако, это было абсурдом. Если бы они могли читать мысли, то не стали бы задавать ему столько вопросов. Его мысли можно прочесть лишь в том случае, если он сам выдаст их по трусости.

Но если они и не могли читать мысли в буквальном смысле этого слова, то могли, по крайней мере, представлять, что он думает.

– Вы задаетесь вопросом о нас, – сказала одно из А-существ. – У нас не существует машин, подобных тем, что заполняют ваш корабль. У нас нет большей части вашей науки. И вы не понимаете, как же мы можем мечтать о строительстве других кораблей.

– Да, я задал себе этот вопрос, – согласился Грэйсон. – Я совершенно вас не понимаю...

– Мы сами только недавно начали понимать себя, – тихо сказала существо. – Мы – молодая раса. Те, что похожи на нас, но меньше размером, – вы называете их ящерицами, – они наши предки.

– Я так и подумал, – сказал Грэйсон, – но это же не имеет смысла. Эти маленькие были единственными существами, которых вы убили.

– Это единственные существа, которых мы должны бояться, – сказала А-существо.

Не единственные, подумал Грэйсон. У вас есть еще я. Да, я ненавидел человеческий род за то, что он сделал мне. Это слепая, безрассудная ненависть. Да, некоторые заслужили частичку того, что я им желал – но никто не причинил мне вред преднамеренно, ни убийца, ни даже охранник, которого я потом убил, хотя каждый из них по отдельности был врагом Человечества. И теперь, когда у меня не осталось ничего, кроме горечи в сердце, я вижу это более ясно, но я также могу понять, что никогда по-настоящему не хотел уничтожить все Человечество. Я хотел, чтобы люди поняли, что наказали меня несправедливо, чтобы они боялись моей мести. Я бы вернулся миллионером и помышал теми, кто причинил мне вред, я бы использовал свои средства, чтобы наказать тех представителей власти, которые рассматривали меня всего лишь как строку в списке заключенных.

Но у меня никогда не было намерения навлекать бедствие на всю Солнечную систему. А именно это я и сделал – вернее, сделаю, – обнаружив вашу расу, если не смогу остановить вас. Теперь у меня нет никакого оружия, кроме разума, моего человеческого разума, моих мыслей, которые, к счастью, вы не можете прочесть. И этот разум я должен использовать на всю катушку, чтобы отыскать ваши слабости и воспрепятствовать тому, чтобы вы поработили все Человечество, поскольку, боюсь, именно это вы и делаете, если нападете без предупреждения.

– Эти наши маленькие предки глупые и беспечные, – сказала А-существо. – Однако, в борьбе за жизнь на этой планете у них было преимущество. Внешне они похожи на нас. И никакое обычное оружие не в силах им повредить. Они даже не умирают от старости. Они умирают, лишь когда убивают друг друга. Должно быть, когда-то они возникли, как некая мутация. И, появившись, они стали быстро размножаться среди существ, стоявших, по сравнению с ними, на более низкой ступени. И лишь когда они заселили всю поверхность планеты, то начали конфликтовать друг с другом и таким образом ограничивать свою численность. А несколько сотен тысяч лет назад появилась наша раса. Вначале она отличалась только размером. У нас имелась та же самая почти полная неуязвимость и недостаток разума, и мы являлись лишь разновидностью доминирующей мелкой расы. Но в сражении друг с другом мелкие оказались беспомощными против нас, и наша численность стала расти. За выживание шла отчаянная борьба. Участвующие в ней были вынуждены научиться объединяться, систематически и неуклонно охотиться на врагов. Мы изучали свои силы и возможности, учились заранее распознать, когда мы можем победить, а когда проиграем, и одновременно развивали язык, чтобы еще успешнее сотрудничать. Так мы и стали разумной расой, какую вы видите сегодня. Однако, у нас не было никакой потребности бороться с

природой, в отличие от вашей расы. Никакой враг не мог причинить нам боль, никакое оружие не могло повредить нашим телам. В природе не существовало никаких опасностей, от которых мы нуждались бы в защите. Нашими единственными врагами являлись наши мелкие предки, и мы воевали с ними зубами и когтями. Но за последние несколько лет наши мыслители определенно смогли переломить эту ситуацию к нашей пользе. Они же предсказали, что в будущем мы не будем ограничены немногими квадратными милями земли, которую сейчас населяем. Через несколько лет вся планета станет нашей. И что тогда? При нехватке еды мы не умираем, но перестаем расти и размножаться. Выходит, наша раса зайдет в тупик из-за отсутствия места, где можно размножаться? И мы как раз изучали эту проблему, когда прилетел ваш корабль. Вы преподнесли нам ответ. Другие планеты, другие звездные системы – вот наш дом. Оставался лишь один вопрос. Как построить корабли, чтобы завоевывать космос? Мы изучили вас и ваших людей, и пришли к выводу, что мы превосходим вас по всем статьям. Что бы вы ни делали, мы можем сделать это гораздо лучше. Но вы можете многому нас научить, поэтому мы сделали все возможное, чтобы никому из вас не навредить, поскольку у вас есть знания, которые мы хотим использовать. И на всех планетах, которые мы завоюем, мы станем учиться. Так что вскоре мы получим все знания, которые вы приобрели в течении всей своей истории.

– Мне все равно, – пожал плечами Грэйсон, – поскольку я не доживу до этого.

У него был богатый опыт в умении скрывать свои чувства, а эти чувства знали людей еще очень недолго. Однако, он боялся, что они легко раскусят его и поймут, что он так легко говорит о ненависти к Человечеству только потому, что этой ненависти больше в нем нет.

Эти существа действительно обладают суперразумом, в отчаянии подумал он. Они изучили наш язык за несколько дней, а я понятия не имею об их собственном языке. Они как взрослые перед детьми. А может ли ребенок успешно обмануть взрослых в таком важном деле?

Может, подумал Грэйсон. Иногда может. Если симулировать эгоистическое безразличие ко всему, кроме своих собственных интересов, если симулировать полное и безоговорочное повинование, тогда он сможет обмануть взрослых.

И в последующие дни Грэйсон понял, что остальные члены команды, такие же ненавистники, как и он сам, чувствуют себя виноватыми при мысли о своем предательстве.

К нему как-то подошел Керман.

– Скажите, капитан, – взволнованно сказал он, – эти ящерицы действительно хотят, чтобы мы рассказали им все, что мы знаем?

– Вы знаете не так уж и много, Керман, – сказал Грэйсон.

– Да, капитан, но кое-что все же...

– Делайте, что они велят, – сказал Грэйсон, прекрасно понимая, что о его словах тут же узнает вся команда. – Не предлагайте информацию сами, потому что это выглядело бы непочтительным. Но отвечайте, когда вас спрашивают.

– Но, черт побери, капитан, они – ящерицы, а мы – люди! И если они узнают, как управлять кораблем и как создавать собственные корабли...

– О чем мы заботимся? Единственное, что мы хотим, это остаться в живых, не так ли?

Керман неопределенно кивнул.

– В таком случае, нужно делать лишь одно, – продолжал Грэйсон. – Рассказывайте им то, что они хотят узнать. Сохраняйте с ними хорошие отношения.

— Ладно, капитан, — покорно сказал Керман. — Но теперь они спрашивают о металле, который мы загрузили на корабль. Они думают, что если он нужен нам, то нужен также и им. Они хотят, чтобы мы научили их добывать его.

— Так научите, — сказал Грэйсон. — Мне казалось, я слышал, как вы сами не раз говорили, Керман, что мы им покажем.

— Я не это имел в виду, капитан, — смущенно усмехнулся Керман. — Я имел в виду людей, оставшихся дома. Но мы покажем и этим ящерицам тоже...

Из нас хорошие рабы, подумал Грэйсон, превосходные рабы. К счастью, существует кое-какая критическая информация, о которой большинство людей обычно не вспоминает. Хотя мне нужно предупредить кое-кого из техников, чтобы они не выдали эту тайну. Что касается остальных, они будут трудиться руками и мозгами, и с каждым днем А-раса станет получать все больше драгоценного знания, приобретенного нами, и учиться создавать машины. Неузвимую расу нельзя остановить, горько сказал он себе, ей нельзя навредить, ей невозможно сопротивляться.

Можно только позволить им выбирать из сокровищницы ваших знаний и таким образом платить за материальные сокровища, за которыми мы сюда прилетели. Интересно, подумал он, оценит ли Человечество в должной мере, что я тут делаю. Конечно, оно никогда не узнает об этом, но интересно, оценило бы, если бы узнало?

Вряд ли. Более вероятно, что все люди прокляли бы меня за то, что я сделал. И они были бы правы. Я ненавижу их, и теперь расплачиваюсь за свою ненависть. Стронно, но теперь я гораздо сильнее ненавижу А-расу. И вся она находится здесь, сосредоточенная на нескольких квадратных милях вокруг корабля, окруженная врагами на собственной планете, и готовится к роли Завоевателя Галактики. Если бы только нашлось время предупредить людей.

Но времени не было. Не было ни времени, ни возможности распространить эту новость, а даже если бы и было, никакой крейсер не смог бы прибыть сюда достаточно быстро, чтобы ядерными бомбами стереть с лица планеты А-расу.

Конечно, если бы такая бомба была сброшена, она уничтожила бы и корабль, служивший А-расе моделью, и людей, служивших ей учителями. А вместе с ними погибли бы и большинство членов самой А-расы, а выжившие на периферии, вероятно, оказались бы беспомощными от нападения своих более мелких сородичей.

Весь вопрос упирался в невозможное «если». Хотя... Если трудиться самому и заставить трудиться своих людей, чтобы добыть и очистить драгоценный металл, собрать его в одном месте, наблюдая, как растет и растет его количество, а затем...

Он собрал экипаж. Все стояли молча, хмурые, сумасшедшие, все те, кто чувствовал себя преследуемым и ненавидел все Человечество.

– Послушайте, – сказал он, – все очень просто. Чем скорее мы сделаем то, чего хотят эти ящерицы, тем скорее вернемся домой. Конечно, это была ложь, они никогда не вернутся домой. – Я хочу, чтобы вы прекратили бездельничать и поторопились.

– И отдать Солнечную систему этим ящерицам? Сперва я увижу их в аду! И вас, капитан, вместе с ними! Парни...

– Ладно, парни, – улыбаясь, сказал Грэйсон. – Почесали языками, и будет. А теперь начинайте работать. И поторопитесь.

Ряды металлических брусков заполняли теперь небольшой отсек на корабельном складе, драгоценный запас металла, который он так услужливо собирал, был почти собран. Три штабеля, составленные порознь, три штабеля, уже теплые от летящих сквозь них нейтронов, разбивающих атомы. Грэйсон держал в руке последний брусок урана-235 и знал, что стоит только поместить его в любой

штабель, как это превысит критическую массу и превратит собранный металл в ядерную бомбу, заставит ее внезапно взорваться в атомном взрыве, ярость которого испарит корабль, рабов и их хозяев с ревом, который еще никто и никогда не слышал на этой планете.

На лице Грэйсона сияла почти такая же счастливая улыбка, которая смешила его, появляясь у Кермана.

– Мы им покажем, – бодро сказал Грэйсон. – Мы им покажем.

Но в его улыбке не осталось ненависти. Он положил брусок на место, и все мгновенно закончилось. Там, где был корабль, люди и ненависть, осталась лишь пустая, расплавившаяся и выгоревшая до каменного ложа земля.

Rocket Stories, April 1953

SPACE SCIENCE FICTION

IN THIS ISSUE
ULLR UPRISING
BY H. BEAN PIPER
CHRISTOPHER MORRISON

FEBRUARY 1953 35c

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ОХОТНИКИ

Для всех, кто его не знал лично, Курт Джордж считался знаменитым актером и охотником. Но на сей раз ему пришлось противостоять тем, кто мог по-настоящему притвориться кем угодно и чьей профессией была охота за целыми мирами.

Здесь собралось больше тридцати маленьких девочек в возрасте от десяти до одиннадцати лет, и все щебетали, как стая птенцов, следующих за старой матерью-курицей между рядами клеток.

– Ну-ну, девочки, – радостно провозгласила мисс Бертон, – Не разбегайтесь. Я не смогу за вами следить, если вы будете слишком далеко. Хильда, отдай мне водяной пистолет. Нет, не заполняй его водой из фонтана. А ты, Фрэнсис, перестань бросать мяч. Он проскокит через прутья решетки, и белый медведь может не захотеть вернуть его.

– Мисс Бертон, вы думаете, белый медведь хочет поиграть в мяч?

Двое мужчин, наблюдавших за ними, носили на лицах радостные улыбки.

– Очаровательно, – сказал Манто. – Но несколько непредсказуемо, несмотря на весь наш опыт, *my amigo*.

– Не пытайтесь говорить по-испански, Манто, только не здесь. Это привлекает к нам внимание. К тому же, у вас хромает грамматика. Вы можете ляпнуть то, чего не собирались.

– Извините, Палит. Я вовсе не собирался показывать свои таланты, уверяю вас. Просто... просто в настоящий момент у меня тенденция путать языки.

– Понятно. Вы никогда не были лингвистом. А теперь об этих интересных существах...

– Полагаю, они выдержат небольшое изучение. Было бы интересно узнать, как они мыслят.

– Все что скажете, Манто. Если хотите, мы присоединимся к этим юным леди.

– Сначала нам следует хорошенько подготовиться.

Палит кивнул, и оба мужчины отступили в тень дерева, чьи длинные, свисающие ветви с широкими листьями надежно укрыли их. На мгновение под деревом наступила тишина. Затем из-под ветвей раздался щебет девичьих голосов, и оттуда весело выскочили две маленькие девочки. Мисс Бертон вначале и не заметила, что у нее прибавилось еще два ребенка.

– Вы думаете, что сумеете правильно говорить по-английски? – спросила одна из новеньких девочек другую.

Та сначала лишь загадочно улыбнулась и ничего не ответила, а затем принялась прыгать вокруг подружки и скандировать:

– А я что-то знаю. А я что-то знаю.

Не было лучшего способа сделать себя неприметным, и в течение какого-то времени мисс Бертон не замечала ее.

Белые медведи, гризли, пингвины, рептилии, все уже остались позади. Время от времени дети разбегались, но мисс Бертон знала, как собрать их вместе, так чтобы никто не потерялся.

– А вот здесь, дети, живут кенгуру. Вы знаете, откуда кенгуру?

– Из Австралии! – грянул пронзительный хор.

– Правильно. А какие еще животные водятся в Австралии?

– Я знаю, мисс Бертон! – закричала Фрэнсис, темноволосая девятилетка с блестящими глазами, придирчиво глядящими с ма-

ленького серповидного личика. — Я уже бывала здесь. Кенгуру-валлаби и вомбаты!

— Отлично, Фрэнсис!

Фрэнсис довольно улыбнулась.

— Я много раз была в зоопарке, — сказала она соседней девочке. — Меня водит сюда отец.

— Хотела бы я, чтобы меня тоже водил отец, — грустно ответила та.

— А почему ты его не попросишь? — И, прежде чем та успела ответить, Фрэнсис сделала паузу, подняла голову, и спросила: — Ты кто? Ты не из нашего класса.

— Я из класса мисс Хэссель.

— Мисс Хэссель. Кто это? Она из нашей школы?

— Не знаю, — неопределенно ответила ее собеседница. — Я хожу в P.S. 77...

— Мисс Бертон! — закричала Фрэнсис. — Вот эта девочка не из нашего класса! Она заблудилась и отстала от своих!

— В самом деле? — Мисс Бертон казалась весьма довольной тем, что какой-то другой учитель был так небрежен, что потерял порученного ему ребенка. — Как тебя зовут, дитя?

— Я Кэролайн.

— Кэролайн. А дальше?

— Кэролайн Манто. Пожалуйста, миссис Бертон... Мне было нужно в уборную, а когда я вышла...

— Да-да, я ее знаю! — раздался крик из толпы учениц.

— Мисс Бертон, а вот еще одна потеряшка! — раздались пронзительные крики.

Вторая девочка подошла к первой.

— Ну, а ты кто? — спросила мисс Бертон.

— Я Дорис Палит. Я пошла с Кэролайн в уборную...

Мисс Бертон раздраженно вздохнула. Потерять двоих детей и

даже этого не заметить!.. Та учительница, должно быть, сейчас в бешенстве, и поделом ей, нельзя же быть такой рассеянной.

– Хорошо. Вы обе можете остаться с нами, пока мы не найдем полицейского... – Она прервалась. – Фрэнсис, в чем дело, почему ты хихикаешь?

– Это все Кэролайн. Она делает точно такое же лицо, как у вас.

– Действительно, Кэролайн. Это некрасиво, – сказала мисс Бертон.

Кэролайн поспешно изменила выражение лица, чтобы потерять любое сходство с мисс Бертон.

– Простите, мисс Бертон, я не хотела.

– Ну, уж не знаю, как тебя воспитывали, если ты не знаешь, что нельзя передразнивать людей. Такая большая девочка. Как ты... А кстати, сколько тебе лет, Кэролайн?

Кэролайн сжалась, пытаясь казаться пониже ростом.

– Два года...

Все громко рассмеялись.

– Два года! Ей два года!

– Я хотела сказать – *двенадцать*... Ну, почти так...

– Одиннадцать, – подытожила мисс Бертон. – Ты достаточно большая, чтобы знать это.

– Простите, мисс Бертон. И честно, мисс Бертон, я не хотела ничего плохого, но я хочу стать актрисой и подражаю людям, как актеры, которые на телевидении.

– О, мисс Бертон, пожалуйста, не отправляйте ее домой с полицейским. Раз она хочет стать актрисой, держу пари, она бы захотела увидеть Курта Джорджа!

– Ну, после того, как она себя вела, даже не знаю, стоит ли ей позволять... Пожалуй, не стоит.

– Пожалуйста, мисс Бертон, это ненарочно. Я больше так не буду.

— Ладно, если будешь хорошей и не станешь доставлять неприятностей. Но у нас еще много времени, прежде чем мы встретимся с мистером Джорджем. Сейчас только два, а в лекционный зал мы пойдем в четыре.

— Мисс Бертон, — позвала ее Барбара Уиллман, — а как вы думаете, он даст нам автографы?

— А теперь, девочки, я хочу вас предупредить. Вы не должны раздражать его. Мистер Джордж — известный киноактер, и время его очень ценно. Было любезно с его стороны, что он согласился встретиться с вами, тем более, что целые толпы взрослых хотели бы того же самого, но мы не должны использовать его доброту в своих интересах.

— Но он любит детей, мисс Бертон! Моя старшая сестра читала в журнале кино, где сказано, что он их очень любит.

— Я знаю, девочки, но он не совсем здоров. Поговаривают, что он заболел тропической малярией в Африке, где стрелял львов, носорогов и слонов для своей новой картины. Именно поэтому его нельзя сильно беспокоить.

— Но он такой большой и сильный, мисс Бертон! Ему будет не трудно подписать автографы.

— Наверное, у него дрожат руки, — сказала одна девочка. — Когда случается приступ лихорадки, всегда дрожат руки.

— Да, Африка — опасный континент, где никто не знает, что может случиться в следующий момент, — удовлетворенно сказала мисс Бертон. — Так что мы все должны помнить, как отважно мистер Джордж борется со своей болезнью, и прилагать все усилия, чтобы не утомлять его.

В ярком свете, заливавшем столик для ленча, отлично читалось страдание, написанное на красивом, мужественном лице Курта Джорджа. Он стонал и мрачно бормотал:

– Мой бедная голова, моя голова! И как, ты думаешь, я смогу справиться с бандой детишек без напитка, способного придать мне силы?

– Ты уже выпил свой напиток, – сказала Кэрол, стройная, привлекательная, эффектная женщина. В настоящий момент она была более эффектной, нежели привлекательной, и могла сочувствовать его горю. – И другую порцию не получишь. Так что соберись и попытайся для разнообразия побыть трезвым.

– Но это же дети! Они будут визжать и хихикать...

– Они единственная аудитория в мире, которая не будет спрашивать, сколько ты выпил. Одному Богу известно, где я еще могла найти кого-нибудь, кто поверит, что твои руки трясутся из-за лихорадки.

– Я знаю, Кэрол, что ты блюдешь мои интересы. Но еще одна порция выпивки не причинит мне вреда.

– Я не спорю с тобой, Курт, – сказала Кэрол устало, но твердо. – Я только защищаю тебя от тебя самого. Так что никакой выпивки.

– А потом?

– Я не могу следить за тобой круглосуточно, как мать за ребенком.

Ее высокомерный ответ подсказал ему новую тему.

– А могла бы, если бы мы были женаты.

– Никогда не мечтала выйти за слабохарактерную тряпку и перевоспитывать ее.

– Но если я докажу тебе, что могу измениться...

– Сначала докажи, а затем я обдумаю твое предложение.

– Ты хладнокровное создание, Кэрол. Но я думаю, для твоей профессии такие и нужны.

– Холодные, подозрительные, противные – и надежные, – парировала Кэрол. – Это неизбежно, когда мне приходится иметь

дело с такими участливыми, доверчивыми и ненадежными клиентами.

Джордж смотрел, как она собирает со столика остатки скудного завтрака.

– Что ты напеваешь, Кэрол?

– Я напеваю?

– Мне показалось, это было: «Возьми меня! Возьми меня всю!» Да, именно это! Твое подсознание выдает тебя! Ты в самом деле хочешь выйти за меня!

– Ошибаешься, – прохладно сказала она. – Мое подсознание не знает, что творит. Все, что я от тебя хочу, это мои стандартные десять процентов.

– Разве ты не можешь хоть на миг забыть, что ты мой агент, и вспомнить, что ты все же еще и женщина?

– Нет, не могу, пока ты не забудешь, что ты пьяница, и не вспомнишь, что ты все же человек. И если ты не сделаешь так, чтобы я забыла, как ты не просыхал всю поездку в Африку...

– Потому что со мной не было тебя!

– ...и мог едва шевелиться, пока тебя одевали в охотничьи шмотки и фотографировали, будто ты стреляешь во львов.

– Ты безжалостна, Кэрол! Ты что, больше никак не можешь использовать меня, кроме как мучить?

– Откровенно говоря, нет, Курт. Я никак не могу больше использовать совершенно бесполезных людей.

– Я не совсем бесполезен. Я зарабатываю для тебя десять процентов...

– Я бы с радостью их заплатила, чтобы увидеть тебя трезвым.

– Но именно твое презрение ко мне заставляет меня пить. А когда я думаю о необходимости появиться перед маленькими деточками и...

– Ты должен быть счастлив от того, что совершаешь добрый поступок... Не падай, Джордж, не падай!

Две маленькие девочки потянулись друг к другу и стали решептываться. Их шепот перемежался хихиканьем, так что издали это казалось обычной детской болтовней. Но Палиту было совсем не весело.

– Вы становитесь слишком небрежным, Манто, – сказал он на своем языке. – Зачем вы повторяли выражение ее лица?

– Мне очень жаль, Палит, но она меня впечатлила. А я – очень внушаемый человек.

– Я тоже. Но я контролирую себя.

– Однако, если бы искушение было достаточно большим, не думаю, что вы смогли бы с ним совладать.

– Достаточно важных проблем, чтобы я сопротивлялся.

– Однако, мне показалось, что ваше лицо тоже слегка приняло ее выражение.

– Это все ваши выдумки, Манто. Второй ошибкой было в начале сказать, что вам два года.

– Они решили, что это шутка. Я бы и сам вывернулся.

– Вам что, Манто, нравится кататься на коньках по тонкому льду? Что вы и сделали, когда изменили свой рост. У вас не было никакого права делать это при посторонних.

– Я сделал это умело. Никто и не заметил.

– Я заметил.

– Не придирайтесь.

– Я вовсе не придираюсь. У детей очень острый взгляд. Вы бы удивились тому, что они замечают.

– Вы нервничаете, Палит, – сказал Манто. – Мы слишком долго пробыли вдали от дома.

– И вовсе не нервничаю. Я просто говорю, что стоит быть внимательнее.

– Что могло с нами произойти? Даже если бы мы заявили детям и учительнице, а также всем в этом зоопарке, кто мы такие,

то нам бы все равно не поверили. А даже если и поверили бы, то они не в состоянии действовать настолько быстро, чтобы нам навредить.

– В таком деле никогда ничего не известно, – проворчал Палит.
– Умные просто не рискуют.

– Я допускаю, что вы, мой начальник именно такой умный.

– Не будьте саркастичным, Манто, я и без вас знаю, что я начальник. И я понимаю, что эта планета – наша самая большая удача, а вы – не осознаете этого. Здесь надлежущая сила тяжести, подходящая атмосфера, нужный химический состав – все, все нам подходит.

– Включая население, которое будет перед нами беспомощным.

– А вы рискуете потерять все это.

– Не говорите глупости, Палит. Какие на это шансы?

– Шанс, что нас обнаружат. Мы наткнулись на это место совершенно случайно. Никто дома об этом не знает, никто даже не подозревает о существовании этой планеты. Мы обязаны вернуться и сообщить им. А вы вместо этого делаете глупости, которые могут нас выдать и заставить этих людей заподозрить опасность.

На сей раз хихиканье Манто не было простой маскировкой, но до известной степени выражало его чувства.

– Они не могут ничего заподозрить. Мы исколесили всю планету, принимали много различных форм, пересекли через массу их границ и таможен, и никто ничего не заподозрил. И даже если бы нам действительно стала угрожать опасность, мы легко могли бы убежать. Я мог бы принять форму учителя, полицейского или любого другого представителя власти. Однако, в настоящее время нет ни малейших предвестников опасности. Так что, Палит, вы должны перестать трястись от страха.

– Будь осторожным, и я перестану трястись, – твердо сказал Палит. – Это все, к чему я стремлюсь.

– Хорошо, я буду осторожным. В конце концов, я не хочу терять этих детей. Они точно те, в ком мы нуждаемся. Смотрите, какие они любопытные, какие быстрые и неиспуганные. Они могут приспособиться к любым обстоятельствам.

– Прекрасно, дети, – раздался над ними голос мисс Бертон. – На каком языке вы говорите? На греческом?

Они говорили слишком громко и попались. Палит и Манто уставились друг на друга, застенчиво хихикая. Через секунду Палит сказал:

– Тен, Ссим Нотреб!

– Что?

– Это не греческий, мисс Бертон! – торжествующе выкрикнула Фрэнсис. – Это свинско-латинский. Она сказала: «Нет, мисс Бертон».

– О, Боже, что такое свинско-латинский?

– Это когда вы произносите слова задом наперед. Например, вы говорите не «меня», а «янем».

– Вы говорите не «да», а «ад», – добавила другая девочка.

– Ладно, ладно, поняла.

– Вы говорите не...

– Закончили, – твердо оборвала их мисс Бертон. – А теперь пройдемся в дом льва. И пожалуйста, дети, не корчите льву рожи. Вы ведь не хотели бы сидеть в клетке, а чтобы люди вокруг корчили рожи вам? Будьте всегда вежливы с окружающими.

– Даже со львами, мисс Бертон?

– Даже со львами.

– А мистер Джордж застрелил много львов. Он тоже был с ними вежлив?

– У нас нет времени для глупых вопросов, – по-прежнему твердо сказала мисс Бертон. – Идемте.

Все потянулись за ней гуськом, Палит и Манто в самом конце. Манто хихикал и шептал:

– Остроумная эта штука, свинско-латинский, Палит. Но, фактически, совершенно ненужная. Как и то, что делаете вы, чтобы избежать подозрений.

– Меры предосторожности никогда не повредят. А теперь, мне кажется, нам пора отойти от этой группы.

– Нет, не сейчас! Вы же всегда стремитесь изучить все детали. Почему бы не изучить еще несколько?

– Потому что сейчас в этом нет необходимости. Мы уже хорошо понимаем человеческие обычаи и психологию.

– Но не психологию детей. А ведь они, если вы помните, именно те, кому предстоит приспособливаться. Нас непременно спросят о них. Было бы хорошо, если бы мы смогли сообщить, что они пригодны для универсального применения на всем диапазоне планеты. Так что давайте побудем с ними еще.

– Ладно, – неохотно согласился Палит.

Таким образом, они остались, из парочки прутьев решетки и листьев сделали деньги, на которые можно купить арахис, жареную кукурузу, мороженое и другие сладости, одобряемые детьми. Манто хотел добиться легкой популярности, угощая своих новых подружек, но Палит сердито топнул детской ножкой. Нельзя делать ничего, что может пробудить подозрения. Особенно сейчас, когда...

– Ну и дела. Твой отец дает тебе много денег, – с завистью сказала Фрэнсис. – Он что, такой богатый?

– Я беру столько, сколько хочу, – небрежно сказал Манто.

Мисс Бертон собрала вокруг себя свой выводок.

– Дети, идите все сюда, я хочу вам кое-что сказать. Близится время, когда мы пойдем послушать мистера Джорджа. А раз мистер Джордж так добр, что согласился нас развлекать, не стоит ли и нам развлечь его, как вы думаете?

– Мы могли бы сыграть нашу классную пьесу! – тут же завопила Барбара.

– Барбаре легко говорить, – бросила Фрэнсис, – она не помнит даже свои строчки.

– Нет, дети, мы не должны делать ничего, в чем не можем преуспеть. Это не произведет хорошего впечатления. А кроме того, у нас нет времени для пьесы. Возможно, Барбара могла бы спеть.

– Я могу спеть песенку «Спасибо», – тут же встряла Фрэнсис.

– Это было бы хорошо.

– Я могу рассказать стишок, – добавила другая девочка.

– Прекрасно. А как ты, Кэролайн? Ты и твоя подружка Дорис? Вы что-нибудь можете?

– О, да, она много что может, – хихикнула Кэролайн. – Я могу передразнивать людей. А она может показывать животных. – Раздался смех, и Кэролайн уклонилась от неодобрительного взгляда подружки. – Она может показать любых животных.

– Конечно, она талантливая девочка. Но она выглядит немного застенчивой.

– Нет, – возразила Кэролайн. – Ей просто нравится, когда ее уговаривают.

– Ну, это не правильно. Возможно, Кэролайн, вы с Дорис можете сделать что-то вместе. Возможно, мистер Джордж будет рад увидеть, что у вашего учителя тоже есть талантливые ученицы.

– А вы, мисс Бертон?

Мисс Бертон скромно кашлянула.

– Да, дети, я никогда вам не рассказывала, но когда-то я была настолько честолюбива, что тоже хотела стать актрисой. Я изучала сценическое мастерство и добилась неплохих успехов. Мне говорили, что если я буду продолжать работать над собой, то стану известной. Только подумайте, ваша учительница могла стать знаменитой актрисой! Однако, в то время на сцене было много грубых людей, и театральная жизнь вовсе не считалась привлекательной... Ну, не будем об этом говорить. Во всяком случае, я хорошо знаю принципы драматического искусства.

– Одному Богу известно, через что мне предстоит пройти, – сказал Курт. – И я не понимаю, как могу выдержать это трезвым.

– А я не понимаю, как они смогут выдержать тебя пьяным, – ответила Кэрл.

– Зачем вообще это нужно? Почему бы не позвонить и все отменить?

– Потому что есть люди, зависящие от тебя. Тебе всегда хочется позвонить и все отменить, если ты сталкиваешься с чем-то, чего не любишь. В таком случае, можешь позвонить и отменить свой контракт со мной.

– И с твоими десятью процентами, дорогая.

– Ты думаешь, я стану возражать? Милый Курт, я полностью отрабатываю свои десять процентов. Мне они достаются чертовски тяжело.

– Ты можешь выйти за меня и успокоиться. Честно, Кэрл, если бы ты рассмотрела меня получше, если бы хоть раз показала, что я что-то значу для тебя, я бросил бы пить.

– Не носи чушь, – поморщилась она. – Бери свое обмундирование и марш одеваться. Если не хочешь измениться в душе, то хотя бы выгляди, как охотник на львов.

– Зачем? Я бы украсился куда лучше, если бы выпил.

– Пьяные не привлекают внимания. Они слишком обычные.

– Но пьяный охотник на львов – это нечто! – Он прошел в соседнюю комнату и стал переодеваться. – Кэрл, – позвал он оттуда. – Но я тебе нравлюсь?

– Временами.

– А ты могла бы сказать, когда я тебе очень нравлюсь?

– Когда ты трезвый. То есть очень редко.

– Ты любишь меня?

– Очень редко.

– А что я должен сделать, чтобы ты захотела выйти за меня?

– Стать кем-то.

– Мне это нравится. А ты не думаешь, что я уже кто-то? Женщины падают в обморок при виде моего лица на экране и снова приходят в себя при звуках моего голоса.

– Женщины, которые падают в обморок от тебя, упадут в обморок от любого. Кроме того, я не думаю, что доведение кретинок до обморока – занятие для настоящего мужчины.

– Ну и как я могу стать кем-то, Кэрол? Никто не учил меня этому.

– Некоторые справляются и без того, чтобы их кто-то учил.

– Наверное, я мог бы что-нибудь придумать, если бы чуток выпил.

– Тогда тебе придется обходиться без меня.

Он вернулся в комнату, сильный, мужественный, решительный. В его глазах сияло выражение бесконечной храбрости, храбрости, которая выдержит чью угодно ярость: человека, животного или хоть самого дьявола.

– Ну, и как я выгляжу?

– Ты само величие. О, бедные женщины эпохи Рудольфа Валентино...

– Но на самом деле мне не по себе. Не знаю, как я встречаюсь с этими детьми. Будь это еще мальчики, было бы не так плохо, но толпа маленьких девочек!..

– Они вырастут и станут твоими поклонницами, если ты, конечно, протянешь еще лет пять. А для этого в каждую из них ты должен заронить живую росинку...

– Ты бы не стала говорить о воде, если бы знала, как я себя чувствую.

– Извини. Ладно, идем.

Лекционный зал был полон хихиканья, заглушающего посто-

янное перешептывание, обмен мнениями, обмен девчоночьими надеждами, которые, наконец, вот-вот исполнятся. Класс мисс Бертон оказался не единственным, кто собрался здесь, чтобы послушать, как знаменитый актер и охотник описывает свои героические деяния. Здесь присутствовало по меньшей мере еще пять классов и, что было ошибкой, среди них класс мальчиков, которые также перешептывались и которых тянуло на подвиги в присутствии слабого пола.

В среди всех этих хихиканий и шепотков Манто и Палит могли разговаривать, зная, что на них никто не обратит внимания.

– Почему вы сказали ей, что я тоже умею играть, – жестко спросил Палит.

– Потому что это правда. Вы очень хорошо превращаетесь в животных. Например, вы превращались в замечательного дракона. Пойдите, Палит, покажите ей, каким прекрасным драконом вы можете...

– Перестаньте дурачиться, пока не доставили нам неприятности!

– Отлично, Палит! Я ведь соблазнил вас?

– Ну да, ждите больше! Вы со своим чувством юмора...

– А вы со своим отсутствием его! Но не будем спорить, Палит. Все, кажется, появился охотник на львов. Начинайте вопить, словно вы так же взволнованы, как и все вокруг.

Бог мой, подумал Джордж, как они могут столько вопить? У меня уже болят барабанные перепонки. Как они выдерживают это круглый год? Или хотя бы час?

– Вперед! – прошептала Кэрол. – Ты видел сценарий, так что начинай играть. Покажи им, какой ты герой. У тебя появился шанс хотя бы немного расположить меня к своей персоне.

– У меня есть только прекрасная внешность, – с горечью сказал он.

— Замечательно сказано. Но сейчас забудь об этом. Если ты хорошо сыграешь, я позже дам тебе выпить.

— А как насчет того, что ты будешь любить меня?

— Когда луна посинеет.

Он шагнул к краю сцены, слегка покачивая в руке винтовку для охоты на слонов, с легкой усмешкой на уверенном, мужественном лице. Приветственные крики и визг поднялись на невыносимую высоту, но усмешка не исчезла с его лица. Все-таки я великий актер, сказал он себе, раз в состоянии сделать вид, что все это мне нравится.

Зрителям его представила помощница хранителя собрания зверей в зоопарке, взволнованная старуха. Она отпустила несколько похвал в адрес его огромного актерского таланта, и при этом ему даже удалось выглядеть должным образом скромным. Слова о его встречах с дикими, свирепыми животными было труднее выдержать, не выходя из образа, но он вынес и это. Затем старуха удалилась, и он остался один на один со своей судьбой.

— Дети, — начал он и тут же замолчал с робкой усмешкой. — Наверное, я должен, скорее, сказать, друзья мои. Я не хочу думать о вас, как о детях. Некоторые думают, что я сам ребенок, потому что мне нравится охотиться, нравятся приключения. Они думают, что такие вещи приличны лишь детям, но не взрослым. И если они правы, я рад быть ребенком. Я рад быть одним из вас. Да, я думаю, что правильнее сказать «друзья мои».

И он рассказал историю о слоне-жулике, скромно представив роль помощника героя своему гиду. Затем последовал рассказ, иллюстрирующий странные манеры львов. В другом же рассказе, про злобного носорога, фигурировало слоновое ружье. В зале стояла тишина, все затаили дыхание, слушая, и он мельком подумал, что наконец-то его уши отдохнут.

— А теперь, друзья мои, пора сказать «прощайте», — печально сказал он, наконец. — Но я надеюсь, что еще не раз увижу вас...

Пронзительные, как всегда, оглушительные ликующие вопли, маленькие ладошки, с энтузиазмом бьющие друг в друга. Слава Богу, все кончено, подумал Джордж. А теперь – выпивка, хотя он не имел в виду только выпивку. Теперь может быть полезным продолжение разговора о том, чем он полезен. Он сделал этих детей счастливыми. Разве это не все, чего может желать любой разумный человек?

Но все еще не закончилось. На сцену вышла еще одна старая леди.

– Мистер Джордж, – сказала она странным аффектированным голосом, напомнившим ему голос его первого учителя драматического искусства, который чуть не погубил в самом начале его блестящую карьеру. – Мистер Джордж, я не могу выразить, какими счастливыми вы сделали всех нас, и старых, и молодых. Ведь мистер Джордж сделал нас счастливыми, дети?

– Да, мисс Бертон! – раздались пронзительные крики.

– И мы чувствуем, что было бы справедливо доставить вам в ответ хоть капельку того удовольствия, что вы доставили нам. Для начала послушайте песню «Спасибо» в исполнении Фрэнсис Хеллер...

Этого Джордж не ожидал и с трудом подавил стон. Слава богу, песня оказалась короткой. «Спасибо!» – с усмешкой подумал он. Удивительно, что он выдержал это в то время, когда был трезв, как судья! Какой твердый характер, какая сила воли! – мысленно похвалил он себя.

Затем мисс Бертон представила другую девочку, которая декламировала стишок. А затем сама мисс Бертон, держась очень прямо, начала читать монолог Джульетты у гроба.

Это было хуже всего. Джордж содрогнулся, но заставил себя держаться из последних сил. Взрослые, выставляющие себя в глупом виде, еще хуже, чем дети. Ее манера говорить на этот раз напом-

нила ему преподавательницу дикции. Но он выдержал и также поблагодарил ее. Это наверняка зачтется ему, как добрый поступок на сегодняшний день. Возможно, так считает и Кэрол, подумал он.

– Мисс Бертон? – раздался пронзительный голосок.

– Да, моя дорогая?

– А разве вы не хотите попросить Кэролайн показать нам свое искусство?

– О, да, я забыла. Подойди сюда, Кэролайн, и ты тоже, Дорис. Мистер Джордж, Кэролайн и Дорис хотят стать актрисами. Они подражают людям и животным, и кто знает, может, когда-нибудь они станут сниматься в фильмах, как вы, мистер Джордж. Не так ли, дети?

Что, черт побери, делать в таких случаях? – подумал Джордж. Конечно, вы усмехаетесь, но что тут сказать, не продав душу дьяволу? Согласиться, что будет прекрасно, если эти забавные мордашки появятся на всех экранах страны? Но ведь за такую отъявленную ложь и посылают прямоком в ад.

– Ну, девочки, мы начинаем? – спросила мисс Бертон.

– Пожалуйста, мисс Бертон, – умоляюще сказала Дорис. – Я не знаю, что делать. Я не умею подражать даже щенку. В самом деле, я не могу, мисс Бертон.

– Ну-ну, Дорис, не нужно быть такой застенчивой. Твоя подружка говорила, что у тебя хорошо получается. Нельзя же выйти на сцену и одновременно быть такой стеснительной. Ну, вспомни какие-нибудь эпизоды из фильмов. Ширли Темпл, например, была прекрасной маленькой актрисой, насколько я помню. А ты можешь показать какую-нибудь сценку из ее фильма?

Тишина начала становиться неловой. А Кэрол сказала, что я никчемный, бесполезный человек, подумал вдруг Джордж. Да ведь если благодаря ему у этих детишек не возникнет желания пойти в актрисы, все человечество будет ему благодарно. Ему и

мисс Бертон. Она одна может в зародыше задушить такое желание у любой девочки.

У мисс Бертон появилась идея.

— Я знаю, что делать, девочки. Если вы сыграете животных, мистер Джордж покажет вам, как действует настоящий охотник. Покажите ему львов. Да-да, Кэролайн и Дорис, вы будете львами. Вы притаились в своих логовах, готовые напасть на неосторожного охотника. Присядьте вон за тот стул. Он подходит все ближе и ближе... Пожалуйста, мистер Джордж, начните подкрадываться к ним. Ваши мускулы напрягаются, вы открываете большие красные пасти и оглушительно, оглушительно ревете...

Оглушительный рев раскатился по залу, и ему вторили такие испуганные вопли, каких Джордж никогда не слышал. У него волосы встали дыбом на загривке, а сердце остановилось.

На другом конце сцены стояли два льва, готовые вот-вот прыгнуть. Он не знал, откуда они появились, но они были там, ясные глаза, раздраженно встопорщившиеся гривы, более ужасные, чем те, которые он видел в Африке. Они стояли с угрозой смерти в жестоких глазах, и он, Джордж, стоял перед ними, и на его красивом, мужественном и бескровном теперь лице были написаны ужас и беспомощность, а сердце ожило и пустилось вскачь, колени обмякли, руки...

Руки, стискивающие слоновое ружье. Возникшая у него мысль походила на команду режиссера. Со спокойной эффективностью, с отточенностью актера, тысячу раз репетировавшего эту сцену, ружье прыгнуло к его плечу, и гул выстрелов прогремел вызовом реву диких зверей.

Зрители продолжали вопить и после того, как смолкло оружие. На другом конце зала лежали два больших тела, львиных тела, и любопытным отличием от настоящих животных являлось то, что они быстро распались, словно разъедаемые невидимой кислотой.

Рука Кэрол очутилась в его руке, тонкий, прерывистый голос Кэрол дрожал, когда она сказала:

- Тебе нужно выпить... все, что захочешь.
- Нам обоим нужно выпить.
- Да, конечно. И я думаю, что в конце концов, ты все же оказался полезен.

Space Science Fiction, February 1953

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗНАНИЯ

Что-то здесь не так, и Уильтон-Блоджер Ромуло чувствовал это. Его мужская интуиция подсказывала, что на этой планете чего-то не хватает, хотя и кажется, что тут есть все. Но его разум не поддерживал интуицию и отказывался сообщить, что именно было неправильно. И это, как Ромульдо сказал своей жене, его раздражало.

Маргаретт Блоджер грубо заржала в ответ, словно ей стало весело при одной только мысли, что у мужа есть разум. Ромуло почувствовал, как у него сжалось горло. Будь проклята эта женщина, подумал он. Она смотрит на меня так, словно я идиот. Как будто лишь потому, что я ее муж, мне все надо разьяснять словами не длиннее одного слога. Как будто я совершенно неспособен размышлять о чем-то, кроме своей внешности и одежды, и еще управления кораблем.

— Но я чувствую это, — начал настаивать он. — Побывав на нескольких дюжинах планет, вы привыкаете к разнообразию. Вас уже не впечатляют различия пейзажа, силы тяжести или воздушного давления, то, что лун две или целая дюжина, что солнце красное или зеленое. Все эти изменения вы считаете в порядке вещей, само собой разумеющимся. Но здесь есть что-то, чего я не могу считать само собой разумеющимся.

— Все это только твое воображение, Ромуло, мой козлик, — сказала Маргарета с покровительственной улыбкой, почти что насмешкой. — Здесь всего лишь высокая ионизация атмосферы.

— Не только, — уперся он. — Есть что-то в самой планете... или людях...

– Людях? – снова заржала Маргаретта. – Эти тупицы – люди? Не будь дураком, Ромуло.

– Я не могу указать на это пальцем, но чувствую, здесь что-то не так, – с необычным упорством настаивал он. – Это может быть планета, погода, магнитные бури...

– Совершенно естественное явление, – прервала его Маргаретта. – Любому известно, что они досконально изучены. Две большие луны, состоящие, главным образом, из металлического никеля, ответственны за необычайно высокие приливы, усиленные серьезными магнитными возмущениями, которые не только будоражат кору планеты, но и вызывают атмосферные явления. Эти помехи выражаются также в магнитных бурях, частота которых периодически увеличивается...

– Ладно, ладно, Маргаретта, не начинай декламировать мне свою следующую книгу.

– А почему бы и нет? – спросила Маргаретта. – Какую такую работу ты делаешь, чтобы непринужденно жить в роскоши? Все твоё занятие – это лежать на диване и смотреть стереороманы...

– Когда я не управляю кораблем, не готовлю обед в электронной печи и не...

– В то время как я, – продолжала Маргаретта, словно ее и не прерывали, – должна напрягать мозги, продумывая остроумные наблюдения и опыты. Будь ты проклят, Ромуло, от тебя не дождешься благодарности. Я издаю по книге в год в течение десяти лет – от «Философ на Плутоне» до «Философа на Бете Ориона», – и каждая ей имеет успех. Ты думаешь, легко все время напрягать мозги? Попробовал бы сам для разнообразия. Мог бы попробовать...

И снова мы об этом, подумал Ромуло. Она исполняет всю работу, она содержит семью, в то время, как я живу за ее счет в роли бесполезного паразита. Когда-нибудь я уйду. Черт побери, когда-нибудь я найду себе работу и стану независимым. И тогда я выскажу ей кое-что. Ей нравится выставлять меня дураком, нравится насмехаться над моей интуицией. Но я уверен, что все-таки здесь что-то не так. Что-то здесь неестественно.

Разумеется, она этого не видит. Для нее это лишь унылая старая планета, главное достоинство которой в том, что она лежит далеко от туристических маршрутов. А больше тут не о чем говорить. Здесь нет ни высоких, внушающих страх гор, ни лесов или джунглей, полных прекрасных цветов, ни сверкающих морей. Здесь нет ничего, ради чего стоит посетить эту планету никому, кроме писательницы, ищущей разнообразия, которое она может превратить в очередную книгу.

И здешние люди ее не интересуют. Ну, признаться, мне они тоже не слишком интересны, но в них есть нечто успокаивающее. Солидные фермеры, занятые, в основном, перепахиванием не слишком-то плодородной земли. И ни на какие излишества у них уже не остается времени. Они только хотят, чтобы их оставили в покое. По крайней мере, такое у меня сложилось впечатление,

когда я беседовал с ними. Они хотят, чтобы их оставили в покое и не беспокоили глупыми вопросами.

Я бы удивился, если бы узнал, что они верят в превосходство женщины. Скорее всего, нет. Скорее всего, наша цивилизация еще не оказала на них тлетворного влияния, и они все еще примитивно верят, что мужчины тоже на что-то годны. Ей-Богу, когда-нибудь и у нас мужчины снова займут свое надлежащее место! И им будет позволено говорить все, что они захотят о женщине, которая является их начальником, а значит, обладает более рациональным умом. Я, правда, этому не верю. Я не смею высказать это вслух, но я не считаю, что женщины лучше мужчин. Я считаю, что при равных возможностях и равной поддержке мужчина может сделать все, что делает женщина. Конечно, кроме некоторых биологических штук.

Интересно, верят ли в это же местные уроженцы? Наверное, я пойду и поговорю с ними. Межпланетная система языка, которую я изучал, не показалась мне слишком хорошей, но, по крайней мере, она достаточно ясно преподносит основные принципы языка, а у меня способность к языкам. Лучше, чем у Маргаретты, несмотря на ее так называемый превосходящий ум. Возможно, я не смогу бегло говорить, но, по крайней мере, пойму, что говорят туземцы.

Конечно, Маргаретта узнает, где я был, и накричит на меня за то, что я впустую потратил время, но черт с ней. Я не ее раб.

И я пойду без пальто. Я знаю, что погода здесь прохладнее, чем я привык, но я более вынослив, чем думает жена. Я могу переносить холод так же, как она, или даже лучше.

Несмотря на такие храбрые мысли, с корабля он вышел украдкой. Но Маргаретта и не могла его заметить. Маргаретта, как он надеялся, как и любой настоящий философ, погружена в размышления, позволяющие мыслям свободно парить, помогая зародиться новым идеям.

Он шел по холодной земле в приподнятом настроении, не обращая внимания на низкую температуру. Воздух, сказал он себе, вовсе не холодный, а бодрящий. Бодрящий, вот правильное слово. Земля была грубой и каменистой, коричнево-красная от ржавчины, и лишь несколько разбросанных поодаль стеблей, которые при сильном желании можно назвать травой, нарушали монотонность пейзажа. Но потом появились растения. Растения и несколько фермеров, орудующих мотыгами, чтобы выкорчевать сорняки и взломать твердую корку на почве. С ними стоило поговорить.

Когда Ромуло подошел, они мельком взглянули на него и продолжили работу. Казалось, он их не интересовал.

Ромуло почувствовал раздражение. Я тоже не очень-то интересуюсь вами, подумал он. Я только пытаюсь выглядеть дружелюбным. И узнать, что здесь происходит. Разве я причиняю вам вред тем, что стою и смотрю?

Фермеров было двое. Лица их были красными, изжаренными солнцем и исхлестанными ветрами, с синеватым оттенком, вероятно, из-за каких-то химических особенностей организмов. Одежды они были по-разному, но трудно сказать, отражала их одежда принадлежность к какому-то полу или нет. Один носил что-то похожее на штаны, другой нечто, что могло считаться юбкой. Но откуда Ромуло мог знать, какой пол здесь носит штаны, а какой – юбки?

– Похоже, сегодня славный денек, – сказал Ромуло.

Так всегда разговаривают с фермерами, подумал он. О погоде, только о погоде. Погода много значит для них.

Тот, что в юбке, что-то проворчал.

Ромуло решил считать это ответом и продолжал:

– Но все же облачно. Как вы думаете, пойдет дождь?

– Дождь не имеет никакого значения.

– Вы привыкли работать во время дождя?

ANC

THE MAGAZINE OF

Fantasy and Science Fiction

35 ¢

SEPTEMBER

ONE TOO MANY a short novel
by J. T. McIntosh

WILLIAM MORRISON J. FRANCIS MCCOMAS

MACK REYNOLDS JACK FINNEY

– А какая разница? С фермера все как с ганкеля вода.

– С ганкеля? Это такая птица, да?

В ответ раздалось лишь хрюканье. Казалось, они не хотели разговаривать дальше. Ладно, подумал он, не хотите говорить – и не надо. Пропалывайте свои сорняки, разбивайте корку. Вы ведь не возражаете, если я стану смотреть, не так ли?

Он наблюдал за ними, но и через пять минут они ничего не сказали. Ромуло устал торчать там, как дурак, и пошел дальше. На соседнем лугу играли несколько детишек, и он решил понаблюдать за ними.

Дети играли в непонятную игру. Они разложили длинными рядами какие-то грязные веревки, затем протянули поперек них другие веревки. Потом каждый ребенок схватил два свободных конца и потянул. Веревки сплелись странными узлами.

Дети при этом что-то пели, но в песне звучали слова, которых не имелось в его словаре – полная ерунда, как он заподозрил. И, не будучи ребенком, Ромуло быстро потерял к игре интерес и пошел дальше.

Вскоре он пришел в небольшую деревушку с каменными домами. Людей здесь было больше, они сонно бродили, словно владели всем временем мира.

– Славный денек, – произнес один из них, но не Ромуло.

– Похоже, позже пойдет дождь, – ответил другой. – Синее солнце в полдень означает потоки воды.

Так значит, подумал Ромуло, они все же интересуются погодой. Но не тогда, когда о ней говорю я. Ко мне они относятся, как к незнакомцу.

В небе висели, не слишком далеко друг от друга, две луны. Воздух на востоке, заряженный энергией, был более синим, чем в другом направлении, и Ромуло подумал, не близится ли магнитная буря? Но буря, казалось, не беспокоила местных жителей.

Внезапно Ромуло вздрогнул и заколебался, не пора ли вернуться на корабль? Маргаретта может заинтересоваться, где он шляется, и обязательно закипит, как чайник, если он задержится.

Да черт с ней, решил он. Если она спросит меня, где я был, я всегда могу сказать, что писал заметки по местным обычаям. Я же помогу ей собрать материал для книги. Я познакомлюсь с этим фермерами, начну разбираться в их психологии...

Внезапно он снова задрожал так, что застучали зубы. Черт бери, здесь не просто холодно, а весьма подмораживает. Надо быть дураком, чтобы отправиться без пальто.

Один из фермеров, одетый в штаны, уставился на него.

– Н-не оч-чень-то ж-жарко сейчас, – сказал Ромуло.

– Вам холодно?

– К-как в аду!

– Когда эти две луны восходят вместе, это всегда является признаком холодной погоды.

– А з-здесь м-можно где-нибудь с-согреться?

– У вас есть корабль?

– Он с-слишком д-далеко.

– Но вы пролетели больше, чтобы добраться сюда, – сказал фермер и ушел.

Ромуло хотел его обругать, но зубы слишком стучали. Таково реальное крестьянское гостеприимство, подумал он. И крестьянская проникательность. «Вы пролетели больше, чтобы добраться сюда». Вы пролетели Бог знает сколько световых лет, чтобы добраться до планеты, где вы вовсе не нужны. Ну, нам не нравиться вы сами или ваша внешность. Так что убирайтесь, откуда пришли.

Возле него остановился еще один фермер, на этот раз в юбке.

– Вам холодно?

– Н-нет. Я д-дрожу от в-восхищения в-вашей д-деревней.

– Когда холод пробирает до костей, пора нагреть камни. Идем-те со мной.

Он – или она? – привел его в большую каменную хижину. В углу другой крестьянин в юбке полулежал в шести футах от пола на больших плоских камнях. В трещинах между камней сочился унылый красноватый свет. Там горел огонь, а сверху сложены камни. Довольно примитивно. Но тепло. Достаточно тепло, чтобы отогреть замерзшего цивилизованного человека.

Ромуло взгромоздился на камни и лег рядом с крестьянином. Волна блаженного жара окатила его. То же самое, наверное, может чувствовать курица, начав вертеться на вертеле в электронной духовке. Пусть они зажарят меня и съедят, если захотят, подумал Ромуло, мне все равно. Мне здесь слишком хорошо. Даже на песчаном пляже под горячим солнцем я не чувствовал себя лучше.

Входили какие-то люди, бродили возле него. Ромуло было лень повернуть голову и взглянуть на них, но он не спал. Он явно слышал каждое слово их скучных разговоров. А как у вас с зерном в этом году? Не слишком хорошо, и не слишком плохо. Мало дождей. А когда погода сухая, дети будут плакать. Если небо слишком ясно, фермер должен бояться. Жарким летом будет плохой урожай... И так далее.

Как жена? Да как и ожидалось... Ромуло поднял голову и увидел, что сказавший это одет в юбку. Значит, женщины здесь носят штаны, подумал он.

С моей женой тоже все в порядке. Но на прошлое неделе она болела. Нет ничего хуже больной женщины. Она может быть вся беспомощна, но ее язык все равно не останавливается.

Ромуло слушал с восхищением. Мужчины здесь не боятся обращаться женщинам, подумал он.

Как ваш сынишка? Хорошо. Ему уже почти семь. Пора забрать его из школы и пристроить к работе. Все равно он в классе не изучает ничего полезного. Его нужно чему-нибудь научить. Иза неумелых рук и желудок пустой.

И как ваша дочь? Пожатие плечами. А чего ждать от дочери? Рано или поздно какой-нибудь молодой дурак избавит меня от нее. Дочь ведь только ест и больше ни на что не годна.

Да, если бы женщины рожали *хоркопов* вместо дочерей, наш мир стал бы лучше. *Хоркоп*, по крайней мере, может тянуть плуг.

Настоящая крестьянская мудрость, подумал Ромуло. Хороший материал для книги, хотя Маргаретте он не понравится.

Все здесь было обычно, слишком обычно. И все же через весь этот словесный хаос зудела в голове та же старая мысль. Здесь что-то не так. Что-то...

Внезапно кто-то ворвался в комнату.

— Где мой муж?

Маргаретта. Маргаретта со своим мерзким характером. Один из крестьян посмотрел на нее и сказал:

— Слова женщины, что яд *склоопа*. От того и другого появляются гноящиеся раны.

— Особенно если муж слаб. Когда женщины управляют мужчинами, боги смеются, а мужчины плачут.

Лингвистические способности Маргаретты не были настолько развиты, чтобы она поняла эти комментарии. Она даже не поморщилась и повысила голос:

— Ромуло! Ты где?

— Я здесь, дорогая, — ответил Ромуло, дрожа.

— Ромуло, идиот, что ты там делаешь? У тебя что, нет понятия о благопристойности?

— Мне было холодно — здесь может холодать неожиданно — и один человек позволил мне погреться на этой печи.

— Не может похолодать неожиданно. Было холодно все время, но у тебя не хватило мозгов надеть пальто. — Она смерила Ромуло взглядом, в котором читалось отвращение. — Держу пари, что там грязно. Эти крестьяне понятия не имеют о чистоте.

– Я не заметил.

– Язык женщины, – прокомментировал один из крестьян, – может расколоть мужу голову получше любого колуна.

Как это верно, подумал Ромуло, и вслух сказал:

– Я здесь согрелся, и мне этого достаточно.

– Не говори со мной так. Будь ты проклят, Ромуло, слезай сейчас же. Ты немедленно пойдешь со мной домой и примешь ванну.

На мгновение у Ромуло мелькнула дикая мысль послать ее к черту. Ты понимаешь, с кем говоришь? – хотелось спросить ему. Я свободный гражданин Системы и не обязан никому подчиняться. Пусть я твой муж, но ты не имеешь права разговаривать со мной подобным образом. Я немедленно уйду. И я немедленно начну делать все так, как хочу. Немедленно...

Но благоразумие заставило его промолчать. Предположим, она тогда не даст ему еду? В хорошеньком же положении он окажется. Ему придется приползти к ней на коленях, и она никогда не забудет этого. Будет помнить всю жизнь. Они могут облететь сто планет, но она все равно будет напоминать ему этот вызов – и его позорную сдачу.

– Да, дорогая, – коротко сказал он и начал спускаться с камней. Снаружи раздался гром.

Фермеры в юбках поглядели друг на друга. Один из них произнес нараспев:

– Боги съели плохой обед и стали рыгать. Скоро они заплачут от боли.

– Что это значить? – с резким акцентом спросила их Маргаретта.

– Начинается буря, – сказал один фермер.

– Будет ливень, любимая, – добавил Ромуло.

– Дождь? Я не заметила никаких признаков... – Она высунула

голову из дверей и сразу же отпрянула. – Великий Боже, что там происходит? Это не дождь!

Крестьянин выглянул наружу, затем поглядел на своего товарища.

– Там летят камни.

– Но нет никакого дождя, – сказала Маргаретта, бросив обвиняющий взгляд на Ромуло.

– Должно быть, я неправильно их понял, – коротко ответил Ромуло. – Они говорили о богах, плачущих...

– Боги не плачут, как мы, – вставил один крестьянин.

– Каменные боги проливают каменные слезы, – добавил другой.

– Вот именно! – воскликнул, внезапно поняв, Ромуло. – Это магнитная буря, дорогая. Магнитные бури каким-то образом связаны с этими двумя лунами...

– Да, я читала об этом, – кивнула Маргаретта. – Многие камни здесь состоят из магнетита – магнитной окиси железа, и под влиянием магнитного поля поднимаются в воздух и крутятся как в водовороте.

Теперь ты вспомнила, подумал Ромуло. Но ты не помнила этого, пока я не напомнил. Так что не считай меня слабоумным ребенком. У меня есть ум, и я умею им пользоваться.

По крыше дома пробежала трещина. Удачно, что здесь мало леса, поэтому дома делают из камней, подумал Ромуло. Иначе они не выдержали бы такого обстрела кусками железной руды. На правой стене дома появилась еще одна трещина, затем еще одна с противоположной стороны. Темп обстрела все увеличивался, словно некий барабанщик стучал по дому, как по барабану. Потрясающая музыка с перезвонами грома, как акцентирующие удары тарелок, казалась зловещей, в каком настроении ее ни слушай.

Прошло добрых полчаса, пока обстрел, наконец, не прекра-

тился. Убедившись, что больше нет никакой опасности, Маргаретта сказала:

– Ну, Ромуло, пора возвращаться на корабль.

На корабле он молча вымылся и приступил к приготовлению обеда. Сели есть они поздно, и Маргаретта обругала его за это, но Ромуло не возражал. Он выяснил, что здесь не так.

– Должны быть знания, – сказал он вслух, ни для кого конкретно.

– О чем ты? – резко спросила жена.

– Ни о чем, дорогая. Я всего лишь размышлял.

– Если ты можешь размышлять, тогда и свиньи умеют летать, – высокомерно сказала она.

Не совсем то замечание, какое можно ожидать от философа, подумал Ромуло. Закончили они ужин в молчании.

На следующий день, когда Маргаретта погрузилась в размышления, Ромуло снова выскочил на улицу. На этот раз он надел пальто, но все равно был слишком взволнован, чтобы ощущать холод. Нужно избегать местных жителей, подумал он. Избегать деревни, избегать крестьян, избегать играющих детей. Все это ложные цели, предназначенные, чтобы привлечь внимание... вернее, отвлечь внимание. Но отвлечь от чего?

Он стал бродить по пустынной местности. Он не знал, что ищет, но знал, что здесь должно что-то быть. Скала, роща деревьев, водоем – все, что может ему дать ключ к разгадке.

К нему подошел крестьянин в юбке.

– Это частная территория, чужеземец, – сказал он.

– Я знаю, – кивнул Ромуло. – Вы хотите, чтобы я ушел?

– У вас здесь нет никаких дел.

– Вы говорите, что не хотите, чтобы я здесь шатался. Это – хороший знак.

– На того, кто говорит загадками, следует надевать намордник.

– Не притворяйтесь больше крестьянами, – сказал Ромуло. – Я поумнел.

Человек поглядел на него тупо и неприветливо.

– Вы не больший крестьянин, чем я, – продолжал Ромуло. – Так что не трудитесь снова сочинять пословицы о погоде. Это все равно не докажет, что вы деревенский пахарь от сохи.

К ним подошли еще двое, оба в штанах.

– Он знает, – сказало им первый.

– Ну, я бы так не сказал, – помотал головой Ромуло. – Я не знаю наверняка, но о многом догадываюсь. Вы не крестьяне, и здесь есть что-то, что вы скрываете. Если бы у меня было время, я бы узнал, что это.

– У вас нет времени, – ответил тот, что носил юбку. Двое остальных встали по бокам от него. – Вы должны пойти с нами.

Перед ними открылась земля, и они стали спускаться по лестнице куда-то вниз. Земля закрылась за ними, но темнее не стало. Вокруг мягко запылал свет, исходящий из какого-то невидимого источника. В точности как свет на арене цирка, подумал Ромуло. А они еще притворялись отсталыми крестьянами.

Ромуло почувствовал сухость во рту, но сказал себе, что это естественно. Он взволнован, но не испуган. Они не посмеют ничего ему сделать. Они не посмеют...

– Зачем вы пришли сюда? – сказал один из носивших штаны.

– Вы сами выдали себя. И я не думаю, что вы сделаете мне больно. Я чувствую, что на самом деле вы неплохие парни.

Они обменялись взглядами.

– И еще мне было очень любопытно, – продолжал Ромуло. – Любопытство ошибочно считается пороком нашей расы.

– А почему мы не причиним вам боль? Если мы собираемся скрыть что-то, что кажется нам важным, почему мы должны отпустить вас, позволив рассказать всем об этом?

— Но я никому не скажу. У меня нет такого намерения. И если бы я почувствовал в вас враждебность, то не показал бы, что раскусил вашу маскировку. Я бы хранил это в тайне, пока не сумел уйти.

— Значит, вами вело одно лишь праздное любопытство?

— Ну, должен признать, и кое-что еще. Моя жена думает, что я глуп. Я хотел доказать ей, что я умнее, чем она представляет. Она даже не заподозрила, что здесь что-то не так. А когда я сказал ей, она лишь посмеялась надо мной.

— И теперь вы хотите прийти к ней с доказательствами, что оказались правы?

— О, нет, — поспешно сказал он. — Я хочу держать эти знания при себе. Все, что я хочу, так это исподтишка смеяться над ней. Наверное, это вопрос моего достоинства. Я уже зашел так далеко...

— А что, ваши мужчины все такие неврастеники? — с любопытством спросил крестьянин в юбке.

— Неврастеники? Не думаю, что я неврастеник. Но мужчины у нас считаются низшим полом, и я думаю, что, как и все остальные, признаю этот факт. Но все же я не верю этому. Не верю в глубине души. Так же, как большинство других мужчин. Предполагается, что были времена, когда мужчины командовали женщинами. Это было до грандиозных атомных войн, первых войн, когда тыл стал более опасным, чем фронт сражения. Очень много женщин погибли тогда, а те, кто выжил, стали почитаться, как богини. Вот тогда-то они захватили власть, и уже не выпускают ее из своих рук. Но я думаю, что когда-нибудь мы вернем наше превосходство, — задумчиво сказал он.

— Ерунда, — сказал крестьянин в штанах. — В по-настоящему цивилизованной расе должно царить равенство, а не превосходство. Вот как у нас.

— У вас? Но я думал...

– Мы притворялись примитивными. А у примитивных народов главными считаются мужчины.

– О, хотел бы я сказать это Маргаретте.

– Вы ничего ей не скажете.

В том, как он это произнес, прозвучало что-то зловещее.

– Но я... – проблеял Ромуло, – я должен вернуться.

– Это не является необходимостью. У вашей расы миллиарды людей. Никто и не заметит вашего отсутствия. А вам не придется терпеть оскорбления от жены.

Какое чувство юмора, дико подумал Ромуло. Каким же надо быть комиком, чтобы так шутить о моей смерти!

– Если я не вернусь, – в панике выкрикнул Ромуло, – Маргаретта начнет искать меня, и тогда все, что вы скрываете, выльется наружу. И вы не сможете убить и ее. Она слишком знаменита, и известно, куда она полетела. Если она не вернется, начнется расследование. Наши власти с большим подозрением относятся к несчастным случаям на странных планетах. У нас уже был опыт с враждебными расами, и мы не верим в несчастные случаи.

– Ваше исчезновение будет трудной задачей, – медленно произнес крестьянин в юбке. – Но мы решали и не такие сложные задачи!

– Не надо так обо мне! – выкрикнул Ромуло. – Вы не должны убивать меня, и проблем не будет. Вы только должны меня отпустить... – Голос его задрожал. – Я ничего не скажу. Могу дать вам торжественную клятву, что я ничего никому не скажу. И, как я уже упоминал...

– И что именно вы не скажете?

– Все, что вы тут скрываете. Надеюсь, вы покажете мне это. Я не считал, что смогу найти это сам, поэтому привлек к себе ваше внимание, шныряя по сторонам. – Любопытство на какое-то время преодолело в нем панику, и Ромуло требовательно спросил: – Что вы скрываете?

Все трое опять обменялись взглядами. Наконец, один из них произнес:

– Теперь это уже не причинит вреда. Мы пришли.

Они провели Ромуло вниз еще по одному очень крутому лестничному пролету. Когда они подошли, дверь скользнула в сторону и бесшумно закрылась за ними.

Ромуло задохнулся. Это было доказательством такой развитой цивилизации, о какой он даже и не мечтал. И вместо того, чтобы оказаться в глубоком туннеле, он, казалось, вышел на открытую площадку. Он увидел изящные невысокие дома, красивые деревья, ровные, привлекательные лужайки. Прогуливались взрослые, играли дети. Вокруг носились маленькие пушистые животные. Над головой, хотя не было видно никакого солнца, светлело голубое летнее небо, по которому порхали пташки.

Ромуло мгновенно глядел на все это, затем открыл рот, чтобы выразить свои чувства. Но тут один из крестьян потянул его обратно. Дверь открылась и снова закрылась, когда они вышли.

– Вот что мы скрываем, – сказал крестьянин в юбке. – Образ жизни, которым мы дорожим. Мы не хотим иметь ничего общего с вашей превознесенной цивилизацией. Она портит все, чего коснется. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. – И он добавил почти с жалостью: – Не нужно было вам совать свой нос.

– Если об этом узнают ваши туристы, – сказал один из тех, что носили штаны, – они налетят на нас толпами. И мы готовы пойти на все, чтобы они ни о чем не узнали.

– Но зачем? Вы не должны бояться меня!

– Мы никого не боимся. У нас есть заводы, и мы можем защитить себя в случае необходимости. Но мы считаем убийство нецивилизованным. Мы предпочитаем метод безопасного обмана, такого, как использовали до сих пор. Очень плохо, что вы заставляете нас пойти на то, чего мы до сих пор избегали.

– Я что, принуждаю вас? – спросил Ромуло. – Приставил к вашей голове пистолет и заставляю вас убить меня? Какие глупости!

– Мы еще не решили, какова будет ваша судьба. Но выбор ограничен: или смерть, или долгий сон. Или то, или другое.

Ромуло почувствовал, как его сердце екнуло. Для людей, которым не нравится убивать, они говорили об этом слишком уж напрямик. Мертвый или ничем не отличающийся от мертвого. Хорошенький же у меня выбор! Ромуло чуть не рассмеялся при мысли об этом.

Но смех означал истерию, и он овладел собой.

Мне требуется привести свои мысли в порядок, сказал он себе. Думай, Ромуло, причем думай быстро. Ты не можешь им угрожать, ты не можешь их подкупить. Ты не можешь умастить их своим бесспорным очарованием. Но возможно... Да, именно возможно!..

– Я хочу кое-что предложить вам, – громко сказал Ромуло, и слова полились из него, чуть ли не мешая друг другу. – В обмен за свою жизнь, которую вы не хотите отнимать, я дам вам то, что вам действительно нужно. Нечто очень важное для вас, то, без чего вы не сможете обойтись.

– И что это?

– Я скажу вам, что вы упустили в своей системе. Так что в следующий раз, когда прилетит кто-то похожий на меня, у кого острый взгляд и громадное любопытство, он ничего не заметит и никому не расскажет о своих подозрениях. Моя жизнь в обмен на то, что я обнаружил. Это справедливый обмен, не так ли?

Примут они его? Наступила тишина, сердце Ромуло отчаянно билось.

– Это справедливый обмен, – медленно сказал один из носивших юбку. – Ну, говорите.

– Вы упустили из виду знания, – нетерпеливо сказал Ромуло.

— Поскольку вы не фермеры, то должны были получить все свое знание из книг о фермерах — из наших, земных книг, чтобы произвести на нас впечатление. Фермеры говорят о погоде, фермеры говорят о своих женах и детях, о своих животных. Но вы пропустили кое-что. У фермеров, рыбаков и охотников — у всех их есть знания — запас знаний, выражающийся, обычно, в поговорах, — об их собственных условиях жизни. У вас же нет никаких знаний об условиях вашей жизни. Какое самое значительное явление в жизни на поверхности планеты? Конечно же, магнитные бури, вызываемые вашими специфическими лунами. Но вы проводите на поверхности так мало времени, что, когда началась магнитная буря, она застала вас врасплох. Ваши люди даже предсказали вместо нее дождь!

Один из фальшивых крестьян заулыбался.

— Правильно, они предсказали, что боги станут плакать от боли, — продолжал Ромуло. — Но после того, как полетели камни, у них не оказалось наготове поговорки, соответствующей ситуации. Им удалось замаять ошибку о каменных боггах, проливающих каменные слезы. Сначала это одурачило меня, но позже, когда я все обдумал, то понял, насколько жалкой уверткой это было. Вы ничего не знаете о магнитных бурях. И в ваших поговорах вообще нет ничего о магнитных силах. Как только я понял это, то догадался, что вы не настоящие фермеры. Я понял, что вы что-то скрываете...

— Теперь, — сказал лже-крестьянин в юбке, — у нас будут знания об этом. Когда север встречается с югом, летят каменные мухи. Толстуха с симпатичным лицом и красивыми ногами напоминает магнит — именно ее середина не привлекает. И так далее.

— Это хорошо, — сказал Ромуло. — Это все, в чем вы нуждаетесь.

— Какого черта, где ты шляешься? — злобно спросила Маргаретта.

— Озирал окрестности, — с рассчитанной неопределенностью ответил Ромуло.

- Тебе здесь понравилось?
- Здесь вовсе неплохо.
- Если ты так действительно думаешь, то мы улетаем. В любом месте, где тебе нравится, наверняка что-то не так.
- Мне казалось, ты хотела написать книгу...
- Здесь не о чем писать. Я тоже «озирала окрестности», и здесь нет ничего, что привлекло бы меня. Ни единой детали.
- Все, что скажешь, дорогая, – мягко согласился Ромуло, думая о том, что происходит под землей. – Магнит, хотя и не имеет мозгов, всегда указывает на север, он как знахарка, которая всегда указывает на правду.
- О чем это ты? – резко спросила Маргаретта.
- Ни о чем, дорогая, вообще ни о чем, – ответил Ромуло. – Всего лишь немножко знаний, которые я приобрел здесь.

The Magazine of Fantasy and Science Fiction, 1954, № 9

THE MAGAZINE OF

*Fantasy and
Science Fiction*

OCTOBER

WARD MOORE WILLIAM MORRISON

Chester House #11

ROBERT SHECKLEY LORD DUNSANY

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

МУЗЫКА СФЕР

Когда он вышел из корабля и огляделся, у него возникло чувство, словно он никуда и не улетал. Здесь все, как прежде, подумал он. Как будто я просто гулял, а сейчас вернусь домой к Кассандре. Все как всегда. Ни одной новой детали.

Он шел по твердой панели, презирая самодвижущуюся дорожку, а отличие от большинства других людей. Все, казалось, спешили, их не удовлетворяла скорость дорожки, и вдобавок они быстрым шагом шли по ней, словно у них имелись дела, которые не могли подождать. Дела на Марсе, Венере, спутниках Юпитера, даже здесь, на Земле. У него не было никаких дел. И последние два года научили его ожиданию, так что он не торопился.

Он вошел в зал ожидания и сразу же остановился. На первый взгляд, тут тоже ничего не изменилось. Конечно, люди другие, но образуют такую же толпу. Та же спешка, то же беспокойство на лицах. Мимо него прошел человек, нервно мигая, а следом за ним шла пожилая женщина, у которой подергивалась правая сторона лица. Возможно, здесь все же произошли кое-какие изменения – изменения к худшему.

Внезапно он уловил звуки музыки. Кто-то играл на пианино. Он пошарил глазами по залу, и на другом конце увидел фортепиано. Нет, два фортепиано. Это что-то новенькое, подумал он. За каждым фортепиано сидела маленькая девочка, наигрывая простенькую мелодию. Ни одна из девочек, казалось, не обращала внимания на другую, и никто не обращал внимания на них. Было трудновато сразу

отделить одну мелодию от другой, так что вначале он воспринял просто шум в результате смеси звуков. Интересно, подумал он. Я знал, что компания готова на многое, чтобы понравиться пассажирам, но установить здесь фортепиано, чтобы дети могли практиковаться, ожидая отлета – этого я не ожидал.

– Ринальдо! – окликнул его знакомый голос. – Что ты здесь делаешь?

Он обернулся, увидел улыбающегося Билла Майклса и улыбнулся в ответ. Они пожали друг другу руки, и лицо Билла передернулось, как будто от боли. С чего бы это? – подумал Ринальдо. Он сжал ему руку совсем не сильно.

– Я только что вернулся, Билл, – произнес он уже без принужденности, которую чувствовал лишь секунду назад. – Как жизнь? Как все?

– Прекрасно. Прекрасно. Ты что, хочешь сказать, все это время был на форпосте, куда тебя назначили... далеко в космосе?

– Ну, да. А ты где обретаешься?

– О, а я все по-старому, помаленьку. В основном, здесь, на Земле. Сейчас вот вернулся из короткой поездки на Венеру. Все как всегда. Венеры по-прежнему не коснулась цивилизация.

Он снова сделал гримасу, и Ринальдо понял, что это такое. Не признаки боли, а просто нервное подергивание. Такое же, какое он видел у других.

– Как семья?

– Цветет и благоухает. Гертруда прекрасна, а дети... сейчас я покажу тебе фотки.

Он достал из кармана альбомчик и установил его на пятисекундный интервал. Серия из двадцати фотографий прошла перед скачущим взглядом Ринальдо.

– Да, они хороши, – сказал он с сердечной вежливостью. – Прекрасные дети. Сколько им теперь?

– Восемь и десять. Герла – вот, взгляни на нее, ты мог бы подумать, что ей только восемь? – Герла играет на фортепиано. Она занимается всего шесть месяцев, но у нее уже задатки настоящего гения. Ты должен услышать ее игру. Это не то, что девчонки в зале ожидания, которые и за пианино-то сели впервые.

Ринальдо вспомнил два брякающих фортепиано, и на сей раз понял то, что не уловил сразу. В то время, пока он разговаривал с Биллом, его уши занимались музыкальным анализом. Результаты были просто удивительны. Обе девочки ограли одну и ту же мелодию, простую мелодию в четыре такта:

Да, да, да, да,
Ди, да, да, да,
Да, ди, да, ди,
Ди, да, ди, да,
Да, да, да, да...

И так далее, снова и снова. Композиция и близко не лежала с шедеврами, и тот факт, что они только учатся, ничего не менял. Играли они не в такт. Каждая девочка наяривала сама по себе, а когда доходила до конца, то начинала с начала. Снова и снова. Неудивительно, что в результате у них получалось монотонное бречание.

– Эти инструменты в зале ожидания – что-то новенькое, – сказал Ринальдо.

– Им пришлось их туда поставить, – объяснил Билл. – Пассажиры требовали. Хотя, насколько я понимаю, они совершенно напрасно разместили их рядом.

– И разве никто не жалуется?

– А почему кто-то должен жаловаться? – спросил Билл. – Были, конечно, просьбы поставить на фортепиано глушители звука, но их никто и не подумал выполнять. Лично я думаю, что правы те, кто утверждает, что занятия на фортепиано с глушителем – это зря

потраченное время. Я бы не позволил Герле и пальцем прикоснуться к такому. Ребенок должен слышать, что играет.

– Я ничего этого не знал, – сказал Ринальдо.

– Значит, ты отстал от жизни. – Билл отодвинулся, словно хотел заботливо взглянуть на лицо друга. – Вроде бы все в порядке. Ты как себя чувствуешь?

– Да не волнуйся ты обо мне. Я в прекрасной форме.

– А что говорят доктора?

– Я прошел полную проверку, когда меня сняли с должности.

– И психологическую тоже?

Ринальдо усмехнулся, пытаясь усмешкой скрыть раздражение.

– Я что, выгляжу сумасшедшим?

– О, нет, ни капли, – спохватился Билл. – Но ты же знаешь, что говорят люди. Уже после трех месяцев, проведенных в космосе, большинство людей теряет связь с реальностью. После шести у многих нет шансов на восстановление. А ты...

– Я пробыл там два года, – сказал Ринальдо. – Один в течение двух лет. И я считаю, что это замечательно.

– Наверное, это способ бегства от действительности.

– Не то, что ты думаешь. Люди здесь ходят друг у друга по головам. Конечно, контакты с другими нужны, но необходимо также и одиночество. Я знаю, что оно было мне нужно, когда я пошел работать туда. И проверявшие меня психологи согласились с этим. У меня была нормальная работа – я проверял оборудование, время от времени производил ремонт, когда что-то шло не так, как надо. А свободное время принадлежало мне. У меня были тренажеры, чтобы поддерживать хорошую физическую форму, а также радио и телевизор, предохранявшие от скуки. Я мог слушать любые радиопередачи в любое время, когда хотел. Не то, чтобы я слушал все подряд – но смог бы. И еще у меня были книги, фильмы и звуковые катушки.

– Но это не то же самое...

– Это было много для меня. Даже больше, чем мне требовалось. Я жил тридцатичасовыми циклами, потому что двадцати четырех часов вечно не хватало для того, что я хотел сделать. И у меня нашлось время на все остальное, включая и размышления. Я обдумал там дюжину важных вопросов, а на Земле мне вечно не давали сосредоточиться на них. А там я смог, не торопясь, все обдумать, чего большинство людей никогда не делает.

– Ну, во всяком случае, я рад, что ты вернулся. – Лицо Билла снова задергалось, но голос его звучал искренне. – Между прочим, а с чем ты там работал? С чем-то, связанным с астероидами?

– Да, с астероидами.

Билл ждал, а лицо его все подергивалось. Наконец, он понял, что Ринальдо предпочитает молчать, и раздраженно сказал:

– Ну, так что, Ринальдо? Что все-таки ты там делал?

– Извини, Билл, я предпочитаю об этом не распространяться.

– Военная тайна? – недоверчиво спросил Билл.

– Ну, не совсем военная. Но тайна.

– Ну, ладно... – Билл помолчал, снова подергал лицом и, наконец, произнес: – Думаю, это меня не касается. А ничего, если я спрошу, чем ты собираешься заняться теперь? Или это тоже тайна?

– Нисколько. Я хочу некоторое время отдохнуть. Я должен привыкнуть к людям. А еще я хочу изучить их, понять, что заставляет эти механизмы тикать...

– Хочешь самостоятельно заняться психологией? Это плохой признак. Ты же знаешь, Ринальдо, что говорят: большинство людей, которые становятся психологами, интересуется этот предмет, потому что они сами, по меньшей мере, наполовину сумасшедшие.

Билл хотел сказать это шутливым тоном, но его улыбка была испорчена подергиванием лица.

– Может быть. Но я не собираюсь делать из этого профессию.

Это только для собственного развлечения. С теми деньгами, что я сэкономил за эти два года, я могу себе это позволить.

— Что ж, это твоя жизнь, — сказал Билл. — Послушай, а как насчет того, чтобы зайти сегодня вечером к нам на ужин? Гертруда будет рада увидеть тебя.

— Уверен, что это не причинит ей неудобства?

— Нисколько. Я сейчас позвоню и сообщу, что ты придешь. — У него на запястье крепился телефон, и он быстро переговорил.

Ринальдо разглядывал его, чувствуя легкое раздражение и пытаясь понять, что его вызывает. Сомнения Билла относительно его здравого рассудка? Нет, не то. Это было просто забавно. Более вероятно, что его расстроил недостаток собственной наблюдательности, то, что он не замечает, какие произошли изменения. Он вышел из корабля, зная, что сам остался прежним, и готов был предположить, что такой же осталась и Земля. Но это вовсе не так.

Для человека, который хотел изучать людей, он был необъяснимо туповатым. Возможно, Билл прав, подумал он. Возможно, нужно просто не сосредотачиваться на себе, чтобы понять, что не так с окружающими. Мужчины и женщины, которых он видел вокруг себя, были немножко другими, не теми, которых он знал раньше. За его отсутствие произошли какие-то изменения, суть которых он пока что не мог уловить. Все казались немного более резкими, более возбужденными. Такси-вертолет совершило серию внезапных скачков и зигзагов, прежде чем вышло на ровную кривую.

Терпения у людей, казалось, стало меньше. На его глазах столкнулись мужчина и женщина, спешащие к углу с различных направлений, и тут же принялись неистово вопить друг на друга. Подошедшая охрана быстро разобралась с обоими. И у охранника тоже был нервный тик, его голова внезапно вздергивалась, словно шея стала слишком короткой, и он должен немедленно вытянуть ее или уметь.

Водитель вертолета был неприветлив, словно негодовал на их вторжение. Когда они прилетели, Билл стал настаивать на том, что заплатить должен он, а водитель смотрел на него с таким выражением лица, словно мысленно проклинал.

Нет, это стал другой мир. Люди изменились к худшему.

Когда они пришли, Билл открыл дверь и крикнул:

– Привет, сладенькая! Ты одета? Я пришел с другом.

Гертруда была одета. Она вышла в холл с приветственной улыбкой на лице, и Билл рассеянно поцеловал ее. У нее ничего не дергалось. Очко в пользу Гертруды, подумал Ринальдо. Правда, он обнаружил в ее движениях некоторую нервозность, которой не замечал, когда видел ее в прошлый раз. Но кого это может удивить в наше время?

– Это Ринальдо, любимая, – сказал Билл. – Ты помнишь Ринальдо?

– Как я могла забыть ту страстную ночь, что мы провели вместе?

У Гертруды осталось прежнее чувство юмора. Они обменялись рукопожатием.

– Можешь говорить о его сексуальной жизни, – сказал Билл, – только не задавай ему вопросов о космической станции. Это военная тайна.

– О, как интересно! Я имею в виду тайну. Действительно, расскажите мне все, Ринальдо. Я ни словечка не передам Биллу.

Ринальдо усмехнулся.

– Я в этом уверен, – сказал он.

И тут из дальней комнаты донеслись звуки фортепиано. Это, наверное, гениальная Герла, подумал Ринальдо. Но звуки выходили вовсе не такими, как если бы играл гений, и потребовалось несколько секунд, чтобы прояснить обстановку в доме. Как и на станции, в доме играли на двух фортепиано, а не на одном. Старшая сестра Герлы тоже репетировала самостоятельно.

Гертруда продолжала задавать почти те же вопросы, которые раньше задал ему Билл, и Ринальдо дал те же ответы, отказываясь лишь говорить о его работе, и одновременно наблюдал за женщиной. Очень удачно, что Билл упомянул про секс. Разговор о нем позволил пустить под откос все вопросы о работе. И в то же время Ринальдо интересовало, а какие же изменения произошли в нем самом.

Он явно не произвел благоприятного впечатления на Гертруду. Казалось, она тоже волновалась по поводу его здравого ума, и на сей раз это не показалось ему забавным. Это выглядело так, как если бы все люди, которых он встретил, говорили ему, что их зовут Юлий Наполеон. А когда вы отвечали, что вас зовут Джон Смит, они считали это подозрительным и чуть ли не в лицо задавали вопрос, уж не сошли ли вы с ума.

Думаю, мне предстоит пройти через это со всеми друзьями, подумал Ринальдо. Возможно, будет проще начать самому подергиваться, чтобы походить на людей, которые считают это нормальным. Это избавило бы его от объяснений.

– Я хочу, чтобы ты увидел Герлу, – гордо сказал Билл.

Ринальдо прошел следом за ним и Гертрудой в комнату, где играл ребенок. Девочка была высокой для своего возраста, но худенькой и выглядевшей устало. Когда в комнату вошел Ринальдо, она убрала руки с фортепиано и обернулась посмотреть на него.

– Продолжай играть, дорогая, – сказала Гертруда.

– Но, мамочка, я устала. Я репетирую уже целый час.

– Мэри Эллен репетирует в течение трех часов ежедневно. А иногда четырех, – твердо сказал ей Гертруда.

– Но я устала. У меня болят пальцы, – захныкала девочка.

– Ну, можешь прерваться на минутку, если хочешь, но не отходи от фортепиано. Ты еще мало поработала сегодня.

– Но, мамочка...

– И не смей спорить со мной!

А затем внезапно девочка заплакала, а Гертруда закричала на нее, злобно, с искаженным яростью лицом. Ринальдо почувствовал неловкость, которую ощущает человек, оказавшийся свидетелем неприятной ссоры в семье своего друга.

– Герла, твоя мама права, – мрачно сказал Билл. – Если ты хочешь выиграть приз, то следует больше заниматься.

Ринальдо вышел из комнаты. Он уже сожалел, что принял приглашение поужинать. Сожалел и был озадачен. Гениальная Герла наигрывала все ту же простенькую мелодию:

Да, да, да, да,
Ди, да, да, да,
Да, ди, да, ди...

И звуки, доносившиеся из другой комнаты от ее сестры, были теми же самыми.

Билл присоединился к нему в коридоре. Гертруда продолжала кричать, девочка горько плакала, но даже сквозь плач стали прорываться звуки фортепиано. Но уже через мгновение все успокоилось и стало, как прежде.

– Ох, уж эти дети! – воскликнул Билл. – Они не понимают всей важности тренировки.

– Я тоже, – сказал Ринальдо. – Зачем приковывать их к этому инструменту пытки в течение трех часов ежедневно? И почему все они разучивают только одну мелодию, и ничего другого?

– Я думал, ты знаешь, – удивленно сказал Билл. – Ты же говорил, что слушал радио и смотрел телевизор.

– Не очень много. У меня есть парочка любимых станций. И любимые программы. Ток-шоу с участием зрителей, объявления дешевых распродаж и кое-что из эстрады.

– Но...

– Кроме того, я старался пропускать любую рекламу.

– Это глупо. – Билл неодобрительно задержался при этом дополнительном признаке безумия Ринальдо. – Тогда ты многое упустил.

– Ну, да, а еще мне не подносили горящие спички к пальцам рук и ног.

Билл проигнорировал это безумное сравнение.

– Вот поэтому ты и не услышал о Соревновании!

– Извини, совершенно ничего.

– А должен был. Ну, ничего, об этом легко рассказать. Видишь ли, существует примерно дюжина больших Соревнований с подсоревнованиями в каждом, и все они являются частью одного Величайшего Соревнования. Это началось... м-м, дай вспомнить... примерно полтора года назад. Мне кажется, первое Соревнование спонсировало по телевидению «Мыло Сатурна».

– «Венера Венити», – сказала Гертруда, которая вошла в комнату и услышала их разговор.

– Ты ошибаешься, дорогая. Я точно помню...

– Ты дурак, – с презрением сказала она. Причем вовсе не шуточно, отметил про себя Ринальдо. – И не пытайся со мной спорить. Это была «Венера Венити».

– Да неважно, кто был первым, – сказал Ринальдо, не желая будить спящего зверя. – Во все не важно.

На мгновение Ринальдо показалось, что они вот-вот прыгнут и вцепятся друг другу в горло. Какое же у него, очевидно, превратное представление о современных моральных критериях! Наконец, Билл нервно рассмеялся. Лицо у него снова задержалось, но Ринальдо уже настолько привык к этому, что почти не заметил.

– Мне кажется, ты просто утратил чувство перспективы, – сказал ему Билл. – Но так или иначе, в настоящее время существует

дюжина фирм, присуждающих призы. И любой имеет право участвовать. Единственное требование, вы должны быть жителем Земли. К соревнованиям не допускаются никакие марсиане или там венериане, – радостно сказал он. – Разумеется, «Венера Венити» имеет отношение к Венере не больше, чем «Мыло Сатурна» к Сатурну.

– Понятно. И ты хочешь сказать, что все соревнующиеся должны сыграть одну и ту же мелодию?

– Разумеется. Конечно, существуют различные классы Соревнования. Распределение по возрасту от трех лет до восьмидесяти, и по талантам, от Гения класса АА до обычного класса К. Терла находится в классе Обычном А, что не так уж плохо. За призы стоит бороться даже в ее классе, иначе мы бы не настаивали, чтобы она брала уроки.

– А что за Величайшее Соревнование?

– Им управляет Совет Спонсоров, и в нем принимают участие выигравшие предыдущие призы и соперники, которые хотят соревноваться вне классов.

– И все играют одну и ту же мелодию?

– Почему бы и нет? Это увеличивает шансы на победу. Если вы не побеждаете у одного спонсора, всегда есть возможность победить у другого.

– О-о... Кажется, я начинаю понимать, – сказал Ринальдо.

– Все очень просто. У меня большие надежды на Герлу. Она – гений класса АА, как сказал ее учитель, но когда ее проверили, то поместили в гении класса Б, что, конечно, увеличивает шансы на победу. И для обычного приза, и для Высшего приза.

– Но мне одно непонятно, – сказал Ринальдо. – Если все играют одну и ту же простую мелодию, как же судьи отличают хорошую игру от плохой?

– У вас, очевидно, нет музыкального слуха, – сказала Гертру-

да. – Легко произвести впечатление на аудиторию, играя что-то роскошное. Но когда требуется сыграть что-то простенькое и в то же время глубокое, у вас должен быть настоящий талант, иначе вы проиграете. Каждая нотка должна быть прекрасной. Попробуйте заметить различие между игрой Герлы и Терлы.

– Мне кажутся они одинаковыми, – признался Ринальдо. – Все, что я слышу, это «да, да...»

Родители рассмеялись с плохо скрываемым презрением.

– Хорошо, что ты не судья, – сказал Билл, и его лицо снова стало подергиваться.

– Очень плохо, что у них нет класса для людей, лишенных слуха, – захихикала Гертруда. – Но не берите в голову, Ринальдо, мы все равно вас любим. Ну, а теперь прошу к столу.

Они поели, и в течение всего обеда обе девочки продолжали тренироваться в своих комнатах. Все блюда получаются с привкусом «да, да, да...» – подумал Ринальдо.

Билл и Гертруда были очень гостеприимны. Они приглашали его остаться переночевать, но он поглотил уже так много музыки, что больше не мог ее слышать. Он объяснил, что у него забронирован номер в отеле, и уехал.

«Да, да, ди, да...» – доносилось отовсюду. На улицах, в вестибюле гостиницы, и в его номере. Эти звуки проходили сквозь стены, и Ринальдо быстро понял, что слабые звуки столь же невыносимы, как громохание стоящего рядом фортепиано. И если привыкнуть к этому, подумал он, неизбежно настанет реакция.

И это не случайно. Что-то должно крыться за этим, незаметное на первый взгляд или ухо. И Ринальдо хотелось узнать, что именно.

В его номере нашелся встроенный телевизор. Включив его, он обнаружил, что из пятнадцати работающих каналов, по одиннадцати шла программа соревнования. По радио ее транслиро-

вала только двадцать одна радиостанция из пятидесяти трех. И одновременно эти звуки, переданные электромагнитными волнами, также доносились через все стены отеля. Его окружили эти «да, да, да, да, ди, да, да...»

В космосе, даже в самые плохие времена в начале цикла, он не пользовался никакими успокоительными или снотворными. Однако, сейчас ему требовалось выспаться. Аптечка отеля заботливо это предусмотрела. На одной из полок он нашел флакончик анестезирующего масла для ушей и закапал его в каждое ухо, чтобы парализовать нервные окончания.

Став совершенно глухим, он спокойно заснул. К сожалению, мозг продолжал трудиться над тем, что впитал за прошедший день, и добрую часть ночи в его голове раздавалось все то же «да, да, да...».

Утром действие анестетика сошло на нет, и он услышал за стенами все ту же мелодию. Ринальдо оделся, вышел из отеля и занялся своими делами.

Я был немного нечестен, всего лишь чуть-чуть, подумал Ринальдо, притворяясь перед Биллом и Гертрудой, что у меня все прекрасно, и не останавливаясь на некоторых неприятных аспектах. Это же относилось и к его нынешним планам. Однако, их совершенно не касалось, что он решил написать о себе книгу. Это лишь подтвердило бы их предположение, что он не в своем уме. Он расскажет им об этом, только когда рукопись будет готова и сдана в издательство, и когда издатель поставит ее в план – вот тогда он прочитает им пару глав из нее.

Он не сомневался, что книга будет хорошо продаваться. Одно только название «Два года в пространстве» намекает на то, что ее автор либо мертв, либо находится на самом краю безумия. Потребуется лишь несколько излишне драматизировать некоторые события, намекнуть на галлюцинации, которые ему случалось

увидеть, притвориться, что ему казалось, что в течение многих месяцев он проживал в настоящем мусульманском раю. Читатели любят все это. Но крайней мере, любили, сказал он сам себе, пока не пристрастились к этой «Да, да, да, да...»

Первым пунктом назначения Ринальдо этим утром был офис издательства. Самого мистера Тригмена, скорее всего, еще нет на месте, но в издательстве царило оживление, и эти признаки кипучей деятельности его подбодрили. Секретарша мистера Тригмена осторожно заморгала глазами и раздраженно ответила, что мистер Тригмен хочет встретиться с Ринальдо, так что, пожалуйста, позвоните попозже и вам назначат встречу.

Где-то позади брякало фортепиано. Ринальдо поспешно ответил, что да, он позвонит. И вышел.

Из офиса Тригмена он направился в штаб «Мыла Сатурна». Правда, подумал Ринальдо, всегда служила хорошей защитой, и, пока он объяснял все молодому секретарю, к которому его направили из приемной, тому нравилось то, что рассказывал Ринальдо. Он пробыл в космосе целых два года и теперь пишет об этом книгу, в которой намеревается описать свои впечатления после возвращения домой. Одним из самых поразительных изменений оказалось проведение Соревнований. Может ли он получить подлинную информацию о том, как начались эти Соревнования, и чей выдающийся ум придумал эту замечательную идею? Только, пожалуйста, все подробности. Это необходимо для того, чтобы противопоставить спокойную, здравомыслящую Землю психопатологическим ужасам космической пустоты.

Секретарь был услужлив, но отвечал неопределенно. В промежутках между частыми пожатиями плеч он сообщал, что ничего не знает об этом, а что и знает, то его время слишком важно, чтобы тратить его впустую на разговоры. Однако, у него есть хороший буклет, выпущенный «Бливинс, Блевенс, Риппл и Косгроув» – ре-

кламной фирмой, работающей на «Мыло Сатурна» и освещающий все детали Соревнования. В нем есть все, что желает узнать Ринальдо.

Ринальдо прочитал буклет, в то время как вокруг него звучали бесконечные звуки фортепиано — это транслировали соревнования прошлой ночи. Из шестидесяти четырех страниц скромного хвастовства он вынес всего две идеи: во-первых, что это является рекламной кампанией без объекта рекламы, и на нее за последний год потрачено больше миллиарда долларов, и, во-вторых, что идея Соревнований не принадлежит ни «Бливинс, Блевенс, Риппл и Косгроув», ни какому другому вторичному рекламному гению.

Следующим его пунктом стал офис «Бливинс, Блевенс, Риппл и Косгроув». Здесь Ринальдо направил к мисс Арруп, представительнице «Мэрфи и Фингера», консультирующей организации по связям с общественностью компании «Бливинс, Блевенс, Риппл и Косгроув». Мисс Арруп оказалась высокой, стройной и доброй. Она была отнюдь не глупа. Ринальдо повторил ей свою историю, и она вручила ему такой же буклет, какой у него уже был. Ринальдо попросил разъяснений относительно происхождения данной рекламной кампании, и мисс Арруп сказала, что будто бы она где-то слышала, что эта идея пришла в голову мистеру Фингеру, когда тот занимался ментальным бритьем. Вы ведь слышали о ментальном бритье, мистер Ринальдо? Некий психолог обнаружил, что если вы сконцентрируетесь правильным образом, то можете управлять верхним слоем кожи и отключить питание волосяных фолликул — по крайней мере, так я все это поняла. А лишённые питания, волосяные фолликулы под кожей начнут увядать, и день спустя, начав расти, волосы сами собой выпадут, стоит вам только провести рукой по лицу. Таким образом, можно бриться заранее, за двенадцать или даже двадцать четыре часа до начала рабочего дня, и ваше лицо всегда останется гладким.

Ну, так вот, мистер Фингер брился этим способом, используя все свои способности к концентрации, а подсознание в это время слушало, как репетирует на пианино его маленькая дочь. И подсознание выдало ему идею: «Игра этого ребенка стоит миллиарда долларов. Да, сэр, целого миллиарда долларов». Так и родилась идея Соревнования. Как Минерва, родившаяся из головы Юпитера.

Мисс Арруп рассказывала эту историю талантливо, как профессиональный детский телесказочник, всеми жестами и интонациями подчеркивая, что она верит каждому слову в сказке о Джеке и Великане, и, конечно, ее маленькие слушатели и зрители тоже поверят ей. Ринальдо мысленно пробормотал вульгарную фразу, означающую недоверие. Возможно, не совсем мысленно, потому что мисс Арруп укоризненно взглянула на него.

— Простите меня, мисс Арруп, — сказал Ринальдо. — Пробыв так долго в космосе... Можете себе представить, каково это. Думаю, я все еще не привык к жизни на Земле, — и он улыбнулся ей.

Мисс Арруп улыбнулась в ответ. Но она улыбалась бы вне зависимости от того, что чувствовала на самом деле. Это являлось частью ее профессионального поведения.

Но Ринальдо тоже знал парочку приемов.

— Пожалуйста, не улыбайтесь, мисс Арруп, — сказал он. — Умоляю вас. Когда вы улыбаетесь, то совершенно подавляете меня. С тех пор, как вернулся, я видел много симпатичных девушек, но ни одна из них не была столь же красива, как вы, когда улыбаетесь. Это уж слишком для меня. Если я расскажу вам, что чувствую... Но не, пожалуй, лучше не стоит, больше ни слова.

Впервые за много лет мисс Арруп покраснела. Ей был известен этот бесстыжий прием, который он применил, она сама использовала подобные, хотя гораздо тоньше. Но все равно, эти льстивые слова не могли не оказать на нее влияние. Это привело ее в несколько непрофессиональное настроение, и тогда Ринальдо сказал:

– Пожалуйста, я бы хотел взять интервью у мистера Фингера и услышать эту историю от него самого.

И мисс Арруп не смогла решительно отклонить его просьбу, как обязана была сделать.

То, что Ринальдо уже услышал, звучало совершенно неубедительно. И, разумеется, ему было совершенно не нужно интервью с мистером Фингером. Настоящей целью этого интервью являлось нечто иное.

– Мистер Фингер не дает интервью, – неуверенно сказала мисс Арруп.

– Я знаю, – ответил Ринальдо. – Но, может, в порядке исключения. Мистер Тигмен заверил меня, что книга произведет большую шумиху, так что не повредит, если рассказ мистера Фингера прочитают миллионы людей.

Правая рука мисс Арруп взметнулась в воздух, и Ринальдо машинально отдернул голову. Но она не пыталась дать ему пощечину.

– Эти мухи так раздражают, – сказала она.

Ринальдо не видел здесь никаких мух.

– Не заметил, – сказал он.

– Они совсем крошечные, – пояснила мисс Арруп. – И так назойливо жужжат..

Ага, подумал Ринальдо, это ее личная форма нервного тика.

– Мне повезло, – сказал Ринальдо. – Пожалуй, я не такой милый, чтобы привлекать мух.

При этом он знал, что нет никаких мух, и был совершенно уверен, что ей это тоже известно.

Мисс Арруп снова улыбнулась.

– Насчет мистера Фингера... Я посмотрю, смогу ли что-нибудь сделать. Но уверена, что все бесполезно.

– Спасибо, мисс Арруп. Ко всему, что вы делаете – принесет

это пользу или нет, – вы всегда прикладываете максимум усилий. Я в этом уверен. Вы не будете возражать, если я задам личный вопрос?

Оказалась, что мисс Арруп этой ночью не занята.

Он пришел к назначенному часу, и, когда нажал звонок, доносившиеся из квартиры звуки фортепиано смолкли. Мисс Арруп возникла в дверях и рассеянно поздоровалась с ним.

– Вы подождете пару минут? – спросила она. – Я только закончу репетировать.

Оставшись один в гостиной, он попытался осмотреться, но ничего интересного не увидел. Самое главное состояло в том, что он услышал. Мисс Гарриет Арруп играла уверенно, с чувством, даже со страстностью, служившей добрым предзнаменованием того, что они хорошо проведут время. Но мелодия, которую она исполняла, была все той же:

Да, да, да, да,

Ди, да, да, да,

Да, ди, да, ди...

Он не посмел ей этого сказать. Он похвалил ее музыкальные способности, и она разулыбалась от удовольствия.

– Мой учитель уверен, что я выиграю приз на следующей неделе, – сказала она. – Всем, кто работает на «Бливинс, Блевенс, Риппл и Косгроув», не дозволяется принимать участие в общих Соревнованиях, но знаете, у нас есть свое специальное Соревнование.

– Замечательно. Это для вас счастливый случай, – сказал Ринальдо.

При этом он подумал, интересно, раз уж она сама коснулась этой темы, не лучше ли продолжить задавать вопросы о Сорев-

нованиях? Нет, лучше подождать, решил он, может быть, позже. Нужно подождать, пока у нас не возникнут настоящие интимные отношения. Нужно подождать, пока не рухнут ее оборонительные рубежи.

Позже она много болтала, но он не узнал ничего нового, за исключением того, что возникают ужасные моменты, когда девушке приходится ловить несуществующих мух. Нет, вечер потрачен не впустую, подумал он, по крайней мере, для человека, который так долго пробыл один в космосе. Но все же, он ни на дюйм не приблизился к своей цели – выяснить происхождение Соревнований.

В течение следующих нескольких дней он точно узнал, что мистер Фингер не может его принять. Мистер Фингер слишком занят, и его не интересует упоминание в книге Ринальдо, даже если она станет всемирным бестселлером.

Я пытаюсь пробить глухую стену, подумал Ринальдо. Толстую, дружно выстроенную стену. У меня нет сил пробить ее. Но, может, мне удастся ее обойти? Фрэнсис Фигнер – это Юпитер, вот кто официальный изобретатель Соревнований. Но кто поместил Минерву в голову Юпитера, в то время, как сам Юпитер, похоже, и не подозревал об этом? Услышал игру своей дочери? Ерунда! И рекламные фирмы, и консультации не могут базировать на этом возведение Соревнования стоимостью в миллиард долларов.

Гарриет точно не знает и, кажется, подозревает, что и сам Фингер не знает об этом. Но есть люди, которые наверняка знают об этом человеке больше, чем он сам. Его личная секретарша, конечно, но секретарши держат рот на замке. Его жена, его любовницы, если бы я сумел их найти, его дочь...

Его дочь.

Два дня спустя, при помощи Гарриет, звонка от Тригмена и собственного ухищрения, он встретился с маленькой Джойс Фингер.

Это произошло в закрытой школе для девочек, куда его пригласили дать малопонятную и совершенно неуместную лекцию по задуманной книге «Два года в пространстве», а после лекции он отвечал на вопросы. Цель этого, с его точки зрения, состояла в том, чтобы разговорить детей.

Джойс было восемь лет, и она выглядела немного стеснительной, как и подобает девочке, отец которой являлся превосходным профессионалом и выдавал блестящие идеи, по сравнению с которыми ее собственные детские замыслы выглядели позорно. У нее была привычка обкусывать ногти. Но Ринальдо вел себя по-отечески, хотя и испытывал перед ребенком некоторый стыд, и через некоторое время Джойс растаяла, пару раз куснула ногти и стала выкладывать ему свои девичьи тайны.

Для беседы она выбрала именно тот предмет, который делал ее такой важной в глазах других детей. В конце концов, ее отец, как считалось, был создателем большого Соревнования, Соревнования, ради которого все остальные дети выкладывались до последних силенок. И именно ее игра на фортепиано подала отцу эту идею. И на Соревновании исполняли ту самую мелодию, которую она тогда наигрывала.

– Папа сказал, что я легко смогу выиграть первый приз, только это будет нечестно, поэтому мне не разрешают участвовать в Соревновании.

– Ну, меня очень взволновало, Джойс, когда я услышал, что это ты подала своему папе идею.

– Папа говорит, что я подаю ему много идей.

– Моя мама тоже говорит, что я подаю ей идеи, – добавила другая маленькая девочка.

– Но не такие идеи, как эта, – оборвала ее Джойс. Она оказалась в центре внимания и не собиралась сходить с этого пьедестала. – Папа говорит, что я сводила его с ума своими репетициями.

Одну и ту же вещь, день за днем. Сначала он говорил, что со мной что-то не так, и даже советовался с доктором Клутцем, но теперь он говорит, что не возражает против этого. Теперь он говорит, что я подала ему идею на миллиард долларов, и что бы я ни играла, он будет с удовольствием слушать. Он говорит, что Соревнование помогло его лучше, чем доктор Клутц.

Она продолжала болтать, но Ринальдо перестал слушать. Доктор Клутц был известным психиатром. Конечно, любой психиатр, к которому обратится Фингер, должен быть известным. А кто еще знает о человеке то, чего не знает о себе он сам, как не его психиатр?

Ринальдо почувствовал досаду, что не додумался до этого сам. Досаду и раздражение, которые в последнее время он чувствовал все чаще. Раздражение из-за этого бесконечного бряканья на фортепиано.

Договориться с доктором Клутцем о встрече оказалось весьма нелегко и очень дорого. Но в пользу Ринальдо говорило то, что он вернулся после двухлетнего пребывания в космосе, поэтому доктор Клутц мог профессионально заинтересоваться им. А пока Ринальдо дождался назначенной встречи, он раскопал множество фактов, которые, как он чувствовал, могли оказаться полезными.

Когда, наконец, Ринальдо попал в большой врачебный кабинет, то почувствовал неловкость. Как покопаться в мозгах человека, профессией которого было копать в человеческих мозгах?

Доктор Клутц был среднего роста, коренастый, лысый и бородатый. Борода у него была каштановая, испещренная проблемскими сединами, а глаза оказались бледными и водянистыми, и одно веко слегка подергивалось. Но щеки, где их не скрывала борода, розовели румянцем.

Через стены кабинета прорывались вездесущие звуки фортепиано.

– Ах, да, – сказал он, услышав имя Ринальдо. – Присаживайтесь, пожалуйста. Чем могу быть вам полезен?

– Доктор Клутц, как я уже сообщил вашей секретарше, я только что вернулся после двухлетнего пребывания в космосе. Я обнаружил, что мне трудно приспособиться к некоторым изменениям, произошедшим за это время на Земле. Особенно к бесконечной игре этой проклятой мелодии, которую все репетируют для Соревнования.

– Я вам сочувствую. Но если это и все... Скажите, а вы пробовали анестезирующее масло для ушей?

– Я пользовался им несколько ночей, чтобы уснуть, но вынужден прекратить, потому что у меня начало звенеть в ушах. Но даже если бы это и оставалось без вредных последствий, я нахожу неприемлемой альтернативу между глухотой и сводящей с ума мелодией.

– У вас появился навязчивый страх перед этими тренировками?

– А у вас?

– Пожалуйста, не отвлекайтесь. Мы ведь вас обсуждаем.

– Нет, доктор, я пришел сюда не для этого. Вы ничего не можете сделать, чтобы этот постоянный, раздражающий шум стал приемлемым. Я только хочу узнать, как все это началось?

Брови врача поднялись, но эффект неодобрения несколько испортился подергиванием века.

– Мне жаль, но я ничего не знаю об этом.

– А я думаю, что знаете. И не пытайтесь прикрываться своим званием психиатра, доктор. Вы пользовали Фрэнсиса Фингера, когда ему пришла эта блестящая идея. Действительно ли вы внушили ему эту идею при помощи гипноза?

Веко задергалось снова.

– Молодой человек, – сказал доктор Клутц. – Кто вам внушил подобную мысль?

– Его дочь. Ее болтовня. И это показалось мне более вероятным, чем объяснение, что идея возникла у него просто так, из ниоткуда.

– Какая чепуха, – улыбнулся доктор Клуцц.

– Разве? Ведь вы венерианин, доктор Клуцц, не так ли? Мистер Фингер пришел к вам на прием, потому что у него, очевидно, нет никакого предубеждения против венериан. И тут же эта идея пришла ему в голову, сразу, готовая, во всех деталях. А Венера – одна из планет, которым строго запрещено участвовать в Соревновании. Как вы объясните все это?

Доктор Клуцц казался вовсе не смущенным этим вопросом.

– Очень просто, – сказал он. – Венера, как Марс и луны Юпитера, слабо заселена. По разным причинам, жизнь там достаточно примитивна. И спонсорам не принесло бы большой пользы пытаться устраивать Соревнования там, где люди слишком заняты борьбой за выживание, чтобы бренькать на фортепиано и слушать радио.

– Но спонсоры извлекают выгоду из Соревнования на Земле? Соревнования обходится им в миллиард долларов, доктор Клуцц. А что составляет общий объем продаж? Как они собираются возвращать свой миллиард?

– Мне неизвестны такие финансовые подробности.

– Как и большинству остальных людей, иначе бы они давно почувствовали запахок чего-то подозрительного. Как это может быть, доктор Клуцц, что все соревнования субсидированы неким неизвестным источником, работающим с одним-двумя спонсорами?

Доктор Клуцц спокойно взглянул на него.

– Странные вещи вы говорите.

– Возможно, – согласился Ринальдо. – Но я много думал об этом. И я считаю, что спонсоры все же извлекают выгоду из Соревнований. Но кто они?

– Общественность. Подумайте о том, сколько добра можно сделать с такими деньгами, скольким бедным семьям можно помочь...

– Пожалуйста, доктор, меня уже тошнит от всего этого. Единственная прибыль от всего этого обществу – головная боль. Ведь это затронуло даже вас. Возможно, вы вводили идею в голову Фингера, но у нее оказались неприятные последствия, затронувшие вас самих.

– Я снова вынужден вам напомнить, – сказал доктор Клутц. – что вы здесь не для того, чтобы обсуждать меня.

– Я пришел, чтобы узнать, как все это началось. Кто поставил вас сюда, доктор? Венера? Марс? Или все внеземные колонии разом?

– У вас какие-то странные мысли...

– Странность лишь в том, что они больше ни у кого не появились. Возможно, в чем-то я и заблуждаюсь, доктор, но вы именно тот человек, который может все объяснить, не так ли? Другие планеты только начали развиваться. Они не столь примитивны, как вы тут намекнули, раз могут готовить таких первоклассным психиатров, как вы, и одновременно мало конкурентоспособны. Земная промышленность легко выдавливает их с выгодных рынков сбыта. А теперь предположим, что они захотели нанести ответный удар в самое сердце. Как легче всего справиться с земным производством? Нужно лишь привести большую часть населения Земли в состояние, близкое к безумию.

– Мы больше не используем это слово, – уточнил доктор Клутц. – У него нет никакого научного значения.

– Да бросьте вы вилить. Идея очень проста. Вы вешаете миллиард долларов в качестве приза перед носом людей. Они лезут из кожи, чтобы выиграть приз – и сходят с ума.

– Уровень серьезных неврозов, – сказал доктор Клутц, по-прежнему пользуясь научными терминами, – чрезвычайно повысился. Но психозом страдают лишь единицы.

— Ладно, ладно, — сказал Ринальдо, — большинство почти сошло с ума. Эффективность их работы снизилась на двадцать — двадцать пять процентов. Я провел некоторые расчеты, доктор, и они все подтвердили. Такое снижение эффективности производства позволяет Марсу, Венере и остальным успешно конкурировать с Землей.

— Очень интересная теория. К сожалению, у вас нет никаких доказательств.

— Я знаю, доктор. Я просто хотел услышать ваше мнение.

— Могу лишь сказать, что ваша теория столь же абсурдна, сколь и интересна.

— Доктор, а вы не хотели бы пройти проверку на детекторе лжи? — спросил Ринальдо. — Или чтобы вас допросили, с применением наркотиков и соответствующих препаратов, земные психиатры, которые не менее опытные, чем вы?

Доктор Клутц застыл неподвижно. У него даже глаз перестал подергиваться.

— Ваши заблуждения становятся опасными, — мягко сказал он. — Могу лишь предупредить, что если вы попытаетесь выполнить эти планы, все закончится неудачно — для вас. Можно легко убедить моих коллег, что длительное пребывание в космосе вызвало у вас стойкие галлюцинации. Как я понял, некоторые из них описаны в первых главах вашей книги.

— Моей книги? Дорогой доктор Клутц, вы хотите сказать, что пошли на преступление и выкрали у меня эти главы? Можете больше ничего не говорить. Вы убедили меня в том, что думаете, будто я опасен. Вы доказали мне, что я прав.

— Вы проницательны, — сказал доктор Клутц. — Вы умеете рассуждать. Но ваши рассуждения никого не убедают. Разве вы не понимаете, что земные психиатры также хотят разбогатеть? У них тоже есть дети, и они хотят, чтобы их дети выиграли приз. И если вы попробуете, — как планируете — разочаровать их в этом, их гнев

обрушится на вас. И они, как и любые другие граждане, порвут вас на куски.

– Я это знаю. Людям нравятся их иллюзии. Я и не собираюсь заходить настолько далеко. Я лишь хотел узнать правду для удовлетворения собственного любопытства. Я лишь хотел удостовериться, кто из нас сошел с ума, я или весь мир?

– Болезнь, как вы могли убедиться, станет развиваться и дальше.

– И какова цель? – спросил Ринальдо. – Через какое-то время фортепиано начнут ломаться, люди превратятся в толпу раздраженных невротиков, и никто из них не сможет производить новые инструменты. Тогда болезнь закончится сама собой. Вы это имели в виду?

– Вообще нет. Я абсолютно уверен, что болезнь закончится раньше, чем поломаются музыкальные инструменты. А вы знаете, что многие люди уже стали покидать Землю? Напряжение их доконало. Я сам уже передаю своих пациентов другим психиатрам и через месяц отбываю на Венеру.

Ринальдо рассмеялся, и его правая нога стала постукивать по полу.

– Вы зря смеетесь, – сказал доктор Клутц. – Я советую вам тоже улететь на Марс или на Венеру.

– Нет, – сказал Ринальдо, прекратив постукивать. – Вы не музыкант, доктор, так что просто не поняли. Я постукивал ногой в три четверти – в темпе вальса, – а не в такт проклятым четвертям этой мелодии. Я просто хотел показать вам, что прекрасно могу сопротивляться навязываемой музыке. Во всяком случае, пока что могу.

– И все же я рекомендую вам Венеру.

– Венера? Нет, спасибо, доктор, этому предложению я тоже могу сопротивляться. И я не хочу попасть из огня да в полымя – я намекаю на Венеру.

– Из огня... на Венеру... Теперь я вас не понимаю.

– А может, просто боитесь понять? – Ринальдо подался к нему.

– Подумайте, доктор, хотя вы и оптимист. Безмозглый оптимист. Кто вам сказал, что венериане лучше остальных чертовых дураков, которые ходят на двух ногах? Кто вам сказал, что они станут сопротивляться желанию выиграть приз в миллиард долларов успешнее, чем земляне?

– Но ведь это... это безумие запрещено на Венере.

– Безумие – ненаучный термин. Эта болезнь поразит Марс, Венеру и каждый населенный спутник в Солнечной системе. Нельзя изолировать безумие, доктор Клуцц. Особенно когда речь идет о призе в миллиард долларов. Рано или поздно, промышленники Земли поймут, что с ними сделали. И начнут защищаться.

– Их остановят, – сказал доктор Клуцц, и его веко дважды дернулось, словно в подтверждение сказанного.

– Вы не сможете их остановить. Как вы сами сказали, только попробуйте отнять приз у больных дураков, которые столь долго пытаются его получить, и они порвут вас на части. То же самое справедливо и для Венеры.

Доктор Клуцц замер. Несколько секунд у него даже не дергался глаз.

– Вы поняли мою мысль, доктор, – продолжал Ринальдо. – Через несколько лет после того, как безумие, как вы предполагаете, утихнет на Земле, настанет черед Марса, Венеры, других планет, затем вернется на Землю, и так далее. Когда я был ребенком, медицина еще не победила простуду, и дело обстояло так. Сперва заболел я, от меня простуду подхватывал мой брат, от него отец, а от отца она опять возвращалась ко мне. Кто-то в семье всегда был простужен. А теперь все гораздо хуже, чем простая простуда. И продолжаться это будет, по меньшей мере, несколько поколений.

Доктор Клуцц побледнел.

– Боже мой, – простонал он, – Мне следовало понять это самому. Были атомные бомбы, водородные, но никогда не существовало оружия, действующего лишь на одну сторону. Что же мне делать?

– Проконсультируйтесь с хорошим психиатром, – ответил Ринальдо. – Что касается меня, то я знаю, что сделаю. Я вернусь на свою космическую станцию, или на любую другую. Только там я буду уверен, что все в порядке, припасов достаточно, а воспроизводящая еду система работает нормально, и что я могу спокойно провести там остаток жизни.

– Один? – Доктор Клуцц встрепетнулся и опять задержался. – Но это же верный способ получить психическое расстройство.

– Там у меня будет работа. И может быть, через какое-то время я буду уже не один. Есть кое-кто, кого я бы хотел взять с собой, – Ринальдо подумал о мисс Арруп. – Но я не думаю, что сейчас на это есть шансы. Не раньше, чем она выиграет один из призов и выкроит время от ловли несуществующих мух. Не знаю, сколько времени на это потребуется. Но я оставлю ей свои координаты и, возможно, через несколько лет она захочет увидеть меня.

– Но у вас все же очень много шансов остаться в космосе одному слишком надолго.

– Ну, не так долго, как вы думаете, доктор Клуцц. Кроме того, у меня очень интересная работа. Разве я вам не говорил? Это не просто наблюдения и ведение записей.

– В черновиках вашей книги вы пишете, что работа у вас там была самая простая и нудная.

– Ну, да. Правда оказалась бы несколько сложна для среднего читателя. Она показалась бы ему абсурдной, пустой тратой правительственных средств. И он бы завопил, призывая прикрыть эту программу. А значит, и меня прикрыли бы тоже. Но мы с вами ученые, доктор Клуцц, и, как с ученым, я могу говорить с вами от-

кровенно. Вы знаете, что я там делаю? Кое-что, кстати, по вашей линии.

Доктор Клуцц нахмурился и задержался.

– Вы изучаете психические отклонения у людей, пробывших долгое время в изоляции в космосе?

– Не совсем, – сказал Ринальдо. – Вы могли бы назвать меня космическим психиатром. Но я не изучаю психические отклонения у людей. Я изучаю сумасшедшие астероиды.

– Какие? – воскликнул доктор Клуцц.

– Шокирующее название? – усмехнулся Ринальдо. – Фактически, оно не совсем научное. Официально они называются АСЧЭО – Астероиды С Чрезвычайно Эксцентричными Орбитами. Но между собой мы их называем «сумасшедшими астероидами». Это крошечные тела, мили в две или даже меньше в диаметре. До сих пор известно только четыре таких, и те не были обнаружены до недавнего времени.

– Но почему вы их так называете? – спросил доктор Клуцц.

– Подождите, пока я вам не расскажу, что они вытворяют. Ну, вы знаете, что обычные астероиды летают вокруг солнца по эллиптическим орбитам, как и все планеты. А сумасшедшие астероиды движутся почти так же, как и остальные – за одним маленьким исключением. В определенный момент они начинают петлять в космосе – а потом летят дальше, как ни в чем не бывало. Вы когда-нибудь в жизни слышали что-нибудь более безумное?

– Но почему? Может, причиной являются электромагнитные или какие-нибудь другие гравитационные силы?

– Это я и пытаюсь определить. Я пытаюсь также понять, почему их число увеличивается. Астероиды в течение нескольких поколений являются объектами наблюдения, и лишь десять лет назад обнаружился первый сумасшедший астероид. Это очень интересное явление, доктор Клуцц, и оно поможет мне остаться в здравом

уме. Какой может существовать лучший способ сохранить здоровую психику, как изучать чужое безумие?

Хмурый взгляд, дергающийся глаз.

– Ваше противоядие может быть не столь эффективно, как вы думаете, – с трудом произнес доктор Клутц. – Судя по моему собственному опыту, одна только работа не помогает избежать опасности.

– Ну, с той опасностью я как-нибудь справлюсь. А вот с опасностью этого дьявольского Соревнования – нет. Спасибо, доктор Клутц, за информацию, которую вы мне сообщили. Было приятно побеседовать с вами. Надеюсь, Земля и остальные планеты продолжат экономическую войну. Плохо, конечно, что в ней столько жертв, но где вы видели войну без жертв?

Доктор Клутц с сожалением покачал головой. И подергал глазом.

Новая космическая станция была точно такой же, как старая. Ее построили на обычном астероиде, не сумасшедшем. Основательно и надежно. Захватывающая, интересная работа, чуть-чуть рутины, и никаких

Да, да, да, да,
Ди, да, да, да,
Да, ди, да, ди...

На складе он удивленно остановился. Там нашлось кое-что новенькое.

Фортепиано.

Он посмотрел на капитана корабля, доставившего груз. Тот усмехнулся.

– В Соревновании разрешили участвовать парням со всех кос-

мических станций. Конечно, они должны быть землянами. Не допускается никто с Марса, Венеры или со спутников Юпитера.

Понятно, подумал Ринальдо и вслух произнес:

– Но зачем нам все это?

– Ну, вы же знаете, большинство людей не могут пробыть так долго в космосе в одиночку, как вы. Это поможет им сохранить здравый рассудок. К фортепиано приложены инструкции, чтобы каждый мог научиться играть, независимо от того, подходил он прежде хоть раз к инструменту или нет. Будут разработаны особые условия для демонстрации вашей игры судьям на Земле. Там учтут все детали.

Они обменялись рукопожатиями. Ринальдо был все еще слишком ошарашен, чтобы что-то возразить. Затем корабль улетел, и он остался один.

Он устался на фортепиано. Какая сумасшедшая идея. Конечно, они очень тактичны. У заброшенных в космос бедо-

лаг тоже должна быть возможность получить миллиард. Забавно, если бы я вернулся из космоса миллиардером, подумал Ринальдо. Очень забавно. Правда, мисс Арруп ничуть бы не удивилась, даже если бы сумела выбрать время между репетициями и ловлей мух.

Ринальдо раскрыл книжку с инструкциями. Мелодия выглядела столь же простой, как и звучала. Для нее требовалось лишь пять легких уроков. Ребенок справился бы с этим за пять недель. Взрослый со средним интеллектом мог выучить ноты за день. А затем последовали бы месяцы репетиций, и сплошное:

Да, да, да, да,

Ди, да, да, да,

Да, ди, да, ди...

Словно загипнотизированный, Ринальдо уселся за фортепиано. В инструкции была нарисована схема клавиш. Так, правую руку сюда, левую – сюда. Вот эти ноты...

Внезапно он встал, весь дрожа. Озираясь, взял первый попавший под руку тяжелый инструмент. Сгодится!..

Ринальдо вздохнул и с силой опустил его на клавиши фортепиано. Клавиши, сделанные из поддельной слоновой кости, брызнули во все стороны.

– Полегче, Ринальдо, полегче, – пробурчал он себе под нос. – Фортепиано никуда не убежит. Давай не станем спешить, а сделаем все последовательно, неторопливо...

И он спокойно, почти небрежно продолжил разносить клавиатуру. Потом открыл крышку фортепиано и перешел ко внутренностям несчастного инструмента. Под его чуть ли не нежным натиском, струны рвались с самыми мелодичными звуками, какие он когда-либо слышал. И все в те же четыре такта.

Galaxy

SCIENCE FICTION

JUNE 1955

35¢

\$6,500.00 PRIZE WINNING STORY

STARTS IN THIS ISSUE

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

ФОТОРАФИЯ НЕВЕСТЫ

Мой брат Перри всегда был слегка не в себе. Ребенком он чуть не взорвал наш дом своими экспериментами. Когда ему стукнуло восемнадцать, он начал писать стихи, но слава Богу, это продлилось недолго, и он вернулся к науке.

И когда он показал мне эту фотографию, я решил, что у него повторение пройденного.

– Это девушка, которую я люблю, – заявил он.

На вид она была не плоха. Совсем не плоха, несмотря на то, что одежда у нее выглядела безумной. Она была не моим типом – я любил умненьких девушек, – но прекрасно видел, что многие парни клонули бы на нее.

– Я думал, тебе нравятся блондинки, – сказал я.

– Я не дал бы и двух центов за всех блондинок Голливуда, – ответил он. – Эта девушка для меня единственная.

– Ты говоришь с каким-то трагическим оттенком, – заметил я.

– Ты собираешься на ней жениться?

Лицо у него стало грустным.

– Я не могу, – сказал он.

– Ты хочешь сказать, что она замужем?

Я был удивлен. Это вовсе не походило на Перри.

Он заколебался, точно боялся сболтнуть лишнего.

– Нет, она не замужем. Я спрашивал ее об этом. Но я не могу жениться на ней, потому что я... ну, я никогда не встречал ее. Я лишь видел это фото и кое-что еще. Она живет не здесь.

– Ты имеешь в виду, она живет в Европе?

Я слышал о любовных знакомствах по переписке, но они всегда казались мне бессмысленными.

– Почему она не может приехать в нашу страну? – спросил я Перри.

– Ну-у... по многим различным причинам.

История казалась мне все более странной..

– Послушай, Перри, – сказал я, – По-моему, все это пахнет надувательством. Есть мошенники, которые превращают подобные штучки для обмана легковверных провинциалов. Удивляюсь, как ты мог в это вляпаться. Откуда тебе известно, что эта дама действительно живет в Европе? Любой может послать фотографию...

– Ты все не так понимаешь, – сказал он. – Я разговаривал с ней.

– По телефону? И откуда ты знаешь, кто находился на другом конце провода? Ты слышал незнакомый женский голос. Почему ты решил, что это именно ее голос?

И снова показалось, что он не хочет говорить, словно существует какая-то тайна. Но я предполагал, что ему страстно хотелось поделиться ею, иначе не стоило бы и начинать. Он уже рассказал мне достаточно много, так что остановиться было бы глупо.

После колебаний, продлившихся дольше прежнего, он произнес:

– Давай говорить напрямик, Джордж. Это не обман. Я видел ее и разговаривал с ней одновременно. И то, о чем она говорила, не могут знать никакие мошенники.

– Ты одновременно видел и говорил с ней? Ты имеешь в виду что-то вроде телевидения? Я этому не верю. Не могли же они вести телепередачу из Европы...

– Я не сказал, что это было телевидение. И я не говорил, что она живет в Европе.

— А по-моему, говорил. Или ты подразумевал, что она живет на Марсе?

— Нет, она американка.

— Это все больше и больше кажется мне бессмысленным. Где же ты видел ее?

Он покраснел и заерзал, но все же ответил:

— Прямо здесь, в моей лаборатории.

— В твоей лаборатории! Но ты же говорил, что не встречал ее во плоти!

— Да. Не встречал. Но и видел ее не по телевизору. Все дело в том, что она еще не родилась.

Я отшатнулся от него. Когда он в детстве взорвал нашу кухню, мне это не понравилось. Когда он стал писать стихи, я стыдился его и не хотел, чтобы мои приятели узнали, что он мой брат. А теперь я испугался по-настоящему. Все, что он наговорил за последние десять минут, стало приобретать смысл, но и странный же был этот смысл!

Он понял, о чем я думаю.

— Не волнуйся, Джордж, я еще не сошел с ума. Она живет в две тысячи девятьсот семьдесят третьем году, дальше, чем через тысячу лет. Я разговаривал с ней, потому что воспользовался для связи машиной времени.

— Повтори еще раз, — попросил я.

— Это своего рода машина времени. Насколько мне известно, мы не можем посылать взад-вперед во времени материальные объекты, но можем послать волны особого вида, с помощью которых получается передавать сигналы. Вот так мы с ней смогли увидеть друг друга и поговорить.

— Перри, мне кажется, тебе следует показаться хорошему врачу.

— Это замечательное устройство, — продолжал он, не обращая внимания на мои попытки помочь ему. — Она первой построила

его и связалась со мной. Оно основано на развитии уравнений Эйнштейна...

– Ты думаешь, что объяснил мне все, – сказал я. – Ладно, тогда поясни мне еще одно. Эта дама родится лишь через тысячу лет. И все же ты говоришь мне, что любишь ее. И какая тогда разница между тобой и любым чокнутым?

Я спросил это так, словно любой знал ответ.

Конечно же, Перри не ответил. Фактически, последующими поступками он доказал, что никакой разницы нет. Потому что несколько следующих недель, единственное, о чем он говорил помимо уравнений, которые я все равно не мог понять, так это о той даме. Какая она умная, какая она красивая, какая она замечательная во всем, в чем только может быть замечательной дама, и как она любит его. И через какое-то время ему удалось убедить меня, что она существует на самом деле.

– По сравнению с тобой, – сказал я, – у Ромео был весьма умеренный случай шизы.

– Есть настолько огромные величины, что измерить их невозможно, – ответил он. – Может, это сравнение даст тебе некоторое представление о нашей любви друг к другу.

И пошло, и пошло, словно в нем, как когда-то, прорезалась вдруг поэтическая муза. Все это время я думал о происходящем с ним, как о кори, которой нужно разок переболеть, чтобы потом не бояться заразиться. И лишь дальнейшие события показали, насколько я ошибался.

– И где ты найдешь проповедника, который поженит вас? – спросил я. – Того, который родится через пятьсот лет?

– Не думаю, что это смешно, – ответил он.

– И это ты говоришь мне. Послушай, Перри, ты достаточно умный, чтобы понять, что я думаю...

– Ты по-прежнему полагаешь, что я сумасшедший.

– Я в этом деле беспристрастен. А раз ты не хочешь пойти к врачу, тогда... тогда разреши мне увидеть эту даму. Может, тогда ты сможешь убедить меня, что не бредишь?

– Нет, – сказал он. – Я уже думал об этом. Ее голос и изображение приходят в наше время всего лишь на пять минут в день, иногда даже меньше. И эти минуты драгоценны для нас. Нам не нужно никаких других подарков.

– Даже если это убедит меня в ее существовании? – спросил я.

– Это все равно ни в чем тебя не убедит, – пронзительно возразил Перри. – Что бы я тебе ни показал, ты все равно отыщешь причину назвать это мошенничеством.

И он был прав. Потребовалось бы очень большое убеждение, чтобы заставить меня поверить, что малышка, которая не родится в ближайшую тысячу лет, любит его.

Тем не менее, к этому времени я был уверен в одном – в его лаборатории происходит что-то странное. Ежедневно в течение примерно пяти минут он видел некую даму и слышал ее голос. Если бы я мог увидеть, на что это похоже, то попытался бы выяснить, откуда все это исходит.

Тогда я начал следить за Перри. Я без предупреждения стал носить ему визиты и заглядывать в лабораторию. В одном углу крепилось нечто похожее на десятидюймовую телевизионную трубку, но не упакованную в корпус, а лежавшую на столе среди десятков других трубок, реостатов и прочих штукоев, мне не известных. Вдоль стены, тянущейся из этого угла, было смонтировано опять-таки много чего. Перри предупредил меня, что там все под высоким напряжением и попросил ничего не трогать.

Я и не трогал. Я не собирался убить себя. Я всего лишь хотел увидеть эту девушку.

Наконец, мне удалось установить, что все происходит где-то между тремя и четырьмя часами пополудни. Ежедневно, в течение этого часа, Перри запирает дверь и не отвечает на телефонные звонки. Я решил, что если загляну к нему тогда, то увижу ее хотя бы краешком глаза.

Так я и сделал.

Когда я постучал в дверь, то сначала не услышал никакого ответа. Однако, через минуту мне показалось, что я слышу голос Перри, но он говорил не со мной.

— Любимая, — сказал он, и голос его прозвучал совсем болезненным, что должно было означать, подумал я, что он умирает от любви.

Но возможно, он все же немного трусил. Потому что чуть погодя я услышал, как он произнес:

— Я не боюсь.

Затем секунд пятнадцать все шло тихо. И вдруг я услышал громкий треск, словно от разряда молнии. Дверь содрогнулась, я ощутил сильный запах озона, и мне захотелось убежать оттуда. Но я не мог оставить брата внутри.

Я ударил плечом в дверь и легко вышиб ее, должно быть, взрыв, или что там случилось, ослабил дверные петли. Дверь вылетела, я заскочил в лабораторию и стал искать Перри.

Но там его не оказалось. Я увидел его полуботинки на полу перед телевизионной трубкой, где он, очевидно, стоял, поверх них лежали носки, но в них не было никаких ног. Все устройства вдоль стены курились дымком. Телеэкран был по-прежнему освещен, и я увидел на нем лицо девушки, той самой девушки, фотографию которой мне показывал Перри. На ней был такой же странный костюм, и выглядела она испуганной. Это было ясно видно.

Затем на ее лице вдруг вспыхнула счастливая улыбка, и примерно за полсекунды до второго взрыва я увидел на экране Перри. После второго взрыва, — даже учитывая, что он получился не та-

ким сильным, как первый, – телевизор превратился в кучу обгоревшего хлама.

Перри всегда принимал решения и действовал сразу, мгновенно, никогда не думая о том, правильно ли завязан у него галстук и одного ли цвета носки. Вот и теперь он отправился в путешествие на тысячу лет в будущее босиком. И я почувствовал некоторое смущение за него.

Но, так или иначе, они, наверное, поженились, и у нее нашлись для Перри шлепанцы. Вот только мне жаль, что я не попал на их свадьбу. Мне осталась лишь ее фотография на память.

Galaxy Science Fiction, 1955 № 6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Бурцев</i> От составителя	3
МЕХАНИЗМЫ ВРЕМЕНИ <i>пер. А.Бурцев</i>	5
ВНУТРЕННИЕ МИРЫ <i>пер. А.Бурцев</i>	164
ТЕМНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ <i>пер. А.Бурцев</i>	204
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА <i>пер. А.Бурцев</i>	224
ЭТАЛОН СУДЬИ <i>пер. А.Бурцев</i>	225

НЕНАВИСТНИКИ <i>пер. А.Бурцев</i>	272
ОХОТНИКИ <i>пер. А.Бурцев</i>	295
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗНАНИЯ <i>пер. А.Бурцев</i>	316
МУЗЫКА СФЕР <i>пер. А.Бурцев</i>	335
ФОТОГРАФИЯ НЕВЕСТЫ <i>пер. А.Бурцев</i>	367

Зарубежная

фантастика

Издательство «М.И.Ф.»